

Российский государственный гуманитарный университет  
Russian State University for the Humanities



RGGU BULLETIN

№ 3 (65)/11

Scientific monthly

*Philosophy. Sociology Series*

Moscow  
2011

ВЕСТНИК РГГУ

№ 3 (65)/11

Научный журнал

Серия «Философия. Социология»

Москва  
2011

УДК 309  
ББК 66.0я43  
П50

Главный редактор  
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора  
Д.П. Бак

Ответственный секретарь  
Б.Г. Власов

Главный художник  
В.В. Сурков

Серия «Философия. Социология»

Редакционная коллегия:

Е.Н. Басовская  
Ж.Т. Тощенко  
Н.М. Великая  
И.О. Шевченко  
Е.А. Колосова

ISSN 1998-6769

© Российский государственный  
гуманитарный университет, 2011

## СОДЕРЖАНИЕ

### **Теория и история социологии**

---

<i>Романовский Н.В.</i> История социологии – конструкционистская перспектива . . . . .	11
<i>Голосеева А.А.</i> Полемика вокруг понятия «субъективный метод» в социологии в русской общественной мысли второй половины XIX века . . . . .	31
<i>Демьяненко Н.В.</i> Социология Герберта Спенсера в становлении российской «субъективной» школы XIX столетия . . . . .	48
<i>Парамонов Д.О.</i> Языковая политика и демократия в состоянии нарастающей сложности. Модели рефлексивной социологии . . . . .	66
<i>Асташкин А.В.</i> Эволюция идей о формах и механизмах социального воспроизводства . . . . .	91
<i>Чучукалова Р.А.</i> Предыстория концепции устойчивого развития . . . . .	101

### **Актуальные проблемы экономической социологии**

---

<i>Баринов Д.Н.</i> Константы общественного бытия как фактор возникновения социальной тревожности . . . . .	110
<i>Китайцева О.В.</i> Особенности символического потребления в современной России с позиций социокультурной парадигмы П.А. Сорокина . . . . .	120
<i>Бабаян А.Н.</i> Коммерческий банк как специфическая деловая организация . . . . .	129

---

### Региональная политика и социальные процессы

---

- Чернов В.В.*  
Возможно ли «новое освоение» Сибири и Дальнего Востока:  
социологическое измерение ..... 143
- Шилов Н.В.*  
Влияние СМИ на этнополитические процессы  
(на материалах Республики Мордовия) ..... 151
- Димаева Ф.В.*  
О традиционной и современной культуре чеченцев ..... 161
- Джамалдаева М.А.*  
Участие вузовской интеллигенции в восстановлении  
системы образования Чеченской Республики ..... 170

---

### Социология образования и культуры

---

- Буланова М.Б.*  
Высшее образование в условиях российского зарубежья ..... 176
- Вдовиченко Л.Н.*  
Позиционирование мечты как формы идеала ..... 189
- Кривенкова Ю.Е.*  
Инновации дошкольного образования в современной России ..... 199
- Колосова Е.А.*  
Динамика воспроизводства традиционных  
и инновационных практик детского чтения ..... 209

---

### Социология семьи

---

- В.И. Горбачева, Д.В. Мальцева*  
Методологические основания теоретического  
изучения отцовства ..... 216
- И.О. Шевченко*  
Значимость отца в представлениях выросших детей ..... 231

## Методология и методика социологических исследований

---

<i>А.В. Стрельникова</i> Особенности применения опросных методик в изучении городской проблематики .....	239
<i>А.В. Кученкова</i> Методика анализа электоральных предпочтений с помощью ДСМ-метода .....	256
<i>Е.В. Гадарь</i> Событийная структура памяти поколений: сравнительный анализ .....	271
Abstracts .....	283
Сведения об авторах .....	292
General data about the authors .....	294

## CONTENTS

### **Theory and history of sociology**

---

<i>Romanovsky N.</i> History of sociology – constructionist perspective . . . . .	11
<i>Goloseyeva A.</i> Polemic around the concept "subjective method" in sociology in Russian social ideas in the second half of the XIX century . . . . .	31
<i>Demjanenko N.</i> Sociology of Herbert Spencer in establishing of Russia "subjective" school of the XIX century . . . . .	48
<i>Paramonov D.</i> Language's policy and democracy in conditions of the achievements complications. Models of the reflective sociology . . . . .	66
<i>Astashkin A.</i> Evolution of ideas about forms and mechanisms of the social reproduction . . . . .	91
<i>Shushukalova R.</i> Philosophical prehistory of the stable development . . . . .	101

### **Actual issues of economic sociology**

---

<i>Barinov D.</i> Social being constants as a factor of occurrence of social anxiety . . . . .	110
<i>Kitaitzeva O.</i> The specific of the symbolic consumption in the conditions of system crisis in modern Russia through a prism of social-cultural paradigm of P.A. Sorokin . . . . .	120
<i>Babayan A.</i> Commercial bank as a specific business organization . . . . .	129



---

**Regional policy and social process**

---

<i>Chernov V.</i> The possibility of "new reclamation" of Siberia and the Far East: Sociological dimension . . . . .	143
<i>Shilov N.</i> The influence of mass media on ethno-political process (on the material of republic of Mordovia) . . . . .	151
<i>Dimaeva F.</i> About the traditional and modern Chechen culture . . . . .	161
<i>Djamaldayeva M.</i> The role of university intellectuals in reconstituting of educational system in Chechen Republic . . . . .	170

---

**Sociology of education and culture**

---

<i>Bulanova M.</i> High education for Russian emigration . . . . .	176
<i>Vdovichenko L.</i> Positioning of dream as the form of ideal . . . . .	189
<i>Krivenkova U.</i> Innovations of preschool education in contemporary Russia . . . . .	199
<i>Kolosova E.</i> The dynamics of reproduction of traditional and distribution of innovative practices of child reading . . . . .	209

---

**Sociology of family**

---

<i>Gorbacheva V., Maltseva D.</i> Methodological grounds of theoretical fatherhood studying . . . . .	216
<i>Shevchenko I.</i> Significance of father in adult children conceptions . . . . .	231

**Methodology and methods of social research**

---

<i>Strelnikova A.</i> Characteristics of survey techniques in urban studies .....	239
<i>Kuchenkova A.</i> Study of electoral preferences using JSM-method .....	256
<i>Gadar E.</i> Event structure of the generation memory: the comparative analysis .....	271
Abstracts .....	283
General data about the authors .....	294

### ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ – КОНСТРУКЦИОНИСТСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА<sup>1</sup>

Обсуждается потенциал конструкционистского подхода к истории социологии в целях всестороннего отражения динамики эволюции социологического знания в прошлом и настоящем. На материале истории отечественной и зарубежной социологии выявлен комплекс из 15 детерминант развития социологии. Из них идентифицировано 10 факторов внутренних, относящихся к собственно социологии, и 5 факторов внешних. Обсуждена прикладная, учебная и аналитическая значимость предложенного прочтения истории социологии.

*Ключевые слова:* история социологии, историческая социология социологии, социология науки, история и социология науки, развитие социологии, факторы и детерминанты развития социологии, наукометрия, конструктивизм социологический.

**К рефлексии темы.** Написание истории в принципе предприятие необъятное: по совету основоположника немецкого историзма Л. фон Ранке: писать историю надо «*Wie es eigentlich gewesen war*» – как это было на самом деле. Если вообразить самую полную базу данных о прошлом и настоящем социологии, встанет вопрос об акцентах, о приоритетах и т. д. Именно это и выступает предметом данной статьи. В современной российской социологии историческая составляющая освоена; голода на литературу не ощущается; не возникает и споров о необходимости развития данного направления социологического знания. В отличие от положения в США, где относительно недавно дебатировался вопрос «Кто боится истории социологии»<sup>2</sup>.

Едва ли можно оспаривать и необходимость оптимизации знания о прошлом, создания из безбрежного – в идеале – материала

идеальную историю социологии. Неисчерпаемость базы данных позволяет в принципе дать ответ на любой вопрос; с этим нет проблем, но есть задачи. Какие цели ставить перед собой? Возможностей много, и выбором целей определяется подбор фактического материала из прошлого и настоящего социологии. Какую задачу ставить исследователю истории социологии? Попытку получить ответ на вопрос: что такое социология? – считаю нереальной. Правильнее было бы выбирать из того, чем исследование истории социологии может обогатить «человека социологического» – социолога с его изысканиями, помочь ему строить жизнь в социологии. «Человек социологический» может стать целью конструирования чего-то из материала знаний о прошлом социологии. Целесообразно освещать «человеческую» составляющую истории социологии именно с позиций социологии, еще точнее – *исторической социологии самой социологии*. Анализ истории социологии через эту призму позволяет найти новые грани прошлого, дает возможность выявлять и демонстрировать весь комплекс того, что создает прогресс социологии – в прошлом и настоящем. Прошлое социологического знания это не только центры и акторы всей международной социологии. Историческая социология социологии заставляет мыслить социологическую науку в пространственно-временной целостности самого социологического знания, через практики социологов.

Но не пострадает ли вследствие акцентирования социологического начала собственно историческая составляющая? – могут спросить. Не потеряем ли мы в этом случае дисциплинарный потенциал древнейшей научной дисциплины? Нет. Общее (и главное) у историка и социолога – точность, достоверность используемых фактов, баз данных, интерпретаций, четкость предмета исследования и т. п. История социологии берет у истории – кроме поиска достоверного знания – важную профессиональную составляющую – методы, дисциплину периодизации. Имеющие место недостатки в этой сфере следует преодолевать именно на базе норм исторической науки, выверенных критериев, выбора начального и конечного этапов исследования и др.

Но чем еще ценна для социологов история социологии? На мой взгляд, потенциал истории социологии будет раскрыт наиболее полно и всесторонне путем выявления и понимания факторов динамики роста социологической науки. Проиллюстрирую эту возможность гипотетическими ответами на вопросы, связанные с каузацией, генезисом и т. п. Как на создателей той или иной теории повлияли интеллектуальные условия данного времени? Как в концепциях и методах отражались специфические условия и истори-

ческие события? Как институции и ресурсные механизмы влияли на воплощение исследовательских замыслов? Каков отпечаток новаторов, первопроходцев на сложившуюся в их время социологию и на дальнейшую траекторию ее развития?

В отношении мотивов предлагаемого подхода подчеркну ключевую (на мой взгляд) роль в истории социологии целеустановки на понимание современных ее проблем (собственно, это практически все, что осталось от некогда породившего социологию позитивизма в личностном для ищущего социолога плане). Постановка такой цели во главу угла позволяет находить материалы к характеристике возникновения и развертывания современных процессов в социологической науке (например, ее фрагментации), релевантные этому подходу аспекты развития теоретической и эмпирической составляющих социологии. Еще один аргумент: без ориентиров на современную социологию распадется, утратит связь с практикой изучаемый студентами курс истории социологии. Важно, естественно, избегать упрощенного прочтения современной ситуации в социологии и такого же понимания актуальности.

Для выявления, демонстрации и анализа актуальных проблем современной социологии прошлое дает апробированный аналитический и интерпретативный инструментарий – классические и современные социологические теории. Так, структурный функционализм подсказывает акцентирование структур современной социологии и их функционирования. Феноменология ориентирует на потенциал анализа, интерпретации повседневности, событийности, действий акторов, их мотивов и т. д. Интеракционистские концепции – кроме плодов контактов социологов друг с другом – ставят в поле внимания пограничные зоны взаимодействий внутри социологии и по ее внешнему периметру. Марксизм обязывает быть внимательным к центрам силы и властным политическим отношениям, классовым позициям соперничающих сторон в социологии, к критическим установкам. Культуральная социология (*культурсоциология*) сконцентрировалась бы на влияниях социально-культурной среды конкретной страны на конкретные состояние и облик национальной социологии. Ценные грани исторического процесса роста социологии раскроют рамочный анализ, этнометодология, теории коммуникаций, анализ сетевых связей, ритуальных цепочек интеракции. Важен «конструктивизм» для «идеального» использования потенциала истории социологии. И так далее.

Что касается методов изучения истории социологии, упомяну «изучение случая» (case study). Лишь при поверхностном взгляде

это просто примеры, иллюстрации<sup>3</sup>. «Случаи», события, как идиографическая часть истории, складываются в процессы, образуют периоды, этапы истории социологии мировой и национальной, демонстрируют (номотетическая часть истории) образцы и факторы ее роста, движения вперед, условия успешной деятельности крупных социологов и т. д., воссоздают полноту и жизненность развития социологии в прошлом и настоящем.

Но не только это. «Case studies» в истории науки – это метод, который вывел в свое время Т. Куна на проблематику «Структуры научных революций»<sup>4</sup>. Рядом с «case studies» можно поставить «изучение процессов» (Н. Элиас, Ч. Тилли).

Содержание изложенного ниже – результат исследовательской и преподавательской практики, поиска фактического материала, «конструкционистских» экспериментов с последовательностью изложения материала, оптимального отбора классических и современных теорий, их создателей, географических, пространственных аспектов роста социологии и т. п. Занятия (исследовательские в том числе) историей социологии прошлого и настоящего открыли мне, историку по исходным научным интересам, переплетение свыше дюжины факторов, которые формировали реальную историю нашей дисциплины в целом и ее компоненты (страновая специфика, теории, институты, составные части структуры социологического знания и т. п.). Ниже приведен этот комплекс выявленных и выделенных факторов-детерминант.

Суммируем вводные положения: 1. Предмет курса «История социологии» не столько история, сколько социология. 2. Курс этот строится – при соблюдении всех требований научности, включая историзм – с ориентацией на современную социологию. 3. Историю социологии можно «конструировать» с тем, чтобы предложить в достаточной мере убедительные представления о самой социологии социологам-профессионалам. Проблемы истории социальной мысли – это отдельный (и недооцененный в массе социологов) исследовательский пласт.

**Модель структуры истории социологии.** Все прошлое нашей науки априорно не объять. К счастью, практикам приходится решать более простые задачи. Изучение отечественной<sup>5</sup> и знакомство с мировой литературой по истории социологии показывают, что изложение материала в этих трудах строится вокруг теорий и лиц, определивших состояние современной социологии. Реже воспроизводится социальный исторический контекст развития социологии. При этом исследователи истории социологии следуют представлениям о социологии, доминирующим на сегодняшний день: разбирают историю актуальных для современности тем социологии, де-

тализируют историю отраслей социологического знания, развитие социологии в конкретных регионах и институциях и т. д. В этом совпадают подходы В.А. Ядова и К. Кэлхуна в структурировании коллективных монографий под их редакцией по истории социологии в России и в США<sup>6</sup>. За обзором специфики развития науки в стране следуют главы о развитии специальных социологических дисциплин.

Социология, как и вся наука, – плод рук и дел человеческих. Наука и ученый неразделимы; только в аналитических целях ниже отделены социологи от их трудов и т. п. Может быть, не бесспорно, что созданные людьми произведения (содержащиеся в них идеи, теории) живут самостоятельными жизнями. Сознаявая это, тем не менее я иду по пути «раздифференциации» (Луман) – выделения факторов, характеристики их количества и сущностей.

### **Факторы внутренние**

1–2. В текстах по истории социологии портреты крупных социологов и их творческое, преимущественно теоретическое, наследие слиты воедино. Социологи-классики создавали свой научный капитал, накладывали отпечаток на общий ход развития социологии в первую очередь благодаря своему проникновению в то, что составляет суть и ядро науки – теорию. Экс-президент МСА (Международная социологическая ассоциация) П. Штомпка акцентирует самое важное и привлекательное в развитии социологии – ее теоретическую составляющую, ссылаясь на Роберта Мертона<sup>7</sup>: «Подставляя себя под проникающее воздействие таких социологических умов, как Дюркгейм и Вебер, мы облегчаем формирование стандартов вкуса и суждения при идентификации хорошей социологической проблемы – такой, что имеет важные последствия для теории – и учимся тому, что составляет хорошее социологическое решение этой проблемы»<sup>8</sup>.

При концентрации на теоретической составляющей истории социологии в центр внимания ставятся – и это вторая составляющая ее развития – личности, как правило, признанных классиков и современных звезд социологии. Штомпка об этом пишет так: «Мой личный выбор охватывает, конечно, “большую тройку”: Карл Маркс, Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм – воистину бесспорные гиганты социологии»<sup>9</sup>. Здесь возникают вопросы не только о конкретных «гигантах». Сколькими классиками, личностями ограничиться? В Интернете есть показательный документ МСА «Famous

Sociologists – Strong shoulders to stand on» («Знаменитые социологи. Крепкие плечи, на которые можно опереться»<sup>10</sup>). В списке сто имен. Налицо проблема отбора. Я не видел отечественных текстов по истории социологии, где бы разбиралось наследие первой (по алфавиту) в указанном списке Дж. Аддамс. Завершающему список Ф. Знанецкому тоже уделяют внимание лишь в связи с книгой «Польский крестьянин в Европе и Америке». Р. Парк, Л. Вирт, Г. Гурвич, С. Стауффер, Т. Гайгер, К. Мангейм, Дж. Гэллап и другие из этого списка вынуждают поставить вопрос: включать ли их в учебники, в каком объеме, что акцентировать в созданных ими трудах и т. п.? «Очередь в классики», замечу, позволяет социологам, преподающим в военном вузе, рассказать о Стауффере, в архитектурном – о Парке, на философском факультете – о Мангейме, в курсе о методах исследования – о наследии П. Лазарфельда, Дж. Гэллапа и т. д.

Конечно, можно минимизировать человеческую составляющую подготовки социолога-профессионала в истории социологии. И на этот путь придется стать, если в российских университетах будет введен бакалавриат. Представления об этой ситуации дает западный опыт. Социологов-практиков, судя по помещаемым в Интернете программам, готовящие их факультеты ориентируют в теориях, к которым привязана проблема выбора пакета прикладных программ, соответствующих целям и задачам конкретного исследования. Соответственно, обучаемым предлагается небольшой курс, объемлющий 7–8, от силы 10 «классических и современных социологических теорий». Изложение последних сопровождается небольшими вставками биографического плана. Так, например, в переведенном на русский язык учебнике Дж. Ритцера есть две аналогичные (местами текстуально совпадающие) части о современных социологических теориях. Разница в объеме текста между этими частями – 7–8 раз. Очевидно, что при таком распределении сообщаемых знаний существенно обедняются возможности «понимания», «объяснения» процессов в социологии прошлого и настоящего.

Для российских университетов (очень разных), поскольку они акцентируют фундаментальные проблемы социологии и ориентированы на формирование социологов-профессионалов, тексты по истории социологии ценны глубиной постижения классики. Этот материал вполне может быть обогащен анализом профессиональных качеств классиков, стимулов и условий успешного создания крупных теорий, анатомии теоретизирования, соотношения в их творчестве теории и эмпирики, роли общенаучного кругозора, влияния крупных ученых-современников и т. п. Ценным был бы показ



механизма, обстоятельств выхода на уровень классики, граней гениальности (хотя это, видимо, трансцендентальная проблема) образцов социологической мысли. Примеры постановки таких вопросов есть. Автобиография Т. Парсонса<sup>11</sup>, написанная по настоянию редакции журнала «Дедалус», по моему мнению, имела в виду именно сверхзадачу – как Парсонс стал звездой первой величины? Ориентиры такого плана покажут связи исторического материала с современностью, с исследовательской практикой, с созданием стартовых условий для теоретических прорывов в отечественной социологии.

Появляются и имплицитные (неявные) вопросы, носящие проблемный, исследовательский характер. Наиболее очевиден среди них: сколько классиков выдержат учебник (У С.А. Кравченко<sup>12</sup> при объеме книги примерно вдвое больше издания 2002 г. – парадигм и социологов, их создавших, сейчас около 30. Стучатся в двери, как минимум, Дж. Александер, Х. Йоас, Р. Коллинз) и студенты? Что такое классик? Как становятся (как стать, – а почему бы и не поставить такую планку будущим социологам?) классиком? Какими качествами обладали социологи-классики? Что двигало будущими классиками, какую цену за свой подвиг они платили, что им помогало и что препятствовало? Этот круг проблем научного творчества связан с развитостью, в частности, нашей науки. Многие из этих проблем пока лишь угадываются в текстах по истории социологии. Гения разложить на механизмы трудно; познать процессы научного творчества тоже не просто. К тому же к классикам, как правило, уже не обратишься с анкетой или просьбой об интервью. Но факт остается фактом: тексты по истории социологии организованы, прежде всего, вокруг двух кластеров проблем: 1) галереи творческих портретов классиков социологии; 2) теории (парадигмы), которые эти классики создали, став классиками.

Теории, на мой взгляд, то, что движет вперед самое социологию. Например, феноменологическая социология, сделав акцент на герменевтике, интерпретации смыслов человеческих социальных действий, повседневности и т. д., открыла дорогу качественным методам, покончила с засильем квантификаторов, возродила интерес к реальной жизни и к «социологии жизни». Более четко обозначились признаки нового этапа в истории социологии. Полнее раскрылся потенциал общественной, политической роли социологии.

**3.** Реальная «жизнь» социологии постоянно демонстрирует соперничество личностей, школ, направлений, теорий, дисциплин, соперничество за всегда ограниченные ресурсы, исследовательские гранты, за должности в университетах, привлекательные для сту-

дентов курсы. Вспоминаются Гегелевы диалектические противоречия как источник развития. Соперничество в науке, эффективное опровержение оппонента требуют доводов, превосходящих аргументацию, теорию, оценку или вывод конкурирующей стороны. Как заметил кто-то из американских социологов, П.А. Сорокин установил планку в социологической теории на высоте, которую только Парсонс и смог преодолеть. В свою очередь, стимулирующую роль в развитии социологии США (на тот момент ведущей в мире) сыграла критика теорий Т. Парсонса – со стороны неомарксистов и неовеберянцев, феноменологов, этнометодологов и т. д. Ими – помимо указаний на дефекты, пробелы в построениях Парсонса – была предъявлена целая серия в чем-то более совершенных, законченных, эффективных идей и концепций, часть из которых в дальнейшем приобрела статус теорий. К тому же уделом ученых любых специальностей является поиск своего места («ниши») среди близких дисциплин, порой принимающий форму не просто взаимодействия, а борьбы за жизненное пространство (Э. Гидденс<sup>13</sup> обращает внимание социологов на то, что они в ряде случаев отдали инициативу в исследовании актуальных проблем современного общества экономистам и социальным психологам), за выживание. Именно так: вспомним решение Минвуза России конца 1990-х о факультативном статусе социологии! Тогда проблема выживания встала перед целым рядом кафедр социологии. В соперничестве такого рода также требуется демонстрация всего потенциала каждой науки.

4. Ученый (даже самый «кабинетный» затворник) не может быть одиночкой. Большинство современных социологов трудятся в коллективах, сформированных по принципу профессиональной общности. Но кумулятивный эффект научной кооперации любого рода во много раз повышается в случае формирования научных школ. В истории международной социологии их классическими образцами являются Чикагская (США), Франкфуртская (Германия) школы и школа «Анналов» (Франция); в отечественной – Новосибирская школа экономической социологии. Проблематика решавшихся этими коллективами ученых проблем, результаты совместных и индивидуальных усилий ученых и их учеников, достигнутые путем сложения сил и институциональных ресурсов, обеспечили концепциям, подходам названных выше образцовых школ длительное и глубокое воздействие на процессы развития социологии – далеко за пределами страны или региона. К сожалению, большинство заявленных в современной отечественной и зарубежной социологии школ существуют на уровне желаемого. Декларации о социологической школе в отечественных условиях

часто связаны с вольным обращением с критериями данного феномена.

5. В литературе по истории социологии, как правило, слабо отражено концептуальное значение важной составляющей ее прогресса – методов социологических исследований. Современная российская социология здесь выделяется в лучшую сторону. Новаторский проект осуществили в последние годы отечественные ученые (в мировой социологии такого рода проекты мне неизвестны), создав цикл трудов по истории эмпирической социологии в России и за рубежом<sup>14</sup>. В ходе обсуждения этой серии книг высказана мысль о составной части истории социологии в форме специального курса по данной проблематике<sup>15</sup>. Статус эмпирической составляющей в истории социологии иллюстрирует следующий случай. В.П. Култыгин в свою «Классическую социологию», почти полностью сосредоточенную на фигурах и теориях, на первый взгляд несколько неожиданно включил главу о знаменитых, ставших классическими эмпирических исследованиях в США в 1920–1940-е годы. Этот пример показывает, что эмпирическую составляющую творчества социологов-классиков, их вклад в развитие этого раздела социологического знания (ремесла) трудно переоценить.

Внимание к эмпирике в современных условиях стимулируется постоянным развитием инструментария социологов. В зарубежной литературе высказывалось мнение, что большая часть используемых ныне техник и методов создавалась преимущественно под опросную социологию времен Парсонса, Мертона, Лазарсфельда. Обновление теоретического потенциала, эпистемологических и онтологических представлений в социологии за минувшие десятилетия требует иных приемов формирования баз данных, способных в большей мере передавать, в частности, аспекты интеракций<sup>16</sup>. В истории социологии крупные сдвиги действительно сопровождались существенными изменениями в методическом инструментарии: вспомним переход от «кресельной» социологии к «полевой», базирующейся на получаемых самими социологами эмпирических данных. Связи теории и методов в последнее время, в частности, продемонстрировал П. Штомпка. Он показал, что спутником его новой теоретической парадигмы выступают визуальные техники, методы (в его случае речь идет о фотографии)<sup>17</sup>. Казалось бы, метод, прием – фотосъемка, а в итоге встает вопрос о качественно новой парадигме – «третьей социологии», социологии повседневности. Да и выдвинутый Н. Смелзером (компаративные, междисциплинарные и международные исследования<sup>18</sup>) стандарт продвинутого социологического исследования далеко не стал нормой. Возможно, что этап постгэллаповской методологии в социологии ближе, чем при-

нято считать<sup>19</sup>, и он будет связан с неопросными техниками, с интернет-ресурсами, с возможностями компьютерной техники.

**6.** Замечу: в мировой и отечественной практике давно не было поражающих мировую общественность достижений социологии именно эмпирической. Конечно, выделение именно этой составляющей социологии условно. В исследовательских программах она неотделима от теории и методологии. В свое время эмпирические успехи социологии не только помогли людям понять себя, свою среду обитания – конкретное общество, общность. Они в истории самой социологии сыграли важнейшую («публичную», выражаясь современным языком) роль, резко подняв ее авторитет в обществе. В случае «Хоторнского эксперимента» (1927–1932 гг.) рабочие повышали производительность своего труда потому, что почувствовали интерес к своему труду, у них уменьшалась степень отчуждения. Затем Дж. Гэллап предсказал победу Ф. Рузвельта на выборах 1936 г. и размер погрешности прогноза конкурента; использование выборки обеспечило Гэллапу тогда поразившую современников точность прогноза. Это были мощные факторы развития нашей науки!

**7.** Социология двигалась вперед с появлением выдающихся трудов социологов, воздействовавших на общественность отдельных стран и мира. Так же как свершения Дж. Гэллапа и Э. Мэйо (психолог и социолог, работавший в Хоторне), динамику развитию социологии придавало появление резонансных бестселлеров своего времени: «Самоубийство» Э. Дюркгейма, «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера, «Властвующая элита» и «Белые воротнички» Ч.Р. Миллса, «Различения» П. Бурдьё и др. Эта грань работы социологов тесно связана с современными дебатами о «публичной социологии».

**8.** Трудно представить развитие социологии без соответствующих ресурсов, без готовности общества и государства предоставлять их. Ресурсный фактор в определенном смысле сыграл решающую роль в появлении на свет и в развитии социологии. Для России, где почти все ученые по инерции живут представлениями, коренящимися в «бюджетном» статусе науки, этот акцент особенно важен. Решающей предпосылкой создания социологии было появление на грани XVIII и XIX столетий в наиболее экономически развитых странах материальных предпосылок для независимой деятельности социальной группы людей, профессионально занимавшихся научным трудом. Появление социологии как науки и социологов как профессиональных ученых – один из результатов прогресса человечества в этом узком смысле. Представим себе, что у О. Конта не нашлось бы средств на издание его «Позитивной фи-

лософии», или Спенсеру пришлось бы всю жизнь работать в журнале «Экономист», или Энгельс не имел бы возможности материально помогать К. Марксу и т. д. В этом случае социология (возможно, под другим именем) появилась бы на свет, траектория ее развития была бы иной, а нынешние студенты-социологи начинали ее изучение, скажем, с творчества А. Кеттле, Г. Мартино, А. де Токвиля, Ф. Ле Пле или еще кого-то. Украинский социолог П. Кутуев упоминает важную находку в парижском архиве: примерно за полвека до Конта в рукописях аббата Де Сийеса появилось слово «социология»<sup>20</sup>.

На это обстоятельство следует обращать внимание по соображениям, чрезвычайно важным в нынешних условиях, когда ресурсный фактор приобрел возрастающую роль. Для приращения социологического знания необходимо получать и обрабатывать большие массивы, поддерживать международные базы данных, сравнивать их, оплачивая и информацию и ее обработку. Сегодня социолог-профессионал должен уметь работать с большими массивами данных, приобретать соответствующее техническое оснащение. К стоимости опросов прибавились немалые расходы на обработку данных, на информационно-коммуникационную технику и технологии. Все более затратными становятся исследования, в которых сочетаются количественные и качественные методы, исследуются ушедшие в прошлое корни современных феноменов и т. д. Современный стандарт: компаративные, межстрановые, междисциплинарные эмпирические исследования, – многократно удорожает труд социолога. Только за последние десятилетия социологи получили в свое распоряжение базы данных крупнейших лонгитюдных панельных исследований. Это всемирное и общеевропейское исследование ценностей (руководитель Р. Инглхарт, Мичиганский университет, США<sup>21</sup>, первая волна 1981 г.). В странах – членах и кандидатах Европейского сообщества периодически проводятся социологические замеры – «Евробарометр»<sup>22</sup>, в странах Африки (от 12 до 20 стран) – «Афробарометр»<sup>23</sup> и т. д. О каких суммах в этом случае может идти речь, пишет отечественный эко-социолог О.Н. Яницкий. В конце 1980-х годов он в конкурентной борьбе получил международный грант в 250 тысяч долларов; грант был успешно реализован в совместном проекте ученых из 16 стран<sup>24</sup>.

Как правило, к сожалению (и к несчастью для отечественной социологии), у нас распространена минимизация требований к объемам и качеству эмпирической базы публикаций и диссертационных работ (возможно, ВАК следует установить для кандидатских диссертаций по определенным социологическим дисциплинам ми-

нимальный размер базы данных, условно, в 1 млн единиц, для докторских – 10 млн единиц информации). По экспертному мнению А.А. Давыдова, соответствующими техниками владеют немногие выпускники социологических факультетов, «...эмпирическая квалификация отечественных социологов не соответствует современному уровню развития эмпирической социологии... выпускники социологических факультетов часто беспомощны в сборе и анализе информации на современном уровне!»<sup>25</sup>. Отечественные социологи в массе своей не работают с большими базами данных, что сдерживает сравнительные и междисциплинарные исследования. Редко обращаются они к источникам прошлого, к его осмыслению. Страндает и развитие теории.

**9.** Роль материальных ресурсов находит продолжение в институциональной компоненте возникновения, поддержки, развития и функционирования социологии, творчества ее классиков. Сегодня социология немислима вне институциональной сети гражданских, национальных, межстрановых, международных, учебных, исследовательских, государственных, самоуправляющихся организаций, объединений. Ассоциации, конгрессы и конференции, университеты и факультеты, учреждения повышения квалификации, издательства книжные и журнальные, специализированные фонды и т. д. играют важную позитивную роль в современной социологии. Но так было не всегда. И сейчас развитость институциональной компоненты социологической науки различается по странам. Для России метод «от противного» убеждает в том, что отсутствие, например, действенной общенациональной ассоциации социологов свидетельствует о недомигоании нашей науки, загнанном глубоко внутрь.

**10.** Международные ассоциации социологов, всемирные и региональные, – это реальный фактор динамики развития современной социологии, канал обмена мнениями, стимул для амбициозных проектов и ученых, стремящихся привлечь к своим идеям общественное внимание. Даже как источник материальной поддержки или простого информирования (знание факта появления публикации по интересующей исследователя теме нельзя недооценивать) они играют существенную роль. ЮНЕСКО, созданная в 1945 г., начала свою деятельность с активного продвижения по миру передовых на то время образцов социологической мысли, содействовала созданию Всемирной социологической ассоциации и сети национальных объединений социологов. Национальные условия еще долго будут детерминировать и формировать траектории национальных социологий и всей социологии как науки. В то же время наращивание «сетевых связей» в международном сообществе социологов, благодаря интернету и вопреки растущим ценам на исполь-

зование электронных ресурсов, скорее всего, придаст интеракциям социологов на международном уровне новый динамизм. Для иллюстрации – пример с конгрессом МСА 2010 г. При его подготовке на основе оценки тенденций современной социологии в повестку дня были поставлены общие для международной социологии проблемы: «глобально инклюзивные» социологические курсы, учебники, доступность онлайн-материалов, вопросы преодоления нынешнего европоцентризма социологии<sup>26</sup>. Значимость подобных шагов для развития науки трудно переоценить.

### Факторы внешние

Взаимодействия социологии с другими научными дисциплинами подводят нас ко второму комплексу (группе) факторов, детерминирующих динамику развития социологии – тех, что лежат вне социологии.

**11. Междисциплинарность** – важный ресурс роста социологии, приращения ее возможностей и успехов; проблема, близкая к дисциплине «социология науки» – функционирующего института общества в виде структур, практик, повседневности.

Новейшая история социологии знает ряд так называемых поворотов (turns)<sup>27</sup>. В литературе их зафиксировано более дюжины, содержательно распадающихся на три, по меньшей мере, группы. Онтологический, диалогический<sup>28</sup>, отношенческий (relational) повороты и поворот к повседневности (everyday turn – П. Штомпка<sup>29</sup>) коснулись общенаучных, методологических перемен в подходах к объекту и предмету исследований. Другие отражают оживление интереса к игнорировавшимся ресурсам социологического знания: исторический, культуральный повороты, поворот к памяти людей (memory turn). Нарративный поворот затрагивает методику снятия эмпирической информации. Аффективный, лингвистический, прагматический, семиотический и этический повороты расширили, дополнили подходы социологов к пониманию «социального». Все они являют собой примеры междисциплинарных взаимодействий.

Лишь на первый взгляд нужна минимальная аргументация важности междисциплинарных связей. Современное состояние отечественной социологии в заметной мере производно от ситуации во всей отечественной науке в ее социальном, гуманитарном секторе. В России за последние годы интенсивность обменов внутри страны и с мировым научным сообществом в общественных науках снизилась, стала личным делом каждого. В этой ситуации тем важнее

коррекция личных представлений о профессиональном росте посредством освоения достижений смежных дисциплин.

Крупные открытия даже в далеких от общественных наук (компьютер) областях способны обогатить социологию. «Пограничные» обмены расширяют пространство профессионального влияния социологии, укрепляют ее связи с другими науками. В свою очередь, смежные науки обогащают социологию – достаточно вспомнить примеры информатики, синергетики, культурологии, семантики и др. – вплоть до палеоботаники, раскрывшей социальные аспекты жизни доисторического человека.

Междисциплинарность важна и дидактическим потенциалом. Студенты по-разному относятся к курсам, образующим учебные планы и программы. Плодотворные взаимодействия социологии с другими науками доносят до аудитории важность философии истории (К. Маркс), психоанализа З. Фрейда, социальной психологии (Э. Дюркгейм и Г. Тард), этнологии (Ф. Боас, Б. Малиновский и др.), синергетики (И.Р. Пригожин) и т. д. Роль междисциплинарных взаимодействий видна из творческих биографий крупных социологов. Многие из них по первичным образованию и интересам не были социологами – ранние социологи в США, П. Бурдьё, большинство ветеранов нынешней российской социологии.

**12.** Известная книга Льюиса Козера «Мастера социологической мысли», вышедшая в США в 1968 г. (в ней 20 творческих портретов больших социологов), в заголовке содержит уточнение – «Идеи в историческом и социальном контексте»<sup>30</sup>, отражая стремление автора показать соответствующий аспект социальной истории. Развитие социологии можно воссоздать действительно лишь в контексте времени, места, констелляций действовавших лиц – акторов, агентов. О каких группах факторов исторического и социального контекста может идти речь в отношении истории социологии? Творчество О. Конта, например, испытало на себе сильнейшее влияние событий Французской революции, наполеоновских войн. Рост социологии в США стимулировался губительными последствиями гражданской войны 1863–1865 гг. Развитие социологии российской было грубо оборвано сталинским руководством в 1930-х годах – под запрет попало даже слово *социология*, за исключением ругательного контекста, связанного с приписывавшейся ей ролью служанки буржуазии. Кстати, от политических влияний социология редко бывает свободна.

В биографиях крупных социологов и в их творчестве всегда присутствует историко-социальный контекст. В автобиографии Т. Парсонс перечисляет примеры такого рода, повлиявшие на его творчество: Первая мировая война, революция в России, приход к



власти в Германии национал-социалистов, Великая депрессия в США, Вторая мировая война<sup>31</sup>. Дж. Хоманс вынес из опыта командования боевым кораблем в 1941–1945 гг. идеи, ставшие основой теории социального обмена<sup>32</sup>. Учет исторического контекста может дать и другие поучительные результаты. Например, опыт социологов Германии, где, по словам Р. Арона, «нацистский режим 1935–1945 гг. парализовал в Германии социологию»<sup>33</sup>, позволяет оценить время, требуемое сейчас для восстановления утраченных за 1930–1960-е годы позиций отечественной социологией. Здесь счет не может не идти о ряде десятилетий.

**13.** Потребность в знании о себе, интерес людей к познанию и самопознанию, стремление к идеальному или лучшему общественному устройству лежали у истоков социологии<sup>34</sup>. Само общество, конкретные проблемы и запросы его способны содействовать или препятствовать развитию науки. И сейчас потребность общества, человека – один из решающих факторов динамики социологической науки. История социологии содержит массу примеров обращения ученых к острым проблемам своего времени. Повестка дня международных и национальных социологических конгрессов, их секций, тематических групп и т. п. позволяет социологическому сообществу всесторонне обсуждать злободневные социальные проблемы. Иную картину трудно себе представить хотя бы потому, что неактуальные проблемы не получают ресурсную поддержку.

**14.** История социологии полна примеров воздействия на науку общественно-политической ситуации в конкретной стране, умения и желания властей искать решение сложных проблем общества на путях взаимодействия с наукой. Немало и примеров обратного рода. Так, антидемократические власти во многих случаях просто запрещали социологию или создавали неблагоприятные для ее функционирования условия. Напротив, проведение политики реформ, как правило, сопровождалось повышением спроса на знания и умения социологов. Степень развития гражданского общества, эффективность его взаимодействия с властями благоприятны для роста социологии.

**15.** Войны, смена политических режимов, революции, глобальные тектонические сдвиги (*форс-мажоры*) или эволюционные перемены создают запросы к социологии и определяют рамочные условия ее функционирования. Только за последние десятилетия под влиянием такого рода факторов сложились «постколониальная» и «феминистская» социологии. Активно разрабатывалась проблематика модерна, модернизации (полагаю, что советники Президента Российской Федерации оказали ему услугу известного рода с ак-

центом на «модернизацию» России. Едва ли они сделали бы это, если бы знали о провале теории Парсонса «современного – modern» общества еще в 1960-е годы.), постмодерна, виртуальности, глобализации, публичной социологии и т. п.

При всей важности осмысления глобальных подвижек их значимость для усилий социологов нуждается в уточнении. При изучении данных феноменов нельзя терять специфику социологического знания. Понятия данного уровня относятся не к социологии, а к тому, что на Западе называют «social science»; в российских терминах они ближе к социальной философии. Социологи, как правило, используют их в роли гипотез, максимум – как идеальные типы в веберовском смысле. В прошлом нередко понятия этого уровня (индустриальное общество, модерн, транзит или, в советских условиях, «новая историческая общность – советский народ») не прошли проверку временем. В этом же ряду – понятие «интеллигенция», которой социологи РГГУ посвящают ежегодные научные конференции. Как правило, попытки при обсуждении этой темы идти от общего («интеллигенция») к реальным качествам данной предполагаемой социальной группы не удаются; интереснее данные о реальных качествах ее членов.

К тому же в своем социологическом, эмпирическом измерении они не поддаются операционализации, и попытки социологов опираться на них получают спекулятивную окраску.

**Проблема измерения.** Перечисленные выше детерминанты развития социологии возможно в принципе измерить посредством экспертной оценки. Но при этом возникает необходимость учитывать факторы пространства и времени в каждом случае, в разных странах в разное время и быть в то же время способным обобщить свои представления. Это делает задачу экспертов трудноразрешимой. Ряд лет в роли экспертов я использовал самых успевающих студентов по завершении курса «История социологии»; мотивы выставления конкретного балла обсуждались. Однако здесь и выяснялось: участники опроса по большей части воспроизводили то, что говорилось на лекциях и в семинарах; бумеранг возвращался к тому, кто его запускал.

Попытки использовать экспертов из среды профессиональных социологов натолкнулись на препятствие иного рода. Не так много ученых-экспертов по истории социологии в России и в мире, к которым можно обратиться с просьбой об «измерении» сравнительной силы приведенных выше факторов. За последние годы из жизни ушли И.А. Голосенко (1938–2001), В.П. Култыгин (1940–2009), Р.П. Шпакова (1939–2006), к ним за помощью уже не обратиться. Но многих известных специалистов мне удалось опросить. К ним

я добавил ряд университетских профессоров и преподавателей курса истории социологии. Всего получилось немногим более десятка человек. Поиск экспертов продолжается.

**Суммируем.** История социологии формировалась переплетением двух крупных групп детерминант. Первая (детерминанты 1–10) связана с процессами внутри социологии. Другая (11–15) отражает влияние на социологию внешних сил. Какая из детерминирующих групп важнее для развития социологии? На первый взгляд исторические свидетельства, начиная с Французской революции и наполеоновских войн, указывают на факторы внешней среды<sup>35</sup>. Да и динамика современной социологии, процессы в ней, возможно, в решающей мере отражают интеракции социологии (как институции и суммы агентов / акторов) с процессами в окружающем мире. То же относится к трендам в национальных социологиях. Современная Россия, например, иллюстрирует тот факт, что положение в общественных науках не может не коррелировать с состоянием отечественного социума. Мнение экспертов – это всего лишь мнение.

Перспективным представляется рассмотрение предмета «История социологии» в дисциплинарных рамках социологии науки, изучения преобразований науки, нелинейного характера ее развития, подхода к долгосрочным проблемам социологии. Ее история не должна создавать впечатление линейного, поступательного развития. Влияние показанных выше факторов выражалось в разных «контекстах» в разной мере, а могло быть и негативным для прогресса социологии; ее история знает примеры и деволюции, и регресса. Видимо, каждый фактор поступательного развития социологии может повторяться со знаком минус. Войны тормозили развитие социологии. Были преследования и запреты, коллеги «топили» коллег, смежные науки не уступали своей территории, Спенсер принципиально не знакомился с достижениями других ученых, Зиммелю не давали место профессора, Сорокина выслали (могли убить), Вебер-студент мог погибнуть на дуэли и т. п. Выявить, понять и оценить негативные влияния на развитие социологии, сконструировать ее историю «со знаком минус» под таким углом зрения предстает как способ идентифицировать и типологизировать силы торможения. Но это – особая тема.

Предложенные «понимание» и «объяснение» истории социологии, на мой взгляд, отражают многогранную историю реальной социологии. Обозначенный подход не грозит унификацией – число факторов априорно достаточно велико, чтобы их комбинации не допускали повторов. Другое дело, что не все факторы обязательно нести в аудиторию; но учитывать их, иметь о них достоверное пред-

Н.В. Романовский

ставление, ориентировать себя и других – профессиональная необходимость (в чем, надеюсь, я убедил читателя). История вообще исключает проблему «повторимости» – анализ реальности (развития социологии в нашем случае) во времени и в пространстве делает повторы невозможными. Напротив, принцип Л. фон Ранке (или А. Пушкина: «описывай, не мудрствуя лукаво») – это основа воспроизведения истории социологии во всем многообразии, неповторимости, яркости и убедительности. Это основа творчества и иного рода – художественного, в сущности, не чуждого университетской кафедре.

#### Примечания

- 1 При поддержке РГНФ проект № 09–03–00109а.
- 2 *Turner S.* Who's Afraid of the History of Sociology? // *Swiss Journal of Sociology.* 1998. Vol. 24. P. 3–10.
- 3 См.: *Флибберг Б.* О недоразумениях, связанных с кейс-стади // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 110–120.
- 4 The Structure of Scientific Revolutions [Электронный ресурс] // Wikipedia, the free encyclopedia. URL: [http://en.wikipedia.org/wiki/The\\_Structure\\_of\\_Scientific\\_Revolutions](http://en.wikipedia.org/wiki/The_Structure_of_Scientific_Revolutions) (дата обращения: 05.05.2010).
- 5 *Романовский Н.В.* Освоение истории отечественной и зарубежной социологии // Вехи истории российской социологии. СПб.: Алетейя, 2010.
- 6 Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Ин-т социологии РАН 1998; *Sociology in America. A History* / Ed. by C. Calhoun. Chicago: University of Chicago Press, 2007.
- 7 *Штомпка П.* В фокусе обучения: социологическое воображение // Социологические исследования. 2005. № 10.
- 8 *Merton R.K.* Sociological Ambivalence. N. Y., 1976. P. 31–32.
- 9 Ibid.
- 10 Famous Sociologists – Strong shoulders to stand on [Электронный ресурс] // Sociosite. URL: <http://www.sociosite.net/topics/sociologists.php> (дата обращения: 27.01 2010).
- 11 *Парсонс Т.* О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография // Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 210–268.
- 12 *Кравченко С.А.* Социология: парадигмы через призму социологического воображения: Учебник. 3-е изд. М., 2007.
- 13 *Гидденс Э.* К социологическому сообществу! // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 5.

- 14 *Латин Н.И.* Эмпирическая социология в Западной Европе: Учеб. пособие. М., 2004; *Беляева Л.П.* Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. М., 2004; *Ионин Л.Г.* Философия и методология эмпирической социологии. М., 2004.
- 15 См.: *Тощенко Ж.Т.* Новое слово в истории социологии // Социологические исследования. 2005. № 1.
- 16 *Savage M., Burrows R.* The Coming Crisis of Empirical Sociology // *Sociology*. 2007. Vol. 41. № 5. P. 885–889.
- 17 *Штомпка П.* Визуальная социология: фотография как метод исследования. М.: Логос, 2007; *Sztompka P.* The focus on everyday life: a new turn in sociology // *European Review*. 2008. Vol. 16. № 1. P. 23–37 (*Штомпка П.* В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8).
- 18 *Смелзер Н.* О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 3–13.
- 19 См., напр.: *Докторов Б.З.* Первопроходцы мира мнения: от Гэллага до Грушина. М.: ФОМ, 2006; *Он же.* Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения, судьбы творцов. М.: ЦСП, 2008; *Он же.* Гэллаповское наследие: прошлое и настоящее одного из наиболее известных социологических индексов (статьи 1–2) // *Телескоп*. 2001. № 4, 6; и др.
- 20 *Кутуев П.В.* Социология: исторические истоки и современные трансформации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. № 3. С. 183.
- 21 World Values Survey [Электронный ресурс] // Wikipedia, the free encyclopedia. URL: [http://en.wikipedia.org/wiki/World\\_Values\\_Survey](http://en.wikipedia.org/wiki/World_Values_Survey) (дата обращения: 27.01.2010).
- 22 Eurobarometer [Электронный ресурс] // Wikipedia, the free encyclopedia. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Eurobarometer> (дата обращения: 27.01.2010).
- 23 Afrobarometer [Электронный ресурс] // Wikipedia, the free encyclopedia. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Afrobarometer> (дата обращения: 27.01.2010).
- 24 *Яницкий О.Н.* Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. М.: ИС РАН, 2009. С. 70.
- 25 Социологические исследования. 2005. № 10 (Материалы 9-х Харчевских чтений). С. 5.
- 26 XVII ISA World Congress of Sociology. Integrative sessions [Электронный ресурс] // International Sociological Association. URL: [http://www.isa-sociology.org/congress2010/integrative\\_sessions.htm](http://www.isa-sociology.org/congress2010/integrative_sessions.htm) (дата обращения: 11.03.2010); XVII ISA World Congress of Sociology. Ad Hoc sessions [Электронный ресурс] // International Sociological

Н.В. Романовский

Association. URL: <http://www.isa-sociology.org/congress2010/adh/index.htm> (дата обращения: 11.03.2010).

- 27 *Романовский Н.В.* О современном этапе развития социологии // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 23–24.
- 28 *Camic Ch., Joas H.* (eds.). The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2004.
- 29 *Sztompka P.* Op. cit.
- 30 *Козер Л.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006.
- 31 *Парсонс Т.* О построении теории социальных систем. С. 214.
- 32 *Хоманс Дж.К.* Малый боевой корабль // Социологические исследования. 2010. № 4 (статья опубликована в США в 1946 г.).
- 33 *Aron R.* German Sociology. Glencoe Ill.: Free Press, 1957. P. 122.
- 34 *Докторов Б.З.* Первопроходцы мира мнения; *Он же.* Реклама и опросы общественного мнения в США; *Он же.* Гэллуповское наследие; и др.
- 35 *Подвойский Д.Г.* О предпосылках и истоках рождения социологической науки // Социологическое исследование. 2005. № 7. С. 8–12.

А.А. Голосеева

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ПОНЯТИЯ  
«СУБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОД» В СОЦИОЛОГИИ  
В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ  
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена полемике вокруг понятия «субъективный метод» в социологии и особенностям его интерпретации различными представителями русской этико-субъективной школы: П.Л. Лавровым, Н.К. Михайловским, С.Н. Южаковым. Показана дискуссия субъективистов с представителями других методологических школ, в частности с марксистами и религиозными философами, относительно необходимости нравственного идеала и этической оценки в научном познании.

*Ключевые слова:* история социологии, субъективный метод в социологии, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков.

За время своего развития социологическая наука претерпела ряд трансформаций, появлялись новые методы исследования, менялись подходы. Серьезный пересмотр методологической парадигмы произошел в эпоху постмодерна, а старые концепции XIX – начала XX в. подверглись жесткой критике. С точки зрения постмодернизма поиск социологией универсальных законов общественного развития выглядит утопическим. Как писал З. Бауман, «Институты модернити ... боролись за универсальность, гомогенность, монотонность и ясность»<sup>1</sup>. Подобные универсалистские притязания социологии основывались на ее уверенности в собственной способности познать объективные, т. е. универсальные, законы общественного развития.

Устаревшей оказалась и идея объективного, незаинтересованного социального знания, и характерная для классической социологии позиция ученого – ценностно-нейтральная позиция объективного наблюдателя. По мифу о ценностной нейтральности науки как условия ее объективности мощный удар нанесли, в частности,

представители Франкфуртской школы, показавшие значение ценностных ориентаций ученых в процессе познания.

Согласно постмодернизму ученый обязан приложить все усилия для «деобъективации» существующих реалий, демонстрации их социальной и исторической укорененности, а вовсе не «объективной закономерности».

По мнению З. Баумана, классическая социология сыграла активную роль в дегуманизирующем проекте модерна, оказалась инструментом рационализирующего, унифицирующего и формализующего разума.

Интересно, что задолго до начала эпохи постмодерна аналогичные проблемы – ценностной нейтральности в социологии, объективности гуманитарного знания – 150 лет назад поднимали первые русские социологи, объединившиеся в школу, получившую название субъективной, которые пытались сформулировать свой особый метод социологических исследований.

В России понятие «субъективный метод мышления» впервые употребил П.Л. Лавров в статье «Задачи позитивизма и их решение», которая была опубликована в журнале «Современное обозрение» в мае 1868 г. В статье он подробно рассматривал учение О. Конта и высказывал собственные критические соображения на этот счет. Первый вопрос, который его занимал: «Где искать в позитивизме практических мотивов действия, где искать его определения лучшего, полезнейшего, должного?»<sup>2</sup>. В социологии Конта есть место лишь классификации фактов и явлений в их генезисе при их абсолютно нейтральной оценке. Эта безоценочность и не удовлетворяла Лаврова, с его точки зрения именно в социологии должно найтись место оценке фактов и явлений. Если естественные науки могут быть выделены из жизни и восприниматься отвлеченно, то науки общественные никак не могут быть исключены из нее, так как они и «есть сама жизнь, с ее желаниями, волнениями, наслаждениями и страданиями»<sup>3</sup>.

«Если жизненные побуждения должного, лучшего, достойнейшего, полезного, справедливого суть факты, – продолжал Лавров, – то почему не отыскивать для них законы, как и для других фактов, именно в той форме, в которой мы их воспринимаем – как поставление целей, нас волнующих? Согласно ли с основами позитивизма смотреть на факты как на объективные явления, когда они имеют субъективное значение?»<sup>4</sup>.

По мнению Лаврова, Огюст Конт сам почувствовал этот недостаток позитивного мышления. Отсюда и возник его субъективный метод, употребленный им в «Системе позитивной политики». Действительно, в этом труде у Конта возникли новые мотивы, частич-



но противоречившие его предыдущим построениям. Там высказана мысль, что не только синтез наук объективно ведет к социологии, науке о человечестве, но социология служит единственным субъективным принципом, соотносящимся с человечеством. Если бы оно направлялось чистым и простым любопытством, можно было бы ограничиться бесконечным наблюдением разнообразия явлений и отношений. Чтобы имел место синтез, надо объективно осмыслить иерархию форм бытия, вплоть до человека, и субъективно осмыслить знания, относящиеся к человечеству, состояние которого они объясняют, а также знания, полезные человеку для эксплуатации природных ресурсов и одновременно для жизни в соответствии с порядком<sup>5</sup>.

Поэтому в 4-м томе «Системы позитивной политики» мы находим 15 законов, именуемых Контом законами первой философии. Одни из них объективные, другие субъективные. Законы позволяют понять, как социолог синтезирует результаты наук, которые не только объективно, но и субъективно можно объединить лишь относительно человечества. Однако данный метод привел к созданию странного здания позитивной религии, мало кем понятого и вызвавшего злые насмешки, против которого восстали даже вернейшие ученики Конта.

Исходя из этого, Лавров настаивал на необходимости научного применения в социологических исследованиях субъективного метода. Однако его определение данного метода несколько расплывчато. Разницу между объективным и субъективным методом мышления он видел в следующем: «Объективно то, что подлежит во всех частностях проверке нескольких исследователей». (Видимо, то, что можно проверить эмпирическим путем.) «Субъективно то, что может быть проверено лишь одной личностью... Субъективный метод неизбежно употребляется там, где самое явление доступно лишь одному наблюдателю...»<sup>6</sup> (Возможно, речь идет об интерпретации.) При этом субъективный метод может научно употребляться для установления истины, считал Лавров, если только значительное число наблюдателей, критически развитых и способных к научному наблюдению, могут, каждый отдельно, воспринять аналогичные явления.

Далее Лавров рассматривал возможности употребления субъективного метода в этике, социологии и политике. Объективным элементом в этой области являются действие личности, общественные формы, исторические события. Они подлежат объективному описанию и классификации. Но чтобы *понять* их, надо рассмотреть *цели*, для которых действия личности составляют лишь средства. Цель Лавров определял как «нечто желаемое, приятное, полезное,

должное. Все эти категории чисто субъективны, но, в то же время, доступны всем личностям. Следовательно, входя в исследование, эти явления принуждают употреблять субъективный метод и, в то же время, позволяют это сделать весьма научно»<sup>7</sup>. Научно это можно сделать потому, что исследователю доступно сознание свободной постановки целей и свободного выбора между побуждениями и целями. Соответственно, необходима субъективная классификация побуждений, целей и действий, как нравственно-лучших и нравственно-худших. Она неизбежно субъективна, так как сознание нравственно-лучшего и худшего доступно только отдельной личности. «В субъективном чувстве нравственная оценка есть высшая, эта классификация устанавливается нравственным судом. Но, будучи элементом субъективным, этот суд, чтобы быть рациональным, не может ставить себе какого-либо объективного, неподвижного критерия. Критерий нравственного суда должен быть субъективен, но в то же время всеобщ, то есть одинаково доступен каждому человеку в отдельности»<sup>8</sup>.

Лавров снова не дает четкого определения, что же есть нравственное или безнравственное, но пытается предложить критерий оценки нравственности. Прежде всего, «как элемент развития» этот критерий и сам может развиваться и трансформироваться. «Опираясь на предыдущую ступень мышления, этот критерий, отождествляясь с нравственным достоинством личности, должен обуславливать общественную связь, осмысливая ее, обращая культуру общества в цивилизацию»<sup>9</sup>. *Понятие цивилизации Лавров трактует совершенно в русле социально-философской мысли XIX – начала XX в. – как высшей ступени человеческой культуры. В этом суть его расхождений с Михайловским, который, в традиции Руссо, высказал сомнение в благости цивилизации и прогресса.*

Субъективный и всеобщий *нравственный идеал* развивается в личности вместе с ее развитием и становится обязательным руководством к деятельности. Этот идеал в форме *справедливости* обращается в высшее нравственное обязательство личности, связывает отдельные личности признанием равноправия друг друга и дает культуре возможность развиваться, требуя от нее перехода к формам, все более удовлетворяющим требованиям личного достоинства и всеобщей справедливости. Итак, высшей формой нравственного идеала Лавров объявил **справедливость**. «Общественные формы, таким образом, получают рациональный критерий для своей оценки. Там, где критика их возможна во имя *справедливости*, она есть их безусловная мера»<sup>10</sup>.

Лавров выделяет четыре критерия субъективной оценки: удовольствие, истина, взаимная польза и справедливость. «Удовольст-

вие есть источник личного развития. Истина осмысливает это развитие. Взаимная польза есть источник культурной общественной связи. Нравственный суд есть осмысление общественности как справедливейшей возможной цивилизации»<sup>11</sup>.

С точки зрения справедливости, как высшего нравственного критерия, Лавров классифицирует критерии оценки следующим образом по мере возрастания их значимости: личные – 1. приятное, 2. истинное; общественные – 3. общепольное, 4. наивысшее – справедливое. Там, где применение главного критерия, справедливости, по определенным условиям невозможно, вступают следующие критерии из списка.

Критерий «наибольшей полезности» отражен в утилитарной теории общества. В качестве одной из категорий полезного выступает понятие прекрасного, развившееся по самостоятельным законам в эстетическую теорию и искусство. Следующая ступень классификации – истинное, развилось в логику и науку. Низшая ступень – приятное, выступает в качестве «аффектов личности» и тоже имеет общественное значение как содействующее или тормозящее развитие личности и общества. Лавров называет это «нравственной теорией аффектов или практической моралью», которая должна быть руководством в повседневной жизни людей вместо религиозной морали. Религиозная нравственность только в одном случае становится «желательным аффектом, когда обращена на *высший* принцип нравственности, на воплощение в общественных формах справедливости»<sup>12</sup>.

Его вывод: «В позитивизме совершенно законно может и должен быть употреблен субъективный метод для всех явлений, подлежащих лишь субъективному, но общему наблюдению. Столь же законно позитивизм должен заключать субъективно-нравственную оценку побуждений, целей и действий... На основании этой оценки неизбежны для позитивизма оценка общественных форм и указание основ лучшего общественного строя, желательнейшего течения событий истории»<sup>13</sup>.

О.Б. Леонтьева отмечала, что Лавров настаивал на прагматическом назначении субъективного метода: этот метод позволил бы увязать воедино исторические изыскания (изучение целей, которые люди ставили себе в прошлом, и способов, которыми они добивались достижения этих целей), социологическое исследование (изучение целей и действий современного человека) и, наконец, программу общественных преобразований<sup>14</sup>.

Лавров настаивал на невозможности ценностного нейтралитета в гуманитарном познании. При этом он пытался найти объективную истину, добытую субъективным методом, поэтому его методология выглядит не совсем убедительной.

Почти одновременно с Лавровым за разработку данной проблемы взялся другой видный представитель русской субъективной школы – Н.К. Михайловский.

В 1869 г. в журнале «Отечественные записки» появилась программная статья Н.К. Михайловского «Что такое прогресс?», в которой он выразил солидарность с воззрениями П.Л. Лаврова и предложил свое понимание субъективного метода. Обоснование субъективного метода не было систематизировано Михайловским в этой работе, оно представляло ряд разрозненных мыслей и положений, не собранных воедино, за что Михайловского не раз упрекали его критики. Однако это было характерно для всего его творчества. Н.И. Кареев в статье «Памяти Михайловского, как социолога» писал: «Если бы Михайловский свел воедино свои взгляды на общество и на взаимоотношения в нем ... и представил свои выводы в систематическом изложении, и если бы такая его книга была переведена на один из более распространенных языков, то западная критика... признала бы нашего автора одним из самых видных социологов, а западный историк молодой науки отметил бы, что этот социолог начал самостоятельно работать в то время, когда почти еще не существовало социологической литературы»<sup>15</sup>.

Зная дальнейшее развитие этих идей в творчестве Михайловского, представляется возможным привести в систему эти разрозненные положения.

Свое видение необходимости субъективизма в научном исследовании Михайловский раскрывал «от противного» – от обоснования невозможности полной объективности в научном исследовании. Работа «Что такое прогресс?» началась с анализа статьи Герберта Спенсера «Польза и красота», в которой, среди прочего, последний поднимал проблему предвзятого мнения исследователя. Спенсера интересовал вопрос, как добиться максимальной объективности исследования. В результате он сделал вывод, что как присутствие, так и отсутствие *ложного* предвзятого мнения невыгодно влияет на точность наблюдения: в первом случае наблюдатель невольно опирается на накопленный ранее опыт и видит вещи в искаженном свете, а во втором – упускает из виду многое, существенно важное в наблюдаемом явлении. «Все наблюдения, исключая тех, которые производятся под влиянием уже *установленных истинных теорий*, рискуют оказаться извращенными и неполными»<sup>16</sup>, – заключал Спенсер.

Михайловский считал, что точка зрения Спенсера однобока; он утверждал, что «человек всегда приступает к исследованию с предвзятым мнением и, смотря по качеству последнего, доходит то до гениального открытия, то до невообразимой нелепости...»<sup>17</sup>. Ника-

кой исследователь не в состоянии избежать субъективной оценки. Отказаться от предвзятого мнения – значит отказаться от всего своего умственного и нравственного капитала. Особенно очевидным это представлялось Михайловскому на примере того же Спенсера, который подавал как объективную научную истину совсем уж спорные и бездоказательные положения. Речь идет, например, об утверждении, что живопись должна быть исключительно исторической, да и все искусство должно передавать только жизнь прошлого.

Вывод Михайловского однозначен – **полной объективности в научном исследовании добиться невозможно**. «Мы, к счастью или к несчастью, не доросли до объективного отношения к фактам общественной жизни, – писал Михайловский, – и субъективная точка зрения сквозит в каждой строке как наших собственных политических писателей, так и большей части тех иностранных авторов, с которыми мы до сих пор знакомы»<sup>18</sup>. Претензия на объективность может только помешать именно потому, что полная объективность недостижима. Малейшее разногласие между истинными чувствами, лежащими у социолога в глубине души, его нравственным идеалом и обсуждаемыми им фактами действительности поведет все-таки к открытому применению субъективного метода, но применению неосознанному и поэтому неудовлетворительному. Фактически речь шла об относительности гуманитарного знания вообще.

С другой стороны, стремление к объективности предполагает исключение человека как такового (реального, способного страдать) из поля исследования. Михайловский выступал оппонентом Спенсера в его желании изучать прогрессивные явления «независимо от отношений к нашему благоденствию». Михайловский с этим не согласен. Человек должен быть точкой отсчета для социолога. «Может быть, социолог не имеет, так сказать, логического права устранять из своих работ человека как он есть, со всеми его скорбями и желаниями, может быть, грозный образ страдающего человечества, соединившись с логикой вещей, мстит всякому, кто его забудет, кто не проникнется его страданиями; может быть, объективная точка зрения, обязательная для естествоиспытателя, совершенно непригодна для социологии, объект которой – человек...»<sup>19</sup>.

В другой работе, продолжая эти размышления, Михайловский писал: «Стремление к истине, изолированной от понятий блага, справедливости и проч., имеет в виду не единый критерий, а только односторонний»<sup>20</sup>.

Необходимо отметить, что в вопросе полного игнорирования интересов человеческой личности критика Михайловского не сов-

сем справедлива. Хотя Спенсер и рассматривал человеческое общество по аналогии с биологическим организмом, однако одно из различий, которое он между ними видел, заключалось в том, что в живом организме элементы существуют ради целого, в обществе – наоборот. «Общество существует для блага своих членов, а не члены его существуют для блага общества. Следует всегда помнить, что как бы ни были велики усилия, направленные к благосостоянию политического агрегата, все притязания этого политического агрегата сами по себе ничто и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой они воплощают в себе притязания составляющих этот агрегат единиц»<sup>21</sup>. Приведенные оговорки весьма существенны для Спенсера, который неоднократно протестовал против приписывания ему (хотя сам давал для этого достаточные основания) идеи полного тождества общества и организма. Если у Конта социальное целое предшествует индивиду и последний не является даже самостоятельной ячейкой общества, то Спенсер, напротив, считает недопустимым растворение индивида в социальном организме<sup>22</sup>.

Михайловский замечал, что бессилие объективного метода в социологии, когда на первый план выступают личные симпатии позитивистов, мы можем наблюдать и у Конта. Конт недаром предостерегал своих учеников, чтобы они не вмешивались в политическое движение, «которое должно для них, главным образом, служить предметом наблюдения»; что не мешало ему тут же громить политический индифферентизм современных представителей науки, «поистине чудовищный»<sup>23</sup>.

Особенно невозможна объективность при оценке политических фактов. «В области явлений общественной жизни наблюдение до такой степени связано с нравственной оценкой, что “не восхищаться политическими фактами и не осуждать их” можно только не понимая их значения»<sup>24</sup>.

Итак, в социологии «предвзятое мнение неизбежно осложняется нравственным элементом»: исследователь вольно или невольно применяет субъективный метод всякий раз, когда обнаруживает расхождение между собственным нравственным идеалом и фактами изучаемой действительности.

Вслед за Лавровым Михайловский также отстаивал телеологический принцип в социологическом исследовании. По его мысли, способность человека ставить себе те или иные цели (то есть желательное), стремиться к собственному идеалу является такой же неотъемлемой частью его личности, как и способность страдать и наслаждаться. Поэтому она и должна входить непременно и важнейшим компонентом в социологию как науку об общественных отношениях. В статье «Граф Бисмарк» («Отечественные записки».

1871. Кн. 2) Михайловский следующим образом подтвердил свою мысль об объективности телеологического принципа: «Сознательная деятельность человека есть такой же фактор истории, как стихийная сила почвы или климата»<sup>25</sup>. Главную ошибку Спенсера (как и других позитивистов) Михайловский связывал «с устранением из социологических исследований телеологического элемента»<sup>26</sup>, который, как он считал, являясь неотъемлемым свойством человека, составляет объективный факт общественной жизни. Спенсер, постулируя объективность и бесстрастность оценок, сам не в состоянии был соблюсти свои же принципы и, говоря о конкретных вещах, сам выдвигает «желательное, ставит некоторый идеал»<sup>27</sup>, т. е. вводит субъективный и телеологический элементы.

Поскольку цели людей субъективны, то изучить их одним объективным методом невозможно. Необходим иной метод – субъективный. И так же как неправомерен субъективный метод в изучении природы, неправомерен один только объективный метод в изучении общественных отношений. Субъективный метод Михайловского – создание идеала на основе сочувственного опыта и оценка всех общественных явлений с точки зрения этого идеала.

Как же Михайловский предлагал использовать субъективный метод? Он решал этот вопрос, опять-таки опираясь на «свойство» человека, отличающее его от животного мира, – на способность человека не только к переживанию, но и **сопереживанию** себе подобным. «Мыслящий субъект только в таком случае может дойти до истины, когда вполне сольется с мыслимым объектом и ни на минуту не разлучится с ним, т. е. войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, почувствует его чувство, перестрадает его страдание, проплачет его слезами»<sup>28</sup>. В одной из более поздних статей из серии «Записки профана» – «Об истине, совершенстве и других скучных вещах» («Отечественные записки», 1875, кн. 3) – он прямо определил субъективный метод как опирающийся на идею сопереживания. «Субъективным методом, – писал он, – называется такой способ удовлетворения познавательной потребности, когда наблюдатель ставит себя мысленно в положение наблюдаемого. Этим самым определяется и сфера действия субъективного метода, размер законно подлежащего ему района исследования». Это значит, продолжал он, что «при объяснении действий людей мы должны представить себе их мысли и чувства в форме собственных мыслей и чувств. И, следовательно, в этой области субъективный метод законен и неизбежен»<sup>29</sup>.

Способность к сопереживанию, или сочувственный опыт (как еще называл эту способность Михайловский), присуща всему че-

ловечеству, однако в разной степени. Чем больше способность к сопереживанию, охватывающая не только национально или социально равных, но и тех, кто отделен стеною общественных дифференцирований, тем выше сама способность к сопереживанию или, иначе говоря, нравственный уровень. И только такие люди с высоким нравственным уровнем будут способны к успешной разработке социологии. Но такие люди, конечно, редки. Именно поэтому Ф. Бэкон – «предатель, взяточник, клеветник»<sup>30</sup> являлся великолепным мыслителем и родоначальником опытных наук новейшего времени, но Бэкон – великий социолог, с точки зрения Михайловского, немыслим.

Э. Виленская считала, что, опираясь на идею сопереживания, Михайловский вводил в свою схему отвлеченный принцип нравственности и «поручал» высоконравственной мысли разрабатывать высоконравственный идеал, т. е. возвращался к тому же «интеллектуальному» элементу, но не «умственному», а «нравственному», от которого пытался уйти<sup>31</sup>. Это верно лишь отчасти. Михайловского очень занимал вопрос о том, чтобы абстрактные идеалы (он их называл «идолы») не подменяли реально достижимые. Обсуждению этой темы он посвятил статью «Идеализм, реализм и идолопоклонство»<sup>32</sup>.

Подытоживая свою работу о прогрессе, Михайловский писал, что из его слов не надо делать вывод, что объективный метод должен быть совершенно удален из этой области социологических исследований, а только то, что приоритет должен быть отдан субъективному методу. В статье «Аналогический метод в общественной науке» Михайловский говорил о необходимости сочетания того и другого методов. «Нравственное значит желательное, – писал он, – естественное значит необходимое, – это две различные категории. Человек обязан сочетать их для себя»<sup>33</sup>.

В упоминавшейся статье «Об истине, совершенстве и других скучных вещах» Михайловский демонстрировал соотношение между объективным и субъективным методами на примере исследований кн. А.И. Васильчикова. В этих исследованиях, писал он, «есть выводы, полученные объективным методом, на основании статистических данных, – выводы, которые может проверить всякий грамотный человек, потому что для такой проверки требуются только некоторые весьма элементарные сведения из арифметики и географии, а ставить себя мысленно в чужое положение вовсе не требуется. Но когда кн. Васильчиков утверждает, что преобладание сословно-поместного элемента несправедливо, то мы имеем вывод, полученный субъективным методом. Тут нужна была известная восприимчивость к страданиям обитателей Мекленбурга и Ирландии».



дии, нужно было мысленно поставить себя на их место и перетерпеть все перетерпенное ими»<sup>34</sup>.

Если оценивать историческое значение субъективного метода в социологии, задаваясь целью выяснить не то, что он не дал для полноценно научного понимания соотношений между объективным и субъективным факторами, а что нового он внес в этом отношении в домарксистскую мысль, то нельзя будет не согласиться со вполне справедливым выводом А.А. Галактионова и П.Ф. Никандрова: «Перед субъективным методом его создатели – Лавров и Михайловский – ставили задачу: найти такую форму выражения и регулирования различных, неизбежно субъективных взглядов, в которой бы они по возможности не противоречили объективному процессу, а вместе с тем были бы свободны от предвзятости, произвола и фальсификации»<sup>35</sup>. Теоретическую основу подхода Михайловского составлял сам по себе принцип нравственности, идея соперничества, т. е. вневременные и абстрактные категории. Он пытался теоретически обосновать не интересы класса, а интересы угнетенного человечества – угнетенного экономически, социально и политически. Нужно «только заботиться о том, чтобы предвзятое мнение получило характер рациональной теории, так и здесь нечего маскироваться объективностью, а должно выяснить без остатка свою личность, дать себе полный отчет в своих желаниях, побуждениях и целях. Претензия на объективность может здесь только привести к сбивчивости именно потому, что полная объективность недостижима. Малейшее разногласие между истинными, в глубине души лежащими чувствами социолога, его истинным нравственным идеалом и обсуждаемыми им фактами действительности – поведет все-таки к открытому применению субъективного метода, но применению неудовлетворительному, кастрированному»<sup>36</sup>.

Как правило, современники, критически оценивая идеи субъективной школы, обращали внимание лишь на одну черту субъективного метода – на призывы оценивать социально-историческую реальность с точки зрения определенного этического идеала. Именно так понимал субъективный метод один из первых его критиков, В.Л. Кигн: субъективный метод, писал он, – «это оценка, с точки зрения какого-либо критерия, объективно констатируемых фактов и явлений», критика существующего с точки зрения идеала»<sup>37</sup>. С «построением идеалов» отождествлял субъективный метод и Ф.В. Софронов<sup>38</sup>. Точно таким же образом интерпретировал субъективный метод М.Ф. Суперанский, когда утверждал: «...объективным методом... устанавливаются факты, изучается то, что было, есть и может быть, в силу тех или других причин; посредством же метода субъективного эти объективно установленные факты одоб-

ряются и порицаются с точки зрения исследователя, расценивающего их по категориям приятного и неприятного, желательного или нежелательного»<sup>39</sup>.

Фактически С.Н. Южаков, которого также принято причислять к субъективной школе, стоял на той же позиции. В 1872–1873 гг. в журнале «Знание» были опубликованы его «Социологические этюды». Один из этюдов был целиком посвящен субъективному методу в социологии.

В своей работе он дал следующее определение субъективного метода: «Оценка относительной важности явлений на основе нравственного мирозерцания (идеала) исследователя и построение научной теории при помощи того же критерия»<sup>40</sup>; в таком понимании субъективизм не противоречит общенаучным объективным приемам исследования, скорее является всего лишь их дополнением. Но при этом, как полагал Южаков, такой метод следовало бы назвать не «субъективным», а «объективным»: он был убежден, что в социологическом труде должны присутствовать не личные, произвольные этические суждения исследователя, а исключительно «общежелательные и общеприятные человеческие цели». По мнению Южакова, располагая соответствующими научными фактами и законами, «социолог может вывести из них... условия высшей нравственности, словом, может построить этику объективного»<sup>41</sup>. Утопическое представление о возможности выработать общечеловеческую этику путем научного исследования было характерно для эпохи «русского Просвещения» 1860-х годов. Сам Южаков, как и многие его современники, «общежелательным» человеческим идеалом считал социалистическое общество.

Общий вывод Южакова таков: «Аргументация субъективной школы, которой она старается доказать неприменимость к социологии объективного метода... не выдерживает критики», но в основании положительной стороны субъективизма «лежит глубоко истинная идея о значении нравственной доктрины в социологии»<sup>42</sup>. Таким образом, он был единомышленником Лаврова и Михайловского в вопросе о необходимости оценочного элемента в гуманитарном познании, но не соглашался с определением предложенного ими метода как субъективного, что и вызвало его последующую полемику с Михайловским.

Южаков не был единственным критиком субъективного метода. В истории русского общества трудно найти другой пример, когда направление научно-теоретической мысли вызывало бы в свой адрес столько упреков в ненаучности, сколько выпало на долю субъективной школы. Предложенный метод научного познания в восприятии современников часто отождествлялся с дилетантиз-

мом. Принцип объективности в науке считался для многих незыблемым. По мнению С.П. Ранского, этическая, нравственная оценка – не дело социологии и науки вообще. Михайловский, по его мнению, сводил задачи социологии к задачам религии, а «следует только заметить, что наука никогда ничего не скажет по вопросу о практических “целях”, об идеалах. Она может только открыть законы явлений и дать нам средства к достижению наших целей»<sup>43</sup>.

Иронично-снисходительные оценки субъективного метода в конце XIX – начале XX в. были в порядке вещей. Вспомним хотя бы знаменитую язвительную формулировку Плеханова: «Нраву моему не препятствуй! – вот последний довод субъективизма»<sup>44</sup>.

Предвосхищая обрушившуюся критику, Лавров писал о тех, кто будет возражать против присутствия субъективного фактора в научном познании. Во-первых, это идеалисты, «поклонники безусловного духа, воплощенного в истории человечества, для которого каждая личность есть лишь орган жизни этого духа», не способная на самостоятельные поступки и свободный выбор. Во-вторых, это материалисты, для которых наши действия – продукт нервной деятельности, сродни рефлексам и слабо связаны с сознанием<sup>45</sup>.

Действительно, с одной стороны, этическую концепцию субъективистов критиковали представители религиозно-идеалистического направления: Р.В. Иванов-Разумник, Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский.

Н.А. Бердяев посвятил критике субъективной социологии работу «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском». Отмечая оригинальность теории Михайловского и Лаврова, он тем не менее считает, что опираться в научном исследовании на субъективное мнение недопустимо, так как его результаты оказываются крайне ненадежными и зыбкими. Единственной объективной точкой опоры он считает трансцендентальное, логическое сознание. «Иначе мир обратился бы в какой-то ужасный хаос, не знающий закономерностей, а познание – в субъективную игру, не знающую ничего объективного»<sup>46</sup>.

Бердяев уверен, что задача ученого – поиск универсальной истины, а не относительной. Его окончательный вывод: «Мы уже видели, что истина лежит не в природе человека, т. е. в психологическом сознании, вечно изменяющемся и порождающем субъективизм, а в трансцендентальном логическом сознании, в котором коренятся общеобразовательные нормы мышления и, следовательно, санкция объективизма в познании. Это почва более надежная, чем абстрактная “личность” г. Михайловского, только на ней вырастает логический критерий истины, отличающий объективное истинное от должного»<sup>47</sup>.

С другой стороны, против субъективной школы выступили марксисты, и активнее всех Г.В. Плеханов. Как и Бердяев, он посвятил своим оппонентам целый труд «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Кареву и Ко». Прежде всего, он ставил субъективистам в вину, что они, критикуя утопический взгляд Сен-Симона на историческое развитие как на некий неизменный закон, обусловленный природой человека, сами ушли немногим дальше него. «Заметим, что когда русские “субъективные социологи” ополчаются на защиту “личности”, “идеалов” и прочих хороших вещей, они воюют именно с утопическим, неясным, неполным и потому несостоятельным учением об “естественном ходе вещей”. Наши социологи даже как будто и не слышали, в чем заключается современное научное понятие о законсообразности общественно-исторического процесса»<sup>48</sup>. Социалисты-утописты, полагал Плеханов, мало интересовались тем, что есть в действительности, но больше увлекались тем «что должно быть». Они не опровергали теоретиков буржуазного строя, а лишь вносили поправки и дополнения в их теории. «Утопист ... упрекая своих противников в объективности: положим, дескать, вы учение меня, но зато я добрее»<sup>49</sup>. То же самое отличает и Михайловского с Лавровым. «Отличительная черта “субъективных” мыслителей заключается в том, – подчеркивал Плеханов, – что “мир должного, мир истинного и справедливого” стоит у них вне всякой связи с объективным ходом исторического развития... До тех пор мы по необходимости будем закрывать глаза на действительное, сосредоточив все свое внимание на “должном” (как это делали, например, сен-симонисты), от чего, разумеется, лишь замедлится осуществление этого “должного”...»<sup>50</sup>.

Главный упрек марксиста Плеханова, общий и в отношении материалистов XVIII в., и русских субъективных социологов, в утопии и оторванности от жизни не разделяли советские исследователи. Например, Э. Виленская считала, что субъективный метод Михайловского (как и Лаврова) нес с собой как раз идею деятельного начала в противовес созерцательности домарксистского материализма. К. Маркс по этому поводу писал в «Тезисах о Фейербахе» следующее: «Главный недостаток всего предшествующего материализма ... заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно...» А в заключение подчеркивалось: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в

том, чтобы *изменить* его»<sup>51</sup>. С этой точки зрения, полагала исследовательница, субъективный метод следует рассматривать как реакцию на созерцательность домарксистского материализма и объективизма позитивистов, не оставлявших места для деятельного начала. Именно на созерцательный характер позитивистского метода и на вытекавшие отсюда политические последствия указывал Михайловский, критикуя Спенсера. Он писал, что «позитивизму приходится быть пассивным зрителем», признавать равное право на существование всех истин, так как «с объективной точки зрения все истины равны». Лишь с помощью субъективного метода, иначе говоря, становясь на определенную точку зрения, возможен «выбор между истинами, то есть отделение истин полезных от бесполезных, нужных от ненужных, обязательных от необязательных»<sup>52</sup>.

Критиков субъективного метода объединяло следующее – представление об абсолютной детерминированности процесса общественного развития, который является «объективно необходимым» и «закономерным», а также выявление универсальных законов этого развития и установление в ходе научного опыта объективной «истины». Все то, от чего с легкостью отказались представители субъективной школы, которые в этом смысле, несомненно, опередили свое время.

Таким образом, реконструкция методологической платформы субъективной школы по-прежнему является актуальной научной задачей. Лишь восстановив, какое именно содержание вкладывали в понятие «субъективный метод» его приверженцы, можно определить ту роль, которую в действительности сыграла субъективная школа в интеллектуальной истории XIX – начала XX в., и ее значение для развития современной социологической мысли.

---

#### Примечания

- 1 Бауман З. Социологическая теория постсовременности // Социологические очерки. М., 1991. Вып. 1. С. 29.
- 2 Лавров П.Л. Задачи позитивизма и их решение // Современное обозрение. СПб.: Типография Н. Неклюдова, 1986. Т. 2. № 5 (май). С. 135.
- 3 Там же.
- 4 Там же. С. 136.
- 5 См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992. С. 126–128.
- 6 Лавров П.Л. Задачи позитивизма и их решение. С. 137.
- 7 Там же.
- 8 Там же. С. 151.

А.А. Голосеева

- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Там же. С. 152.
- 13 Там же.
- 14 *Леонтьева О.Б.* «Субъективная школа» в русской мысли: Проблемы теории и методологии истории. Самара, 2004. С. 49.
- 15 *Кареев Н.И.* Памяти Михайловского, как социолога // Михайловский Н.К. Избранные труды по социологии в двух томах. Герои и толпа. СПб., 1998. Т. 2. С. 391.
- 16 См.: *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? // Михайловский Н.К. Избранные труды по социологии в двух томах. Герои и толпа. СПб., 1998. Т. 1. С. 11.
- 17 Там же. С. 12.
- 18 Там же. С. 15.
- 19 Там же. С. 52.
- 20 *Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений. Т. X. СПб., 1913. Стб. 715.
- 21 *Спенсер Г.* Основания социологии. Сочинения. Т. IV. СПб., 1898. С. 287.
- 22 См.: *Кон И.С.* Позитивизм в социологии. Л., 1964. С. 26–27.
- 23 Там же. С. 71.
- 24 Там же. С. 66.
- 25 *Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений. Т. VI. СПб., 1909. Стб. 101.
- 26 *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? С. 52.
- 27 Там же. С. 53.
- 28 Там же.
- 29 *Михайловский Н.К.* Об истине, совершенстве и других скучных вещах // Сочинения. Т. III. СПб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1881. С. 152–153.
- 30 *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? С. 125.
- 31 *Виленская Э.С.* Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979. С. 118.
- 32 *Михайловский Н.К.* Идеализм, реализм и идолопоклонство // Полное собрание сочинений. Т. IV. СПб., 1909. Стб. 31–70.
- 33 *Михайловский Н.К.* Аналогический метод в общественной науке // Полное собрание сочинений. Т. I. СПб., 1897. Стб. 390.
- 34 *Михайловский Н.К.* Об истине, совершенстве... С. 153.
- 35 *Галактионов А.А., Никандров П.Ф.* Русская философия XI–XIX веков. Л., 1970. С. 493–494.
- 36 *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? С. 132.
- 37 *Кинг В.Л.* [В. К.] Позитивизм в русской литературе // Русское богатство. 1889. № 3. С. 35–36; № 4. С. 128.
- 38 *Софронов Ф.В.* Ответ профессору Карееву // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. 2 (42). С. 133–137.

- <sup>39</sup> *Суперанский М.Ф.* [*Ранский С.П.*]. Социология Н.К. Михайловского. СПб., 1901. С. 14–15.
- <sup>40</sup> *Южаков С.Н.* Социологические этюды. СПб.: Астрель, 2008. С. 224–255.
- <sup>41</sup> Там же. С. 230.
- <sup>42</sup> Там же. С. 241.
- <sup>43</sup> *Ранский С.П.* Социология Н.К. Михайловского. СПб., 1901. С. 117.
- <sup>44</sup> *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 671.
- <sup>45</sup> *Лавров П.Л.* Задачи позитивизма и их решение. С. 139.
- <sup>46</sup> *Бердяев Н.А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. М., 1999. С. 96.
- <sup>47</sup> Там же. С. 102.
- <sup>48</sup> *Бельтов Н.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и Ко. СПб., 1906. С. 34.
- <sup>49</sup> Там же. С. 38.
- <sup>50</sup> Там же. С. 43.
- <sup>51</sup> *Маркс К., Энгельс Ф.* Тезисы о Фейербахе // Сочинения. М., 1955. Т. 3. С. 1, 4.
- <sup>52</sup> *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. Т. I. Стб. 105.



Н.В. Демьяненко

СОЦИОЛОГИЯ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА  
В СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ  
«СУБЪЕКТИВНОЙ» ШКОЛЫ XIX СТОЛЕТИЯ<sup>1</sup>

Предложенная статья рассматривает влияние социологических идей Герберта Спенсера на российскую социологическую мысль дореволюционного периода. Находясь под влиянием позитивистской социологии Спенсера, ранняя российская научная мысль может рассматриваться как оригинальное научное направление в истории мировой социологии. Указанная статья показывает становление первой российской национальной социологической школы, которая впоследствии была названа «субъективной». Ее представители Л.Е. Оболенский, Н.И. Кареев, Н.К. Михайловский предложили собственные уникальные методы научного исследования, используемые в социальных науках. Эти методы заключались в том, чтобы изучать внутренний психологический мир человека, не ограничиваясь его внешними проявлениями. Статья акцентирует внимание на историко-социологических работах Г. Спенсера и известных трудах дореволюционных российских социологов.

*Ключевые слова:* позитивизм Спенсера, российская социология, организационная теория, субъективный подход, методы исследования, общественные явления, социальные силы.

В конце 60-х годов XIX в. в России стала распространяться идея о необходимости новой науки, которая должна была изучать общественные явления с целью открытия естественных законов этих явлений по образцу наук, изучающих природу. Как и на Западе, социология в России возникла в процессе перехода к индустриальной стадии социальной эволюции в силу потребности меняющегося общества в достаточно строгом социальном знании, которое могло бы нацелить общество на решение принципиально но-

---

© Демьяненко Н.В., 2011



вых проблем. «Основания социологии» Г. Спенсера вышли в свет еще в 70-х годах XIX в. (1830–1842), но внимательное отношение к нему в самой Англии началось только в 90-х годах того же века. В Англии, где спенсеровские идеи были почти забыты, в течение целой четверти века еще не существовало развернутой критической социологической литературы в годы, когда она стала возникать в России. Более внимательно отнеслись к Г. Спенсеру и его социологическим идеям в России и США, где он оказал заметное влияние на А. Смолла и У. Самнера, Л.Е. Оболенского, П.Л. Лилиенфельда.

Однако не следует забывать, что Спенсер, заимствовав идею и имя социологии у О. Конта, вплотную начал осуществлять применение этой идеи, т. е. разработку новой науки, только в 70-х годах, когда вышли из печати его книга «Об изучении социологии» (1873) и первый том «Оснований социологии» (1876). Если принять в расчет, что в Германии Спенсером заинтересовались намного позже, чем в Северной Америке, где Л. Уорд положил начало социологической литературе только в 80-х годах, то можно сказать, что русская литература была одной из первых, где мысль о социологии пустила прочные корни. Проникший в Россию позитивизм в лице Спенсера и Конта как раз и удовлетворял эту назревшую потребность. Конт сделал попытку классифицировать знание, однако только Спенсер в наиболее полной мере сумел осуществить ее. Он создал концепцию, которая включила в себя все отделы имеющегося социального знания.

Социология в Россию проникала с Запада, но стала быстро принимать собственные оригинальные формы и самостоятельно развиваться в собственных национальных и культурных традициях. Связано это было с рядом причин. Индустриальная модернизация России осуществлялась по запаздывающему варианту, что и составило своеобразный социокультурный контекст развития социальной мысли. Причудливое переплетение социальных отношений традиционного и индустриального обществ, потребность в новой трудовой этике и приверженность к патриархальности большей части населения, давление отживающих политических структур, слабость гражданского общества и иные особенности пореформенной России непосредственно определяли проблематику и содержательную эволюцию новой науки. Российская социология явно или неявно сосредоточивалась на проблеме необходимости и возможности, желательности или нежелательности капиталистической эволюции страны по западной цивилизационной модели.

В данном случае Спенсер явился классическим представителем и популяризатором идеи развития европейских стран по капиталистическому пути, включая и Россию. Подавляющее же большинст-

во отечественных социологов, разрабатывая теоретические модели, так или иначе имели в виду «русский путь», соответственно, стремясь перевести теоретические положения на уровень практических программ. Понимание особенностей развития социологии России, ее неповторимости также требовало учета своеобразия русского национального характера, его духовных ориентаций.

Русские ученые старались найти и обосновать общезначимый социальный идеал, руководствуясь которым можно освободить общество от нарушающих его органичность тенденций и сознательно ориентировать его в направлении органической целостности и в духе социального конструктивизма. Поэтому отечественные социологи сосредоточили свое внимание на проблемах цивилизационной динамики общества, что содержательно определяло эволюцию социологии. Подобная ориентация вытекала из необходимости поиска разрешения острых противоречий страны. Эволюционисты исходили из представления о единой человеческой истории, где существующие различия могли быть сведены к определенным социальным типам, последовательно приближающим человечество к социальному идеалу. Соответственно, обосновывались различного рода «формулы цивилизационного развития страны», зачастую сугубо априорные. Однако с течением времени начали обнаруживаться противоречия этой парадигмы. Особое значение приобрели проблемы объекта цивилизации, совмещения цивилизации со структурным единством системы и ее стремлением к функциональному равновесию и другие. Понятие цивилизации употребляется в сходном значении во многих общественных науках. Происхождение и содержание этого понятия глубоко связано с социально-экономическими условиями, менталитетом и общекультурной атмосферой, которые сложились в странах Запада во второй половине XIX в. Поразительное развитие новой техники сопровождалось весомыми сдвигами и в научном мышлении<sup>2</sup>.

В свою очередь, все социологические выводы основоположника позитивизма Спенсера опирались на его собственную концепцию цивилизации в духе эволюционного развития, сформулированную раньше и независимо от Ч. Дарвина. Эволюционная теория общества являлась составной частью философии природы, а социальная эволюция частью мирового планетарного процесса, которому была подчинена вселенная. Принципы, общие для всех наук, Спенсер называл философскими. Над ними стоял закон эволюции как синтез всех научных законов и наиболее общий закон природы. Природа, наука и цивилизация как путеводные категории, методологический натурализм в подходе к социокультурным явлени-

ям вместе с радикальной идеологией были постоянными составляющими спенсеровского мышления.

Популярность Спенсера в России совпала с развитием политической борьбы во второй половине XIX в. Поэтому интерес к его учению был не только у научных деятелей, но и среди широкой публики. Дело в том, что Спенсер в своем учении сумел по-новому осмыслить историю общественного развития, сформировать новый взгляд на значение социальных реформ и политических перемен.

Работы английского ученого стали появляться в России и за рубежом как раз в период формирования российской социологической мысли. Спенсер оказал двойное влияние на российских социологов. С одной стороны, его идеи не были положительно восприняты большинством ученых, отсюда «море» по большей степени отрицательной критики, обрушившееся на вновь выходящие произведения мыслителя на русском языке. С другой стороны, появление Спенсера на горизонте научной мысли в России инициировало активную работу российской мысли. Спенсер как бы подтолкнул отечественных социологов, которые, пытаясь опровергнуть и доказать несовершенство его взглядов, сформировали собственную научную школу и вышли на мировой уровень с собственными оригинальными идеями.

Критических очерков относительно системы Спенсера из-под пера русских социологов вышло много. Критиковали философию и взгляды на религию Г. Спенсера: Н. Глебов (1908), А.Ф. Гусев (1896), Е.В. Де-Роберти (1892), П. Милославский (1883), А.С. Гольденвейзер (1904); эволюционизм Спенсера: М.М. Ковалевский (1910), Г.Н. Корсун (1911), В. Бекер (1912); классификацию наук: П.Л. Лавров; органицизм Спенсера: Н.К. Кареев (1883), С.И. Гальперин (1900), М.М. Ковалевский (1910), Е.Е. Колосов (1911), Б. Ленский (1878), Н.К. Михайловский (1869), П. Лавров (1867), Л.З. Слонимский (1889), Л.Е. Оболенский (1879); методы исследования в новой социальной науке: Е.Е. Колосов (1912), Н.И. Кареев (1897), Н.К. Михайловский (1869), И.В. Лучицкий (1878), Л.Е. Оболенский (1882); этику Спенсера рассматривали: С. Соколова, Д.П. Львов (1890), А.И. Красносельский (1881), Л.Е. Оболенский (1879), Н.К. Михайловский (1872), П.И. Личицкий (1881); теорию государства и личности: В. Яроцкий (1885), Л.Е. Оболенский (1892), М.М. Ковалевский (1910), С.И. Гальперин (1900), Н.И. Кареев (1897); идеи о воспитании: Л.Е. Оболенский (1880), О. Лихтенштадт (1879), С. Соколова (1905), П.Л. Лавров (1867); в целом характеристику спенсеровской социологии представили: И.А. Полетика (1878), К. Тахтарев (1914), А.С. Гольденвейзер (1904), П.Г. Мижухев (1906).

Сочинения Спенсера расходились по стране огромным тиражом. В виде статей: «Изучение социологии» в журнале «Знание» (1873), отдельными томами, брошюрами «О праве собственности на землю» (1907), в виде собраний сочинений под редакцией Н. Тиблена (1866) и Н. Рубакина (1899). Кроме этого, работы Спенсера выходили в разных издательствах («Основные начала» в издательстве Н. Тиблена, Л. Пантелеева, Н. Рубакина) и переводились разными переводчиками. Например, «Этика половых отношений» и «Воспитание» были переведены четырьмя различными переводчиками буквально за последнее десятилетие XIX в.

Идеи английского социолога имели широкое хождение среди очень большого круга русских мыслителей XIX в. Он оказал влияние на представителей иных дисциплинарных направлений отечественной социологической мысли: социологов-историков (И. Лучицкий), социологов-географов (Л. Мечников), правоведов (С. Гальперин, С. Муромцев), теологов (Г. Корсун, А. Гусев), общественных и политических деятелей (Л. Оболенский, П. Лавров, П. Милоков).

Влияние социологии Г. Спенсера на российскую социологию было огромно: от простых заимствований (П. Лилиенфельд, А. Стронин) до полного отрицания концептуальных основ его учения (Б. Ленский, Н. Михайловский), с рядом объективной взвешенной критики (К. Тахтарев, М. Ковалевский) и простым популяризаторством (А. Гольденвейзер, П. Мижуев). Распространение идей Г. Спенсера в России стало своеобразным стимулом для возникновения различных направлений в отечественной социологии. Появились приверженцы «субъективного» метода в социологии (П. Лавров, Н. Михайловский, И. Кареев), сторонники эволюционного подхода (Л. Оболенский, Н. Кареев, М. Ковалевский), немного позднее стала распространяться марксистская социология (А. Деборин, Г. Плеханов). В противовес Г. Спенсеру российские социологи выдвигали собственные идеи, например оригинальные этические воззрения (Л. Оболенский, П. Лилиенфельд, С. Соколова, Д. Львов).

Среди различных направлений, занимавшихся изучением и критикой Г. Спенсера, особое место заняла «субъективная» школа в социологии, представители которой (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев, Л. Оболенский, С. Гальперин, Б. Ленский) рассматривали вопросы социологии и социальной психологии, изучая психическое взаимодействие между людьми, соединенными в общество. С этим психологизмом как изучением мира субъективных переживаний была тесно связана этическая ориентация русской социологии, что позднее и было названо «субъективным» методом.

«Субъективная» школа была одной из самых ранних российских социологических школ, которые стали появляться в XIX столетии. Ее представители вошли в историю социологии как первые в стране и мире критики социологических воззрений Конта и Спенсера, главное поле научных интересов которых состояло в поиске возможных научных методов исследования в новой социальной науке.

Исторические факты так многочисленны и разнообразны, можно ли найти в них какой-либо порядок? Если возможно, то каким способом это сделать? В определении предмета социологии и поисках ее места в системе наук представители этой школы исходили из тезиса Спенсера о необходимости создания позитивной, опытной науки об обществе. Вместе с тем они сосредоточили свое внимание на критике предложенного им «объективного» метода исследования в социологии и обосновании собственного «субъективного» метода.

Конец 60-х – начало 70-х годов XIX в. стало началом известности и славы Спенсера как в Англии, так и за рубежом, – в США, Японии, России, Франции, Китае. Русские исследователи и почитатели творчества Спенсера переводили и издавали в России его сочинения практически сразу же вслед за их публикацией в Англии.

Во время работы над восьмитомной «Описательной социологией» американские друзья Спенсера просили его написать ряд статей по социологии с выделением и кратким изложением наиболее ярких и основных социологических идей. Он долго не соглашался на эту работу, однако в 1873 г. выпустил книгу под названием «Изучение социологии». Хотя писать ее пришлось в спешке, в перерывах между основной работой над «Описательной социологией», тем не менее книга получилась удачная, необычайно популярная в Англии, США, Италии, Венгрии, России и покрыла убытки, которые автор терпел из-за неудачного издания «Описательной социологии».

Темой книги «Изучение социологии» английский ученый выбрал то, что, на его взгляд, наиболее важно в социологии, а именно: какие методы необходимо использовать при исследовании социальных явлений и какой в связи с этим должен быть умственный и психологический настрой исследователя? Чтобы получить более или менее точные научные выводы, была необходима объективная, полная информация о происходящих социальных процессах. Получить эту информацию можно было, лишь преступив личные убеждения исследователя, а также политические, религиозные, патриотические предрассудки и пристрастия, но даже тогда ученый оставался под властью полученного им в детстве осо-

бенного воспитания, интеллектуального развития и оригинального характера.

Преодолев указанные трудности, социолог имел возможность получить доступ к скрытым, неприятным и неинтересным фактам, и только они предоставляли необходимую основу для научного изучения социальных процессов. Поэтому Спенсер намеренно осуществлял разграничения субъективного отношения к социальным явлениям и объективного метода для их изучения<sup>3</sup>.

Предложенная им теория социальной эволюции, задолго предшествовавшая дарвиновской биологической, как раз показывала существование открытых им объективных подходов к изучению общества, хотя в целом она уже содержала в себе субъективный оценочный элемент. Эволюция, развитие, прогресс понимались Спенсером как улучшение положения людей, в противоположность распадения общества, т. е. ухудшению их состояния. Эта эволюция была прогрессивная, так как вела к большей свободе человека, большей независимости, индивидуальности, а это, как известно, был личный идеал Спенсера. Значит, и он не смог последовательно применить свой широко популяризируемый объективный метод и удержаться от оценки изучаемых им социальных явлений.

В таком случае возникал вопрос: возможен ли вообще в идеальном виде объективный метод исследования в социологии? По мнению «субъективистов», в общественных науках определенный субъективизм неизбежен, так как у исследователя есть моральные и социальные убеждения, и сам Спенсер в этом случае не являлся исключением. В этом социологи «субъективной» школы оказались правы.

Представители российской «субъективной» школы Михайловский, Лавров, Кареев были не согласны с оценкой, которую давал Спенсер историческим явлениям и человеческой истории в целом. «В ней, – как считал Михайловский, – он не учитывал мнения самих участников событий. Разделение труда, развитие промышленности, рост гражданских свобод еще не являлись признаком всеобщего благополучия. Конкретные участники событий могли оценивать происходящие с ним изменения как ухудшение их состояния»<sup>4</sup>. По мнению Кареева, при оценке исторических явлений Спенсер саму личность оставлял почти бездеятельной<sup>5</sup>.

С точки зрения социологов «субъективной» школы, объективный метод исследования в чистом виде был невозможен, более того, даже не нужен и вреден. Спенсера за его объективный подход они пытались представить чуть не извергом, стремящимся в своих исследованиях игнорировать людские чувства и страдания. Субъективизм был неизбежен, так как объективно изучаемые социаль-

ные формы оказывали воздействие на живущих в них людей, положительно или отрицательно ими оцениваясь, поэтому общественная наука не могла ограничиться изучением только внешней стороны общественных отношений и форм, не проникая во внутренний мир человека, к которому нельзя было не относиться оценочно. При изучении социальных явлений социолог вынужден был давать им собственную оценку, но при этом должен был учитывать мнения самих участников событий.

По мнению отечественных социологов, Спенсеру удавалось подняться над общественными предрассудками своего времени, но он оставался во власти собственного политического идеала, а именно идеала свободы и индивидуализма. При оценке социальных явлений он не принимал во внимание мнения участвующих в них людей. Внешний рост свободы еще не мог являться признаком всеобщего благополучия. По его мнению, смена общественных форм приближала человечество к большей свободе и, следовательно, являлась благом, однако конкретные участники событий могли оценивать происходящие с ними изменения как ухудшение своего состояния. Поэтому российскими социологами оправдывалось сознательное вмешательство людей в исторический процесс с целью его изучения и исправления.

Михайловский в своих исследованиях принимал в расчет и альтруистические чувства людей, и социальные инстинкты, а также способность противопоставлять естественному ходу вещей творчество идеалов. Как раз в признании этой способности и лежало принципиальное обоснование для внесения в социологию «субъективного метода», который, в сущности, был оценкой действительности с точки зрения идеала. Михайловский одним из первых в России признал компетентность биологических законов в социологии, но параллельно обнаружил в социальных явлениях и такие стороны, которые не поддавались биологической трактовке. Он признал за индивидуальностью человека значение самостоятельного «я» как существа, способного мыслить, чувствовать и стремиться.

Социологи «субъективной» школы полагали, что критерием важности явления может служить его повторение в неизменной связи с другими явлениями. Поэтому для представителя естественных наук более важным являлось то, что повторялось в неизменной связи. Исторические же факты не повторяются, следовательно, объективного критерия их важности не существует. Лавров в своих «Исторических письмах» находил, что объективный метод решительно неприложим к социологическим исследованиям, в которых он должен был уступить место субъективному критерию, за-

ключающемуся в нравственном идеале исследователя. Свою позицию критик объяснял тем, что поскольку в истории ничего не повторяется, то такой критерий важности, как повторяемость явлений, должен быть заменен оценкой их нравственного значения<sup>6</sup>.

По мнению субъективистов, в этом заключалась специфика социальной науки. Лавров полагал, что Спенсер сам находился во власти субъективного метода и в его методологических положениях находил элементы предвзятого мнения. «Если Спенсер процесс дифференциации назвал прогрессом, – писал он, – то только потому, что заметил предварительное совпадение с этим процессом того развития, которое ему казалось наилучшим и прогрессивным»<sup>7</sup>.

Среди значительной массы критики особенно выделялись работы, посвященные анализу органицизма Г. Спенсера. Некоторые авторы в своих работах только частично касались научного творчества Г. Спенсера, но многие российские исследователи специально посвятили ему свои философские и социологические работы. Органицизм Спенсера рассматривали: С. Гальперин (1900), Е. Колозов (1911), Б. Ленский (1878), Л. Оболенский (1879). Методология отражена в работах Кареева (1897), Михайловского (1869), Слонимского (1889), И. Лучицкого (1878), Оболенского (1882).

Субъективисты весьма основательно подвергли критике спенсеровскую оценку общественного исторического процесса, в основу которого он ставил законы органического развития. Спенсер определил общество как особый индивидуальный предмет. Оно становится таким, так как постоянны отношения между его составными частями. Эти отношения представляют собой сходство с отношениями между составными частями в биологических организмах. Общественный организм, по Спенсеру, развивался по тем же объективным законам, как растительный и животный организм. Развитие происходило почти стихийно, спонтанно, без сознательной роли личности. По Спенсеру, высота органического развития измерялась степенью интеграции целого и дифференциации частей: чем совершеннее был организм, тем больше его части были поглощены целым и тем больше существовали различия между его частями. В обществе происходила интеграция, сплочение мелких групп в более крупные группы. Однородность этих групп уступала место разнообразию отдельных социальных элементов, из которых складывалось любое развитое общество<sup>8</sup>.

С критическими замечаниями относительно органицизма Спенсера в печати выступили: Кареев, Гальперин, Михайловский, Лавров, Ленский, Оболенский. Все они считали, что указанных ученым различий между обществом и организмом достаточно, чтобы отвергнуть всю аналогию.



Приложив эту формулу к социальному организму, Кареев обнаружил, что совершенное общество, по представлению Спенсера, будет таким, где личность целиком поглощена социальным целым и способна выполнять только одну функцию. Подобное положение уже наблюдалось в истории человечества. Поглощение государством личности гражданина в античном мире, существование каст в Индии. Однако в обществе всегда действовали силы, в которых общественная интеграция находила свой естественный предел в возможности для личности полностью утратить свою самостоятельность<sup>9</sup>.

Подхватывая мысль Кареева, еще один крупный отечественный социолог того времени. С.И. Гальперин в своей книге «Органическая теория строения и развития общества» (1900) утверждал, что учение Спенсера об общественном организме стоит в связи с его политическим мировоззрением. Отсюда – связь между обществом и организмом была раскрыта Спенсером неправильно, так как его научная теория должна была бы привести к совершенно иным заключениям в идеологическом смысле. «Отстаиваемая Спенсером идея о полном самогосподстве личности и исповедуемый им принцип невмешательства государства, все это было прямо противоположно полному подчинению частей организма своему “центральному чувству”, наличность которого Спенсер отрицал только в силу наличия своего политического идеала»<sup>10</sup>.

Такое положение не устраивало социологов «субъективной» школы. Из него получалось, что жизнь и деятельность общества predeterminedены заранее. Отдельный человек или небольшая группа граждан не могли в корне изменить направление общественного развития. По Спенсеру, получалось, если организм болен, он обречен, если общество распадается, оно распадется, и ничто и никто его не остановит. Такое совершенное общество могло рассматриваться, скорее, как противоположность совершенному организму именно по тому положению, которое Спенсер отводил в нем человеческой личности. По мнению Кареева, было основание не отождествлять социальную эволюцию с органической, и если бы такое сравнение было законно, оно не давало бы право отождествлять строение и функции социума со строением и функциями организма.

По Карееву, Спенсер строил социологию на биологической основе, хотя сам теоретически помещал психологию между биологией и социологией. Отсюда следовало игнорирование английским ученым психологических факторов общественного развития, а также мыслей и чувств представителей данного общества. Необходимо было рассматривать все указанные факты как особую социоло-

гическую реальность, которую следовало учитывать в социальной эволюции, так же как и такие явления, как сознательность, преднамеренность, целесообразность в человеческой жизни<sup>11</sup>.

В свою очередь замечательный русский критик, эстет и специалист в области этики, автор многих художественных произведений и горячий почитатель творчества Спенсера, Оболенский, полагал, что английский ученый, ставя развитие личности целью общественного процесса, саму личность оставлял почти бездеятельной. Противоречие в учении Спенсера заключалось в том, что совершенство личности, а с ней и совершенство общественных отношений явятся результатом почти механического приспособления, тогда как, по его мнению, «отдельные общества только в начале жизни переживают этапы бессознательной эволюции, после которых следуют периоды сознательного самовоспитания и развития»<sup>12</sup>.

Что же понимал Оболенский под «сознательным развитием»? Не те ли идеи, которые развили и осуществили в начале XX в. российские социал-демократы? И определили их как те общественные силы, которые могли влиять на ход общественных изменений? В таком случае возникает другой вопрос, что это за «силы»? «Критически мыслящие личности» Лаврова?

Социологи «субъективной» школы пришли к единому мнению со Спенсером, что совершенное общество в сравнении с совершенным организмом будет высоко централизованным военизированным государством, где личность окажется целиком поглощена социальным целым и будет вынуждена выполнять только одну отведенную ей общественную роль. Однако в обществе действуют силы, при которых общественная интеграция находит свой естественный предел в невозможности для личности полностью утратить свою самостоятельность. Личность неповторима и уникальна, что выражается в ее индивидуальности, поэтому развитие человеческой индивидуальности являлось целью прогрессивного исторического процесса, который мог быть рассмотрен как последовательное и постепенное воплощение принципа самореализации личности. Только уважение к человеческой уникальности и неповторимости могло гарантировать справедливый общественный порядок. Поэтому здесь Михайловский особенно подчеркивал, что личность никогда не должна быть принесена в жертву обществу, она свята и неприкосновенна<sup>13</sup>.

В свою очередь Лавров не раз подчеркивал, что общественные цели могли быть достигнуты исключительно в личностях. Истинная общественная теория, по его мнению, требовала не подчинения общественного элемента личному и не поглощения личности обществом, а слияния общественных и частных интересов<sup>14</sup>.

В 1878 г. в журнале «Слово» Ленский, один из крупных представителей указанной школы, выдвинул ряд опровержений спенсеровской аналогии. Высшими Спенсер признавал такие общества, в которых яснее выражен промышленный строй. Это положение, по мнению Ленского, как раз и составляло противоречие всей его социологической системы, выраженной формулой: общество есть организм. Сложность и порядок строения не есть критерий организма. Если принять за основной признак нормального организма приспособление его к условиям существования, то и в этом случае существующие общества не могли быть названы организмами. Спенсеровская правильность строения организма и его элементарная цель не имеют ничего общего между собой. По Спенсеру, нормальным можно было считать тот организм, который приспособлен к гибели<sup>15</sup>.

Гальперин, Кареев, Оболенский считали, что Спенсер не уделял достаточного внимания этому противоречию. Каждый из них по-своему объяснял причину такого невнимания. Существующее противоречие субъективисты использовали для критики органицизма, одновременно выставив его как доказательство спенсеровского субъективизма. Например, Гальперин полагал, что английскому социологу расстаться с аналогией мешает идея индивидуализма и невмешательства государства<sup>16</sup>.

Кареев видел ошибку иного рода. Если, по Спенсеру, в организме существовала физическая связь между клетками, а в обществе между индивидами существовала психическая связь, то за объяснением общественных явлений следовало обращаться к психическим факторам человеческой жизни<sup>17</sup>.

Оболенский, так же как и предыдущие авторы, не принимал аналогю общества и организма, считая ее крайне неудачной. Причину ошибок он видел в отрицании Спенсером автономии, самостоятельности клеток. Таким образом, если Кареев полагал, что Спенсер отвел личности ничтожную роль в истории и полностью подчинил ее стихийным силам природы, то Оболенский обвинял Спенсера в признании им полного подчинения клеток целому организму. Тогда как, по утверждению российского ученого, клетки в биологическом организме имели свою индивидуальность и проявляли ее в борьбе с целым организмом<sup>18</sup>.

Кроме сомнений в истинности исходных положений Спенсера представители субъективной школы пытались дать собственный вариант понимания общественных процессов и явлений, заинтересовавших Спенсера. Гальперин объяснял сходство общества и организма не только идентичностью их организационной структуры. По его мнению, «отношения частей общества покоятся на взаим-

ной солидарности и отношениях экономического свойства, а не исключительно на одной органической подчиненности»<sup>19</sup>.

Спенсер выделил два класса явлений, с которыми можно сравнивать общественные явления, – органический и механический. Он определил, что общества не похожи на механический класс, свойства общества представляют сходство со свойствами органического класса. По Карееву, такая аргументация была неверна. У общества больше сходства с организмом, чем с механизмом, но в нем есть нечто несходное ни с тем, ни с другим. «Целое, состоящее из живых частей, не может быть похоже на безжизненное целое. Вот почему Спенсер отождествлял общество с организмом. Но целое, состоящее из сознательных частей, не могло быть похоже, по своим отличиям, на целое, состоящее из бессознательных частей. Таким образом, Спенсер видел в обществе только органическое развитие, то есть не над-органическое, а над-механическое»<sup>20</sup>.

Эволюция взглядов на предмет социологии хорошо видна также в работах русского социолога С.Н. Южакова (1849–1910), пытавшегося критиковать основы «субъективной» школы, оставаясь в целом на ее позициях. Он пытался усилить значение объективного метода в этико-субъективной социологии, выступив с критикой тезисов Лаврова о неповторимости исторических явлений и о невозможности объективной оценки социальных явлений. В истории, указывал он, если и не наблюдается повторение тех или иных событий, то уж наверняка возможно обнаружить повторение явлений данного рода. Объективная же оценка социальных явлений была возможна в силу единства законов логики познающего мышления. Он же оспаривал и тезис Михайловского о неизбежной предвзятости любого суждения.

Южаков полемизировал против «субъективного метода» Лаврова и Михайловского, но эта полемика относилась не к субъективизму в смысле этического отношения к предмету знаний, а в смысле употребления в данном случае термина «метод». Признавая законность «оценки относительной важности явлений на основании нравственного идеала исследователя», а также «построения научной теории при помощи того же критерия», он сам выступал за субъективизм, не думая, чтобы последний в таком понимании противоречил общенаучным приемам исследования и тем самым их исключал. Южаков отвергал название метода субъективным, заменив его термином «этико-социологическая школа»<sup>21</sup>.

Один из главных представителей указанной школы, Л.Е. Оболенский, в методологическом смысле поддерживал Спенсера и подчеркивал необходимость и уместность подхода, которые следовало использовать. «Все зависит от различных целей, которыми задает-

ся исследователь. Можно либо исследовать условия происхождения и развития явлений, либо определять их значение относительно человеческого блага и счастья. В первом случае необходим объективный метод, в другом, – субъективное отношение к исследуемым социальным фактам». В этом, по мнению Оболенского, и состояло примирение субъективного и объективного методов в социологии<sup>22</sup>.

Факты истории не повторяются во всей их детальной сложности, но в этих явлениях есть нечто общее, что может подлежать научному исследованию, а именно: элемент дифференциации (разделение труда) или элемент общественной интеграции (объединение частей), возникновение сообществ, различного рода организаций вплоть до социальных институтов. Таким образом, общее в явлениях и может быть подвергнуто научному изучению.

В исторических событиях есть элемент неповторяющийся, индивидуальный, составляющий предмет собственно истории, но есть элемент, общий всем явлениям истории, – дифференциация, эволюция, т. е. элемент повторяющийся, следовательно, относящийся не к истории, а к социологии. В результате общественную историю можно изучать научным методом объективным, а не субъективным.

В истории отечественной социологии были и яркие противники субъективного метода в социологии. Л.З. Слонимский в 1889 г. написал критическую статью «О некоторых теориях прогресса», в которой он рассмотрел предложенный Лавровым и Михайловским субъективный метод. По Михайловскому, Спенсер хотел объективно исследовать социальные явления, но впал при этом в ошибку, следовательно, необходимо объективно отнестись к предмету, чтобы избежать ошибок. Такая позиция не устраивала Слонимского. «Михайловский принял субъективное и объективное отношение к предмету, простую точку зрения за “метод” и взвешивает достоинства и недостатки небывалых методов – субъективного и объективного, смешивает научно-теоретическую и практическую точки зрения, соображения истинности и желательности»<sup>23</sup>.

Позднее, в начале XX в., К. Тахтарев с положительной стороны отмечал объективизм Спенсера. «Хотя социология Спенсера и окрашена в биологическую окраску, – писал он, – английский социолог всегда смотрел на общественную жизнь объективно, с научной точки зрения, даже прогресс он стремился определить по объективным критериям. Спенсер никогда не смешивал социологию с социальной или экономической политикой»<sup>24</sup>.

Хвалили Спенсера за его объективный метод и значительно раньше. Лучицкий в 1878 г. в Киеве организовал издание «Описа-

тельной социологии» Спенсера. В предисловии к этой книге он писал: «Представляя только факты, издание является чуждым субъективного отношения к общественным явлениям, не затемняется личными воззрениями»<sup>25</sup>.

Однако мнение Лучицкого сразу же вызвало некоторое сомнение. В «Отечественных записках» в том же 1878 г. вышла статья, где неизвестный критик указывал, что, подбирая и классифицируя факты, Спенсер находился уже на заранее определенной, предвзятой позиции. Его социологическая концепция была составлена под углом зрения так называемой «органической теории», а частные положения получены не путем анализа социальных явлений, а по аналогии с биологическими законами. Подбор фактов был сделан так, что они составили материал для иллюстрации положений именно этой теории, и многие стороны общественной жизни, не относящиеся к этой теории, оказались упущены<sup>26</sup>.

В целом же начало XX в. было ознаменовано более спокойными, взвешенными, научно обоснованными рассуждениями о значении творчества Спенсера. В этом отношении наиболее ярко выделялись социологические работы К.В. Тахтарева (1914) и М.М. Ковалевского (1912). Новое направление в науке того времени, а именно позитивно-социологическое изучение права, инициаторами которого в России были С.А. Муромцев и Ковалевский, также развивалось с позиции строгого объективизма, против которой решительно высказывались первые русские социологи.

Следует отметить, что Ковалевский ближе всего связывал свою социологию с влиянием Спенсера, величайшей заслугой которого он считал применение сравнительно-исторического метода к построению генетической социологии, исследующей происхождение и развитие человеческих обществ. Однако органическая теория общества, сделавшая Спенсера главой целой школы, казалась Ковалевскому чем-то скорее побочным. Мало склонный к абстрактному теоретизированию, русский ученый был сам по преимуществу социологом-генетиком, полагавшим, что только в данной сфере социологии достигнуты наиболее прочные и непререкаемые результаты.

В своей «Социологии» Ковалевский подверг тщательному разбору почти все основные положения социологии Спенсера. Он справедливо отмечал, что в английском исследователе следует признать мыслителя, который во второй половине XIX столетия дал наиболее прочную и разностороннюю постановку основным вопросам отвлеченной науки об обществе<sup>27</sup>.

Социологические идеи английского социолога в дальнейшем стали оказывать активное влияние на политические настроения в России. Развитие социологии в нашей стране шло параллельно с отменой крепостного права и деятельностью народничества, только постепенно марксистская социология вытеснила социологию Спенсера и имела значительно больший успех у отечественных политиков. Как известно, на нее активно опиралась большевистская элита (В. Ленин, Л. Троцкий).

Российские социологи не отставали от своих западных коллег, а во многом даже опережали их. «Субъективная» школа со своим психологизмом, который опирался на тотальную критику идей Г. Спенсера, может рассматриваться как предшественник психологического направления в мировой социологии. Социологи этого направления отечественной науки одни из первых в мире обратили свой научный интерес на работы Спенсера. Как уже было указано, Михайловский под влиянием спенсеровских идей развил собственные уникальные мысли о прогрессе и регрессе общества, о значении конкуренции и особенности личности в истории. Кареев проявил себя как крупный социолог-систематизатор. Оболенский, один из немногих социологов в нашей стране, осуществил подробную качественную критику всей «социологии» Спенсера и показал ее положительные и отрицательные стороны, особо выделив предположенный Спенсером «объективный» метод исследования.

Следует заметить, что лишь в русскоязычной литературе имело место такое бурное обсуждение работ Спенсера и вообще зарубежных позитивистов. Инициаторами этого явления стали вышеобозначенные русские социологи-«субъективисты», тогда как весь остальной научный мир молчал, и лишь через двадцать лет после выхода «Основных начал» (1863) журнал *Edinburgh review* в Великобритании поместил небольшую заметку об этой работе<sup>28</sup>.

Огромная заслуга российских ученых-«субъективистов» состояла в том, что они вплотную подошли к исследованию социальных явлений с этической стороны. Они показали внутренний мир человека и его значение в социальных процессах, одни из первых в социологии выступили против «сухих» псевдонаучных обобщений и наиболее близко подошли к понятию «жизненного мира» человека. Социология Спенсера проникала в отечественную литературу благодаря заинтересованным критическим работам мыслителей субъективной российской школы, на почве которой идеи английского ученого получали совершенно неожиданные ракурсы интерпретаций и дальнейшее плодотворное развитие.

- 1 Статья написана при поддержке гранта РГНФ «Социологический диагноз эволюции культурных практик и духовной жизни российского общества», проект № 07-03-00475а.
- 2 *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 45.
- 3 *Спенсер Г.* Изучение социологии. Воспитание умственное, нравственное и физическое. СПб.: АО «Издатель», 1899. С. 129.
- 4 *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? // Отечественные записки. 1869. № 9. С. 36.
- 5 *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. С. 59.
- 6 *Оболенский Л.Е.* Предисловие. Субъективный и объективный метод в социологии и их относительное значение // Спенсер Г. Развитие политических учреждений. СПб.: Мысль, 1882. С. XII.
- 7 Там же. С. XIII.
- 8 *Спенсер Г.* Основания социологии. СПб.: Издатель, 1899. Т. 1. С. 280–285.
- 9 *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. С. 200–210.
- 10 *Гальперин С.И.* Органическая теория строения и развития общества. Екатеринослав: Типография Л.М. Ротенберга, 1900. С. 98.
- 11 *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. С. 200–210.
- 12 *Оболенский Л.Е.* Новое сочинение Г. Спенсера // Русская мысль. 1892. № 3. С. 22.
- 13 *Михайловский Н.К.* Записки профана // Отечественные записки. 1877. № 1. С. 149.
- 14 *Лавров П.Л.* Задачи позитивизма // Современное обозрение. 1868. № 5. С. 50.
- 15 *Ленский Б.* Последнее слово буржуазной философии // Слово. 1878. № 9–12. С. 14.
- 16 *Гальперин С.И.* Указ. соч. С. 98.
- 17 *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. С. 60.
- 18 *Л...ский (Л.Е. Оболенский).* Организм и органическая теория // Свет. 1879. № 1–3. С. 121.
- 19 *Гальперин С.И.* Указ. соч. С. 121.
- 20 *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии и истории. М.: Типография А.И. Мамонтова и К<sup>о</sup>, 1883. Т. 2. С. 101.
- 21 *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб.: Изд-во «Ивана Лимбаха», 1996. С. 71.
- 22 *Оболенский Л.Е.* Предисловие. Субъективный и объективный метод в социологии и их относительное значение. С. XXVI.
- 23 *Слонимский Л.З.* О некоторых теориях прогресса // Вестник Европы. 1889. № 3. С. 279.



- <sup>24</sup> *Тахтарев К.* Основные идеи социологов. Конт и Маркс // Современный мир. Пг.: Типография Б.М. Вольфа. 1914. № 9. С. 18.
- <sup>25</sup> *Спенсер Г.* Описательная социология. Киев: Типография М.П. Фрица, 1878. С. 1.
- <sup>26</sup> Отечественные записки. 1878. № 12. С. 211.
- <sup>27</sup> *Ковалевский М.М.* Социология. Пг.: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. Т. 1. С. 215.
- <sup>28</sup> *Спенсер Г.* Факты и мысли. Харьков: П.А. Брейтигам, 1903. С. 259.



Д.О. Парамонов

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ДЕМОКРАТИЯ  
В СОСТОЯНИИ НАРАСТАЮЩЕЙ СЛОЖНОСТИ.  
МОДЕЛИ РЕФЛЕКСИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Цель статьи – постановка проблемы языка как важнейшего фактора современной политики. Обсуждение современных демократий в условиях глобализации будет недостаточным без учета так называемой языковой политики. Языковая политика слабо исследована в современном обществоведении, ее практикование замалчивается, значение языка в политике недооценено. Тем не менее политика, обеспечивающая селекцию, доминирование одних и блокировку других языков, активно проводится в Центральной и Восточной Европе, странах Балтии. Чтобы более полно понять значение языка в политической онтологии, автор предлагает обратиться к опыту тех стран, где именно язык был главным содержанием всякой политики. В качестве «образцовой модели» взята Индия. Сопоставление индийской языковой политики и языковой политики стран Европы, выявление общих черт санскритизации, хиндизации, тюркизации, украинизации и т. д. возможно на основе философской компаративистики и рефлексивной социологии. Модели и парадигмы рефлексивной социологии разрабатываются сегодня «параллельно» на основе индийской и европейской философских и социологических школ. Философские основы рефлексивной социологии и языковой политики являются объектом анализа автора.

*Ключевые слова:* языковая политика, рефлексивная социология, философия политики, философия языка, культура Европы и Индии, компаративистика, ритуалистика, санскритизация, хиндизация, репрезентация опыта, системы формализации, глобализация, рациональное и иррациональное в политике.

---

© Парамонов Д.О., 2011

Разве не ясно, – начала Минакши, – что введение  
языка хинди в качестве государственного отразится  
на судьбах и карьере южноиндийской молодежи?  
Мы говорим на дравидийских языках,  
и хинди нам чужой.

*Людмила Шапошникова. Годы и дни Мадраса*

### Введение: идеал когнитивной свободы и рефлексивная эпистемология

Итальянский философ Данило Дзоло в своей полемической работе «Сложность и демократия»<sup>1</sup> обозначает ценность идеала когнитивной свободы – *habeas mentem* (неприкосновенность сознания). Эта самая ментальная неприкосновенность выступает в качестве особой ценности и одновременно фигуры идентификации, приобретающей особое, почти что сакральное значение. Без учета усиливающегося значения этой ценности в современных условиях социологическая мысль может запутаться в парадоксах глобализации, недостаточно всесторонне оценивать ее угрозы. К последним Дзоло относит в том числе такие угрозы и парадоксы, как запрос на тоталитаризм и ограничения свобод в условиях свободного информационного обмена, рост национализма в условиях формального стирания границ и появления «фрагментарной идентичности», стремительная дифференциация видов деятельности и институтов при росте «ненужных профессий» и «лишних людей», а также **общий «запрос на простоту («снижение сложности»)» общественных отношений** в условиях количественного и качественного роста различных социальных групп и дифференциации их функций («автономной специализации»). Таким образом, процессы глобализации, способствующие на первый взгляд упрощению функционирования обществ и социальных групп, ведут к усложнению, а усиливающаяся ценность «когнитивной свободы» низвергает с аксиологических пьедесталов идеалы разнообразия и плюрализма, ставя в повестку дня современных государств вопрос о «разумных ограничениях» самой демократии. При современных демократиях сложность сменяется упрощенчеством, многофункционализм и полиморфность социальной жизни сменяются запросом на «снижение сложности» – социальные системы циклично воспроизводят одни и те же сценарии. Дзоло не видит путей преодоления этой сизифовой неизбежности. Для него очевидно, что с помощью такого привычного арсенала демократической формы прав-

ления, как коммуникация, плебисцит, интенсивный информационный обмен и так далее, невозможно вырваться из порочного круга, невозможно застраховаться от попадания в одну и ту же зону риска – резкой популяризации антидемократических настроений, подстерегающих общество каждый раз в неожиданном месте. Итальянский политический философ атакует сами основы современной общественной синергетики, опирающейся на рационализм и идеалы самопрозрачности общества. Дзоло критикует архитекторов современного мироустройства за невнимание к такому фактору, как «непрозрачность» общества, социальной группы и даже современного индивида для самого себя, не-транспарентность опыта. «Различные опыты несопоставимы в принципе», – заявляет он<sup>2</sup> и обозначает горизонт будущих социологических разработок – **«рефлексивную эпистемологию»** (иногда он применяет определение «рефлексивная социология»). Именно она, эта рефлексивная эпистемология и/или социология, поставит в качестве основных проблем уже обозначенные принципы самопрозрачности и когнитивной свободы, сможет ввести в научный оборот проблематику страстей и эмоций (страхов, ожиданий угроз, переживаний и т. д.), поможет выйти из парадоксов общественных настроений, вырваться из сансарического круга сменяющих друг друга идеалов общественного устройства: тоталитаризма и демократии, сложности и простоты. Страх, тревога, потеря ориентации – вся эмоциональная палитра человеческой жизни сегодня «не схватывается» общественными институтами, между бытием и институтами обозначен резкий водораздел. Человек замыкается в своих переживаниях, чувствуя угрозу своей *habeas mentem* со стороны общественных институтов. Рефлексивная социология призвана описать существующую политическую онтологию в условиях повышенной сложности – когда общественные институты политика нерепрезентативны в отношении реального опыта человека.

Книга Дзоло написана уже достаточно давно – в начале 1990-х годов. Но ответов на его вопросы не последовало: в предисловии к русскому изданию в 2009 г. он с грустью констатирует, что удовлетворяющая его «рефлексивная эпистемология», признающая когнитивную взаимосвязь субъекта (или системы) и среды в условиях повышенной сложности, так и не построена.

Конечно, доводы Дзоло неоспоримы и его императив неоспорим. Однако сам идеал «полной транспарентности» и «самопрозрачности» субъекта, социальной группы или общественной системы тоже должен быть пересмотрен с учетом современных гуманитарных разработок. Равно как необходимо признать, что идеи «коммуникации» и уверенность в возможностях «демократических

институтов» релевантно репрезентировать, сделать доступным и транслятивным опыт «участников» (субъектов, агентов и т. д.) демократического общества, убежденность в существовании неких рациональных правил общения, придерживаясь которых можно прийти к удовлетворяющему всех результату – эти идеи нуждаются в пересмотре. Особенно в современных усложняющихся обществах – в условиях все большей унификации институтов и увеличения разнообразия опыта субъектов, все большего разделения между институциональной коммуникацией и реальным общением, репрезентацией переживаний в языке. Говоря проще – в условиях, когда институциональное устройство общества, многообразие языков и целенаправленная языковая политика амбивалентны к запросу на неприкосновенность сознания.

Отметим важный момент: **Дзоло не исследовал языковую политику, сам язык как таковой.** Язык не рассматривается в качестве фактора, упрощающего (или, напротив, усложняющего) сложность современных демократий. Язык как форма репрезентации опыта, как условие его универсализации и трансляции, не берется во внимание, идеал «прозрачности и транспарентности» оставляет в стороне возможность вербализации или дескрипции, т. е. процедур, способствующих достижению прозрачной чистоты. Наконец, язык не выступает фундаментом для конструирования «рефлексивной эпистемологии» – несмотря на ранние исследования самого Дзоло<sup>3</sup>. При этом именно язык – это та материя, сфера, в которой отражаются и генерируются идеалы *habeas mentem*, языковая среда – одна из самых близких, привычных нам («дом бытия»); именно язык может сигнализировать об угрозах и посягательствах на общественные ценности когнитивной свободы и именно в языке нам дается опыт «самопрозрачности» и «транспарентности» субъектов и систем.

Более того, именно на язык нередко возлагаются надежды как на единственное обоснование возможности существования «разумной демократии», построения не-тоталитарного общественного устройства, опирающегося на *ratio*. «Возможно ли какое-либо ненасильственное разрешение конфликта?» – спрашивает, например, Вальтер Беньямин. Это возможно, утверждает философ, потому что «...существует сфера человеческого согласия, которая является ненасильственной...: сфера “понимания”, языка (*reine Sprache*)»<sup>4</sup>. На возможности языка и коммуникации опираются такие политические философы как Ю. Хабермас и Дж. Роулз, теории «диалога», «общения/полемики» и другие разработки, утверждающие возможность существования «общества не-насилия»; все они выдвигают в качестве априорной предпосылку существования некоего

«универсального языка», «общего рационального знаменателя» для всех векторов действующих сил современного общества<sup>5</sup>.

Язык для большинства политических философов – это зона консенсуса, основа «общественного договора» современности. Однако позволим себе подвергнуть сомнению эту веру в разумность языка. Языковая политика во многих странах является источником противоречий и фактором нестабильности государств, в которых проблема языка стала важнейшей в деле укрепления или «защиты» суверенности и уникальной культурной идентичности.

Скорее всего, языковая политика во времена написания Дзоло своего труда, посвященного сложности демократических обществ, еще не была столь актуальной. Однако для нас позиция Дзоло является симптоматичной: исключение языковой политики при обсуждении системных рисков и сложности демократии, равно как и его намерение создать рефлексивную эпистемологию без языка, сигнализирует о выпадении из современной политической философии целого пласта разработок, связанных с языком. Язык отошел на второй план, его потеснили массмедиа и «социология визуального», кибернетические модели и экранные технологии. Медийная универсализация современных обществ сыграла с политическими философами злую шутку: язык сведен к информации, идея «прозрачности» и «рефлексивности» спаяна с визуальными детерминантами и институциональными инстанциями<sup>6</sup>.

Один из важнейших источников «запроса на снижение сложности» – это не следствие перенасыщенности информацией, а непонимание языков, на которых говорят окружающие. «Абандонность» (abandoned), заброшенность субъекта, ощущение себя как «лишнего», «выпавшего» из общества всегда сопряжена с языковой повседневностью. Вменение власти «превышение меры сложности», запрос на «простоту и безопасность» – это в том числе страх перед потерей языка, перед угрозой потери «когнитивной свободы» habeas mentem. Сегодня языковая политика является таким же фактором, признаком глобализации, как и весь набор примет, перечисленных в книге Дзоло. Рефлексивная эпистемология не может избежать проблематики языка.

Повторимся: позиция такого честного исследователя, как Дзоло, для нас симптоматична, что не делает менее интересной и значимой его работу. Таким образом, два вопроса являются актуальными для нашего дальнейшего изложения, в котором мы отталкиваемся от дзоловского посыла.

1. Является ли языковая политика, в первую очередь политика, основанная на «вытеснении» одних языков другими, фактором, усиливающим сложность демократического устройства общества

(и таким образом усиливающим запрос на упрощение)? Может ли язык сам по себе и языковая политика государства выступать основной «демократического общественного договора», принципом, «разумным основанием» современной демократии?

2. Способен ли язык стать фундаментом «рефлексивной эпистемологии», науки о современном индивиде, его опыте и самоидентификации? Является ли «поворот к языку», произошедший в начале двадцатого века, по-прежнему актуальным для изучения фигур рефлексии современного субъекта?

При этом опираться в нашем дальнейшем изложении мы будем на опыт и исследования, связанные с Индией и проблемой санскритизации – своеобразным «передним краем» тех проблем, о которых ведет речь Дзолу. Вопросы, обозначенные нами в качестве основных в связи с прочтением работы «Демократия и сложность», сформулированы задолго до появления работ европейских классиков политической философии. Как мы покажем ниже, языковая политика как особая политика именно в Индии артикулирована задолго даже до Гоббса, выступила как «регулятор сложности» и дала импульс к созданию целого направления, системы школ индийской философии («*даршана миманса*»). Актуальность же индийского опыта лежит на поверхности: слова мадрасских студентов, вынесенные в эпиграф, сегодня звучат на огромной территории от Балтийского до Средиземного моря, только вместо хинди и дравидских языков и хиндуизации говорится о русском, сербско-хорватском, финно-угорском языках, о политике украинизации, эстонизации, дерусификации и т. д.

В обозначенных выше условиях проблема языковой политики приобретает философскую перспективу. Мы не станем рассматривать вопросы механизмов легитимации власти, борьбы элит или культурной политики новых государств, так или иначе связанных (или замещенных) языковой политикой<sup>7</sup>. Наш подход будет чем-то напоминать подход Джорджио Агамбена, который для исследования социологического смысла понятия «движение» (например, «нацистское движение», «национально-освободительное движение», «социал-демократическое движение» и т. д.) отказался от классификаций, принятых в современной социологии и политологии, но стал анализировать генезис понятия «движения», начиная с «Физики» Аристотеля<sup>8</sup>. В трактовке понятия «рефлексия» и «рефлексивный подход», в операциях сопоставления европейской и индийской философий мы будем опираться на нашу монографию<sup>9</sup>. Язык нами в общем виде определяется как система особым образом организованных символов, кодирующих мышление, опыт и эмоции (страсти), избыточная по отношению ко всем функциям ее употребления (т. е. язык избыточен по отношению к общению, передаче информации, самовыражению (манifestации), за-

Д.О. Парамонов

мещению и т. д.). Изучение санскритизации в Индии как примера языковой политики, «растянутой» по времени на тысячи лет и продолжающейся теперь, поможет нам предвосхитить результаты усилий в этом направлении элит молодых государств, дать оценку важности (значимости) этого фактора. Куда приведет навязывание одних языков и выхолащивание других? – к усложнению общественного устройства, к новым формам опыта и коммуникации или же к «сворачиванию», к примитивизации общественного бытия, к архаическим фигурам рефлексии? Связан ли язык и идеал «когнитивной свободы» *habeas mentem*?

Важнейшим подспорьем в нашем интеллектуальном приключении выступит следующее примечательное обстоятельство: идеал *«рефлексивной эпистемологии»* выдвинут также – независимо от Дзолло – исследователями индийского общества<sup>10</sup>. Наконец, Индия – страна, субконтинент или цивилизация – нашла свой уникальный ответ на вызовы глобализации, ответ, напрямую связанный с обозначенными выше проблемами. Заключается он в том, что Индия – самый активный на сегодняшний день «экспортер религий»<sup>11</sup>; духовные практики проходят «обкатку» в стране на основе общей культурно-языковой инфраструктуры санскрита, а затем обрушиваются на современные демократические общества с их абандонностью субъектов, ценностью «когнитивной свободы» и запросом на простоту общественной жизни. Индия, пронизанная сепаратистскими тенденциями («Махараштра – для маратхов», «Тамилнаду – для тамиллов», религиозно-политический сепаратизм сикхов, политическая автономизация прокоммунистических областей востока страны и т. д.), тем не менее для решения общих цивилизационных задач обращается именно к языку (санскриту) как важнейшему детерминанту идентификации. Это можно было бы сравнить с тем, как если бы украинцы, русские, чехи и хорваты выступили единым политическим субъектом, солидаризируясь на основе древнеславянского языка (или же таким же образом самоидентифицировались потомки современных кельтов на основе эпоса и языка своих предков). Таким образом, сопоставление европейских и индийских языков поможет наметить более общие тенденции в развитии цивилизаций и предугадать их возможные столкновения.

#### Индологическая перспектива языковой политики. Санскритизация

Справедливости ради надо сказать, что в Европе достаточно давно и плодотворно работают школы политической философии, также разрабатывающие проблемы языка как фактора, «экзистен-



циала», **избыточного** по отношению к механизмам консенсуса демократических обществ. Помимо Дзоло и Агамбена с их вниманием к иррациональному и проблематизацией границ европейской рациональности в политической философии, упомянем еще Шанталь Муфф – исследователя, прямо ставящего проблему «дополнительного измерения» политического мышления как такового. В системе уравнений «когнитивная свобода» и «запрос на простоту» – «политические институты» и «коммуникация политических субъектов» именно последний член (собственно «материал», «фактура коммуникации» – язык) может выступить «корнем» уравнения, результирующим решением, переменной, объемлющей всю совокупность значений остальных членов. Язык «взламывает» уютное ложе «коммуникации»; язык – это всегда нечто большее, чем рациональный обмен информацией. И наоборот, Муфф и ее сторонники заявляют о дополнительном измерении политического поля, существующего «параллельно» институтам и «правилам игры» современных демократий. Шанталь Муфф берет себе в союзники Витгенштейна и справляется с современными философскими теориями общественного развития, либеральными по своей сути:

*«Мы можем использовать взгляды Витгенштейна для того, чтобы поспорить с самой идеей нейтрального или рационального диалога. Витгенштейн говорит, что для того чтобы было сходство и согласие во мнениях, необходимо в первую очередь иметь согласие относительно языка, который используется и, таким образом, предполагает согласие в образе и формах жизни...»*

*Когда мы рассматриваем различные точки зрения, существующие в рамках современной либеральной мысли, мы можем выделить две основные парадигмы. Первая, которая называется “агрегативная”, рассматривает политику как установление компромисса между конкурирующими силами в обществе. Индивиды изображаются в виде рациональных существ, стремящихся к максимизации своих интересов и действующих в политическом мире, в сущности, инструментальным образом. Идея рынка прилагается к политике, которая описывается при помощи понятий, заимствованных из экономики. Другая парадигма, “делиберативная”, развившаяся в качестве реакции на эту инструменталистскую модель, нацелена на установление связи между моралью и политикой. Ее сторонники, такие как Хабермас или Ролз, хотят заменить инструментальную рациональность коммуникативной. Они представляют политические дебаты как особую область приложения морали и считают, что возможно создать рациональное моральное согласие в политике путем свободной дискуссии. В этом случае политика осмысливается не при помощи экономики, а при помощи этики или морали. В обоих слу-*

*чаях все, что остается от такого рационалистического подхода, с одной стороны, это инструментальная рациональность, а с другой стороны, коммуникативная рациональность, – но обе эти модели оставляют в стороне решающую роль, которую играет в области политики то, что я называю страстью: я тут имею в виду не индивидуальную страсть, но то аффективное измерение, что является центральной моделью коллективной идентификации, без чего невозможно понять конструирование политических идентичностей»* (выделено нами. – Д. П.)<sup>12</sup>.

Таким образом, на повестке дня современных политических исследований стоит проблема «страстей» как особого измерения, регистра общественной жизни, выпавшего из внимания европейских философов. При этом обозначенная нами проблема языка – *reine Sprache* Бенямина как возможность «общего языка», ключа к решению всех конфликтов, равно как и проблема «языковой политики», сопровождающаяся сегодня дроблением, дифференциацией языков, конкуренцией государств на языковом пространстве, все эти обертоны проблемы языка в целом так или иначе возникают на тех же основаниях, что и проблемы лимита рациональности, обсуждаемые Шанталь Муфф. Кризис «коммуникативных стратегий», массмедиа как суррогата рациональности, актуализация проблемы информационного коллапса и выход на первый план страстей, аффектов, страха как регулятора общественной жизни, корреспондирует с проблемой «недостаточности языка», средств репрезентации опыта индивида. Отметим, что эти проблемы поставлены самими европейскими философами. Однако в Европе зачастую ограничивались только постановкой проблемы.

#### **А) Индия: страна, цивилизация, субконтинент.**

Индийские племена относятся к трем расам. К австралоидной расе принадлежат самые древние обитатели страны: племена ченчу, бхилы, мунда, хо, санталы и ораоны. Характерные черты их внешности – темный цвет кожи, низкий рост, удлиненная голова и широкий приплюснутый нос. К негроидной расе относятся: андаманы, кадары, каниккары, ангами нага. У них темная кожа, широкие вывернутые губы, вьющиеся волосы. Племена монголоидной расы: кхоли, джайнтия, гаро, нага, мизо, качара, мири, галди, ламба. У них желтый оттенок кожи, плоское лицо, короткий и широкий нос. Племена тода, нилгири и минас относятся к европеоидной расе.

Сейчас Индия крупнейший в мире после Африки регион концентрации племен. Эта своеобразная категория населения страны, насчитывающая более 450 этносов и этнических групп, очень различных по уровню социально-экономического развития, этногра-

фическим, лингвистическим и расовым признакам, имеет одну общую черту – их отстраненность от сложившихся на субконтиненте социальной и культурной традиции и экономической структуры, самым типичным признаком которых была кастовая организация общества. Отличие населения племен от остального населения Индии (особенно горных племен) состоит в ряде признаков: достаточно изолированном местообитании, низком технологическом и экономическом уровне, особенностях внутренней организации (четкое деление на экзогамные роды и фратрии), своеобразном наборе ремесел, своих ритуалах и культурных обычаях, языках и диалектах.

Среди автохтонных народов («адиваси») есть и такие, кто живет лесными общинами, занимаются подсечно-огневым земледелием, охотой и собирательством и лишь в последние десятилетия вовлекаются в процессы большой экономики. Конфессиональный состав населения разнообразен: 82% индуисты, около 12% – мусульмане-сунниты, 2,3% – христиане, 1,9% – сикхи, но есть и меньшие по численности общины представителей различных школ тибетского буддизма и необуддистов, джайнов, приверженцев племенных религий, зороастризма, иудаизма (бене-израэль Кералы). Антропологическая Служба Индии включает сегодня в свои регистры, восходящие к составленным британскими колониальными администраторами спискам каст и племен для проведения переписей, около 4,6 тыс. кастовых, племенных, сектантских и иных «общин», из которых и составлено население страны.

Культурное и расовое разнообразие Индии является настолько беспрецедентным, что философам и политологам впору поставить вопрос о том, существует ли эта страна? Или границы государств условны, а расы и народы самоопределяются в более объемлющих рамках? И наконец, что является «скрепами», культурными программами, которые, несмотря ни на что, формируют Индию как страну, как участника ООН, одного из творцов объемлющей весь регион Юго-Восточной Азии санскритской культуры<sup>13</sup>? Может ли язык выступать основой единства политических наций и народов, и в каких случаях это возможно – вот основной вопрос, способный заинтересовать человека, на глазах которого проходит языковая политика в индийском и европейском вариантах?

В качестве версии, доказываемой в этой статье, мы выдвигаем тезис о том, что сам язык является самодостаточной формой идентификации, более мощной «культурно-социальной машиной», нежели другие формы, инструменты и программы политики. В этом смысле понятие «языковая политика» в Индии выглядит как оксюморон: **в Бхарате все имеет отношение к языку**, любая политика, повседневная жизнь или ритуал. **А в Европе языковая политика**

**может выступить в качестве индикатора других, более глубоких процессов.**

**Б) Санскритизация.**

Этот термин создал и ввел в науку знаменитый индийский этнолог Майсор Шринивас. Определение санскритизации, данное М. Шринивасом<sup>14</sup>, звучит так: «Кастовая система далеко не является жесткой системой, в которой положение каждой составляющей ее касты зафиксировано на все времена. Движение, изменение всегда было возможно, особенно на средних уровнях иерархии. Низкая каста могла, в течение уже одного-двух поколений, подняться на более высокую ступень в иерархии в результате принятия вегетарианства и отказа от употребления спиртных напитков, а также **санскритизируя** свой ритуал и пантеон. Короче говоря, она присваивала, насколько это было возможно, обычаи, обряды и верования брахманов, и подобное перенимание брахманского образа жизни низкой кастой происходило, по-видимому, довольно часто, хотя теоретически это запрещено. Этот процесс называется “**санскритизация**”»<sup>15</sup>.

Однако, как верно замечает российский исследователь Елена Успенская, относить понятие «санскритизация» только к продвижению низких каст вверх по иерархической лестнице в пределах кастовой системы или к имитации низкими кастами нормативного для высоких каст культурного стереотипа значило бы обеднять выдающееся открытие М. Шриниваса. Санскритизация – универсальный метод, действующий и внутри кастового общества, и на его границах. Племена «входят», инкорпорируются в кастовое общество и социализуются в нем. Изменения происходят и на уровне этнокультурных процессов, и в области культа и ритуала, и в экономическом взаимодействии, и в политическом их преломлении. Философскую, политическую и религиозную основу понятия «санскритизация», далеко выходящую за границы собственно санскрита как языка и «*санскрити*» как «просвещения», разделяет сегодня большинство исследователей. Характерно, что антрополог Луи Дюмон, достаточно скептически относящийся к санскритизации, тем не менее констатирует, что даже детерминированные жесткой религиозной дихотомией (разделение на «правоверных» и «неверных») мусульманские общины и народы Индии стали преобразовываться в кастовые сообщества под влиянием санскритизации<sup>16</sup>.

Очевидно, что язык, а также философия и культура, основанные на языке, имплицитно содержат в себе имманентные принципы устройства общественной жизни. Сегодня санскритизация реализуется на особом культурном пространстве Индии, существующем как бы «параллельно» институционально-политической

разметке. Санскритизация выходит за границы сегодняшней Индии, ареал хиндизации значительно уступает ее границам. Цивилизационная программа санскритизации осуществляется вне зависимости от политических трансформаций на «включенных в программу территориях» – будь то объединение индийских княжеств в единую страну, колониальная и антиколониальная политика Бхараты, образование Индии и Единого Пакистана, раздел последнего на собственно Пакистан и Бангладеш, современная автономизация и сепарация штатов, народов и этносов и т. д. Более того, санскритизация выступает как общая для всего региона «инфраструктура экспорта культуры». Нередко создается впечатление, что цель санскритизации ограничивается борьбой с «вестернизацией»<sup>17</sup>, однако ее обратной стороной выступает построение **«сетевого индуизма»**, опирающегося на диаспоры и экспорт культов. Индия сегодня – крупнейший экспортер религий, и неудачи хиндизации в Индостане компенсируются санскритизацией. Санскрит выступает в виде особого политико-философского учения, программы, наподобие философско-политических программ Платона, социалистов или Гоббса<sup>18</sup>.

Отметим, что речь не идет о «тотализации», культурной и языковой унификации в рамках языковой политики, основанной на санскрите. При этом в результате тысячелетней переплавки локальных культов включение в «повестку дня» санскритизации приводит к «вернакуляризации» – к усилению влияния различных местных культов, которым «причастность» к санскриту не только не вредит, но, наоборот, усиливает их. В связи с этим санскрит выступает неким «посредником» между корпусом санскритской культуры классического индуизма (мифологией, философскими и литературными текстами, искусством, религиозными учениями, ритуалами и т. д.) и собственно локальными культурами, в отношении которых и происходит санскритизация.

Концепт санскритизации является «мета-концептом», который должен объединить различные подходы в исследовании культуры и политики Индостана (философ Д. Стааль называет функциональный и исторический подходы, диахроническое и синхроническое рассмотрение, а также не забывает уже упомянутое различие между «контекстуальным» (антропологическим) и «текстуальным» (философско-лингвистическим) подходами)<sup>19</sup>. Санскритизация имеет тысячелетнюю историю: различные культуры и касты были по-разному санскритизированы ранее.

*«Санскритизация изменила облик географического пространства Индостан, превратив его в культурную целостность. Связанные санскритизацией в одно целое народы и культуры вступили на мно-*

говекторный и многоуровневый путь развития, давший миру индийскую цивилизацию. В историческом разрезе этот процесс ознаменовался двоякой направленностью. Это, во-первых, масштабные деяния по расширению “территории дхармы”, в числе которых санскритизация дравидского Юга и периферического Востока страны, расширившаяся вплоть до Бирмы и Индонезии<sup>20</sup>, – так сказать, “горизонтальная” санскритизация. Во-вторых, это постоянно идущие подвижки кастовых общностей внутри кастового общества, т. е. санскритизация “вертикальная”. Санскритизация есть уникальный и универсальный способ социализации инородных групп в индийском кастовом обществе, механизм складывания и развития этого многокомпонентного общества, залог его культурного богатства и разнообразия и даже причина безбрежности космоса культовых персонажей индуизма»<sup>21</sup>.

Какие же принципы лежат в основе санскритизации, позволяющие говорить о последней как об одной из наиболее мощных культурных стратегий? Как «работает» культурная политика, опирающаяся не на политические институты и идеал «прозрачности» общества, а на потенции языка? Как мы покажем ниже, в основе санскритизации лежат **принцип рефлексивности** и особая традиция «окультуривания», формализации пространства, истории и географии.

#### **Млеччабхава, инклюзивизм и теория рефлексивности культуры**

«Млечхами» называли арии племена Индостана, с которыми они были вынуждены сталкиваться в течение своего продвижения в глубь Индостана. Млечча, они же *dasa* [*dasyu*] – «рабы», они же *asraddha* («неверные»), *ауајпа* («не приносящие жертв»), *акартап* – «бездельники», которые живут в адхарме, беззаконии<sup>22</sup>. Арии не жаловали дравидов и народы Мунда, коренных жителей Индостана или племена, появившиеся чуть раньше их. В духе более позднего ислама они сначала жестко отделяли «неверных» от «правоверных». Однако, натолкнувшись на серьезное сопротивление экспансии арийских культов, брахманы разработали и успешно реализовали программу «млеччабхавы». Суть ее в том, что чужие племена объявлялись «испорченными своими», т. е. ариями, по каким-то причинам переставшими следовать традициям и почитать Веды. Варвары-aborигены рассматривались как потомки ариев, деградировавших и «одичавших» из-за пренебрежения дхармой. Известно и то, что эта концепция (млеччабхава) служила и обоснованием для включения варварских народностей в орбиту брахманистской цивилизации: аборигены «вспоминали» о своем арийском прошлом и, усваивая обычаи ариев, принимали варновую систему и другие нормы брахманиз-

*ма. «По сей день млечхабхава остается важнейшим средством санскритизации (повышения низшими кастами своего статуса», – подчеркивает российский философ А. Пименов<sup>23</sup>. Исследователь П. Хакер<sup>24</sup> применяет термин **инклюзивизм** – применительно к текстуальной критике санскритской литературы, а также к области теологии и философских идей, выраженных в текстах. Суть инклюзивизма заключается в том, что центральное представление чужой религиозной или идеологической группы объявляется идентичным тому или иному центральному представлению группы, к которой принадлежишь ты сам. Чужое, объявленное идентичным Своему, в какой-то мере подчиняется ему. Через язык, ритуал, «погружение в санскрит» происходит «очищение» народа и «возвращение блудных сыновей» в лоно забытой ранее культуры. В этом смысле все «острые углы» взаимодействия культур «переводятся» в регистр языковой политики. Язык является основным фрейммом для организации всего повседневного и сакрального опыта каждого представителя индийской цивилизации, отодвигая на второй план другие формы самоидентификации, легитимации отношений и регламентации жизни.*

Любопытно, что процессы санскритизации и выстраивания «языковой объемлющей системы» по отношению ко всему многообразию политических и культурных процессов исследователь А.К. Рамануджан предлагает обсуждать в рамках особой «**теории рефлексивности**». Рефлексивность в трактовке Рамануджана опирается не только на «смотрение», «обернутость на себя», «самосознание» и т. д., но на целые институты культуры и социальные инстанции. Он утверждает, что рефлексивность может выстраиваться в отношении других аспектов культуры, таких как ритуал, философия, питание и социолингвистические структуры<sup>25</sup>. По мнению Рамануджана, «элементы рефлексивности могут проявляться в различных масштабах: одна часть текста может подвергать сомнению другую часть того же текста; одна традиция в целом может перевертывать, отрицать, перерабатывать и подвергать переоценке другую. Там, где культуры (наподобие “индийской”) стратифицированы и в то же время взаимосвязаны, где различные общины вступают в общение, но при этом разобщены, тексты одних слоев общества имеют тенденцию отражаться на текстах других: присвоение, подражание, критика и конфликт – эти и другие силовые взаимоотношения проявляются в виде отражений»<sup>26</sup>.

#### **Рецепция фонем «чужого» языка**

Система фонем Панини, ставшая основой санскрита, предполагала специальный список согласных, «заимствованных» из языка «млеччхов»<sup>27</sup>. Так, церебральные *y, s, sh*, «обжились» в санскрите,

Д.О. Парамонов

а затем получили свое обозначение в индийских алфавитах (деванагари, бенгали, урду и т. д.). Встраивание в «язык богов» чуждых элементов является беспрецедентным философским жестом, «размыкающим» санскрит и ведические правила, открывающим «вселенную дхармы» для неарийских племен.

#### **Формирование особой философской школы, сопровождающей санскритизацию**

Из шести «великих» философских школ Индии («даршан») необходимо выделить мимансу – даршану, философски «сопровождающую» санскритизацию. Миманса является «философией ритуала», наиболее «лояльно» настроенной при этом к неарийским богам и культам<sup>28</sup>. Русский философ Владимир Соловьев сравнивал мимансу с Талмудом, не замечая серьезного различия в том, что миманса – наиболее «атеистическая» даршана, максимально лояльна к чужим богам, несмотря на ее «протокольное» по сути предназначение – «научение дхарме».

#### **Многозначность «идеального пространства» и теория ландшафтов**

Наиболее наглядно представить, КАК работает «языковая инфраструктура», можно в контексте индийской теории пространства. С одной стороны, отсутствие аналогичным эвклидовским разработок не позволило индусам ставить вопрос об «идеальном пространстве» в духе пространства геометрических фигур и операций над ними. Отметим также, что, несмотря на немалое значение практик визуализации в йоге и ряде философских учений, несмотря на детальную разработку театральной сценографии, индийское изобразительное искусство в целом сильно уступает европейскому. Прямая и обратная перспектива, реализм и психологизм, визуальные опыты европейцев XIX–XX вв. для индусов являются недостижимыми вершинами. Однако эволюция представлений о пространстве в Индии подтверждает, что язык может выступить не менее мощной детерминантой мышления и формализующей системой, нежели геометрическая аксиоматика, принцип «очевидности» и правила перспективы. Санскрит как лингвистическая детерминанта, организующая восприятие мира и мышление, особым образом формирует отношение человека к окружающему его пространству, предлагает специфическую форму его «рационализации». Примечательно, что «страсти», эмоции, не учтенные, по мнению Шанталь Муфф, в моделях современной демократии, в Индии инкорпорированы в культуру и существуют как особое измерение санскритизации.

В язык «впечатывается» священная география каждого района, санскрит создает дополнительное измерение для местных божеств,



локусов и ландшафтов, отдельный символический регистр для автохтонных религиозных и поэтических чувств<sup>29</sup>.

Значение языка стало ключевым в дальнейшем для всех философских наработок индусов: картины мира, представленные в виде различных степеней актуализации Перво-Речи Вач (Vac), отличаются динамизмом и принципиальной а-визуальностью, предпочтением звука («шабда») перед видимостью и исчисляемостью («майя»).

**Более того, санскритизация и разработанная в ее рамках особая география и история предполагают особые принципы формализации, специфическую «разметку» бытия: прошлого, настоящего и будущего.**

В период активного вторжения ариев в глубь Индостана санскрит предполагал дихотомичное деление всего пространства на *vana* и *kṣetra* («лес» и «поле», «дикая местность» и «обжитая местность») – противопоставление, схожее с нашими «природой» и «культурой». Граница, отделяющая мир дваждырожденных от млеччха, постоянно «двигалась», и фронтир менялся в связи с процессами *млеччхабхава* и *инклюзивизма*, о котором мы говорили выше. Однако на определенном этапе подобная дихотомия стала недостаточной для учета всех нюансов политических и культурных контактов. В связи с этим в ткань индуизма, в ритуалы и теории вошли представления о множестве времен<sup>30</sup> и неоднородном пространстве. В процесс санскритизации, а затем в само «древо» индуизма вошла тамильская теория ландшафтов (теория *тиней*). Согласно последней, географическое разнообразие (пять основных ландшафтов: горы и лес (*курингджи*), пастбища (*муллей*), плодородные почвы в долинах рек (*марудам*), пустыня (*палей*), морской берег (*нейдал*)) дополнялось пантеоном божеств, соответствующих каждому ландшафту, а также особым жанром поэзии (*санги*), в рамках которой древние тамилы воспевают единство человеческих чувств и окружающей природы<sup>31</sup>. Перевод *санги* на санскрит, сплав местных божеств и ведического пантеона обеспечил необходимую глубину пространства, «отвечающего» за усложненные реалии политики и культуры. Сама культура тамилы стала лингвоцентричной<sup>32</sup>, и сегодня именно тамилы объявляют себя «истинными хранителями и носителями» санскритской культуры, в отличие от «потерявшихся» потомков ариев на севере страны.

Таким образом, насыщенное поэзией и божествами пространство «внутри языка» представляет собой мультипликативное гетерогенное и гетерохронное образование, избыточное по отношению к институтам индуизма, как и избыточен сам санскрит ко всем духовным и материальным явлениям.

Выделенные нами характеристики санскритизации не исчерпывают полный список факторов, обеспечивающих эффективную работу этой культурно-философской программы, но дают представление об основах языковой политики, включающей в свою орбиту всю палитру общественного бытия. Именно философская проработка санскритизации, включающая в себя выстраивание философской онтологии, «имманентной» самому языку, обеспечила успех брахманизма в борьбе с другими культурами и религиями (буддизмом, джайнизмом и т. д.), позволила создать особый «индийский универсум», выстроенный на основе человеческой речи.

#### **В) Хиндизация vs санскритизация.**

О том, насколько важно иметь релевантное знание о языке и его возможностях при проведении той или иной политики, говорит современная история Индии и ее соседей. Язык может стать главной причиной сохранения или распада государств, отодвигая на второй план экономику и религию. Тот факт, что так называемый Единый Пакистан распался на Западный и Восточный (современный Пакистан и Бангладеш соответственно) в связи с нежеланием бенгалцев разговаривать и писать на урду<sup>33</sup>, свидетельствует о том, что языковая солидарность порой выступает более сильным фактором, нежели религиозная общность. Тем сильнее фактор языковой самоидентификации заявляет о себе именно на контрасте с такой мировой религией, как ислам, выступающий сегодня как особое сверхгосударственное и наднациональное цивилизационное ядро.

Но самым важным аргументом в пользу особого подхода к языковой политике является провал хиндуизации (вар. хиндизации) Индии на контрасте санскритского единства субконтинента.

Действительно, на сегодняшний день в Индии сформировано около 14 автономных структур, работающих под контролем трех министерств: Министерства по развитию человеческих ресурсов (МРЧР), Министерства внутренних дел (МВД) и МИДа. В каждом министерстве функционируют министерские комитеты по внедрению официального языка, консультационные комитеты по хинди и отделы хинди. Технический отдел активно содействует применению хинди в механических/электронных устройствах, Центральный педагогический институт хинди проводит интенсивные курсы обучения и повышения уровня владения хинди среди служащих. В городах также работают комитеты по хинди, проводятся региональные и общенациональные конференции. Ведется учет владения хинди госслужащими и статистика деловой и государственной переписки (так, согласно отчетам Отдела хинди за 1994–1995 гг., было послано 4855 единиц корреспонденции на хинди и 2427 – на английском языке в сопровождении параллельного

перевода на хинди)<sup>34</sup>. Количество пишущих машинок со шрифтом деванагари достигло 53<sup>6</sup>. Страна поделена на три региона по степени распространенности хинди (А, В и С соответственно). Крупнейшие политические партии способствуют распространению хинди и ограничивают местные языки.

Однако успехи в языковой политике, построенной по «институциональному принципу», более чем скромны. По переписи населения 2001 г., количество людей, назвавших хинди родным языком, составило 257 млн. Несмотря на то что в стране существует помимо языка хинди еще и «группа языков хинди», включающая 48 близких к хинди языков, родной «группа хинди» оказалась для 165 млн. человек. Менее сорока процентов населения сегодня хиндизированы. При этом Соня Ганди, лидер ведущей политической партии, не говорит на хинди, предпоследний президент Индии Абдул Калам также не владеет «государственным языком», а нынешний премьер-министр Манмохан Сингх говорит на хинди крайне неуверенно. Исследователь языковой политики Ганди вынужден признать: «Английский язык действительно был и остается основным языком общения образованных слоев населения страны»<sup>35</sup>.

Продвижение хинди в системах координат, заданных институтами и реалиями «сложной демократии», сталкивается с проблемами, типичными для европейских стран: языковой национализм и экстремизм, фальсификация истории, архаизация форм общения и собственных «культурных истоков», «языковой геноцид», двойные стандарты в соблюдении прав и свобод граждан и т. д. Более того, хиндизация породила сильнейшие очаги сопротивления, основанные на языковой общности; языковой водораздел с официальной пропагандой стал фундаментом для появления новых («новых старых») культов и религий. Всем известны такие культурно-религиозные и политические явления, как «сикхизм», «тамилпатру» и «северо-восточный коридор», опирающиеся на язык как ключевой фактор сепарации.

Отметим важный момент: санскритское единство различными народами и штатами Индии не отвергается<sup>36</sup>. Для того чтобы предотвратить отождествление языковых политик, отличить процесс хиндизации от санскритизации, во многих регионах Индии была распространена «теория деградации», согласно которой нынешние поборники хинди давно уже потеряли связь с ариями в результате «предательства брахманов». Наоборот, утверждают тамилы, в результате деградации северян-ариев могольские завоевания и исламизация Индии привели к тому, что именно южане-дравиды стали главными носителями арийских (санскритских, ведических) традиций. Им вторят сикхи, осуществившие «синтез» ислама и ведичес-

Д.О. Парамонов

ких культов, раджпуты, сохранившие воинскую доблесть кшатриев: деградация привела к тому, что древнейшая традиция сохранилась не в арийской среде.

Так или иначе, сопоставление хиндизации и санскритизации приводит нас к необходимости расширить рамки исследования языковой политики. Санскритизация – это самый успешный политический проект, в основе которого лежат возможности языка и который выступает в форме культурного и философского проекта. Можно сказать, что санскритизация – это самая успешная *просветительская программа* человечества, инфраструктура диалога культур<sup>37</sup>. Очевидно, что санскритизация опиралась на более фундаментальные понятия и категории, нежели хиндизация и близкие к последней языковые политические практики Европы. Не исключено, что причины неудачи хиндизации и хаотичности языковой политики Европы можно обнаружить в недостаточном внимании к философским проблемам, в игнорировании «страстей» и «выпадении» из разработок принципа рефлексивности, на реабилитацию которого направлены усилия «рефлексивной эпистемологии». И конечно же, процессы хиндизации наряду с тюркизацией (ханизацией в Китае, мадьяризацией, украинизацией, русификацией и т. д.) характеризуются недостаточной проработкой проблематики языка и языковой онтологии в целом.

Заключение. Языковая политика  
европейских государств.  
Необходимость европейской «мимансы».

Языковая политика актуализирует формы самоидентификации и рефлексии, ранее «подавленные» традиционными европейскими моделями политического устройства. Поворот к языку, о котором говорили философы начала XX в., вышел за границы академических штудий и стал политической реальностью Европы. Политическая онтология, получившая новое «языковое» измерение, усложнила действующие демократические модели общественного устройства, поставила перед политическими мыслителями проблему создания «рефлексивной» науки об обществе. Языковая политика, имеющая различные формы на постсоветском пространстве, в странах Балканского полуострова, а также выступающая дополнительным фактором в системе правления развитых стран Европы и Америки (система экзаменов и тестов по овладению языками как условие доступа к благам либеральной демократии, прочная увязка идентификации (гражданства) с уровнем овладения языком и т. д.),

нуждается не только в классификации, но в осмыслении значения «языкового фактора» для появления новых социальных групп, актуализации новых форм солидарности, самоидентификации, «социальных лифтов» и т. д. Подобно хайдеггеровской критике европейской метафизики, современные философы, социологи и обществоведы ставят проблему «по-става», технического отношения к проблеме языка как проблему, затемняющую более глубокие и значимые тенденции в самой основе общественного бытия. Таким образом, запрос на «рефлексивную социологию» и рост значения ценности «ментальной свободы» суть индикаторы более глубоких сдвигов, осмыслить которые необходимо в рамках специально сконструированной дисциплины, теории или отрасли науки. По сути дела, потенциал такого духовного явления, как язык, «вскрывает» европейскую институциональность, подвергает сомнению доминирующий на протяжении столетий тип репрезентации реальности и тип формализации политики. Мечта о некоем «универсальном языке политики» – мечта иезуитов и Бенямина – сегодня недостижима в связи с тем, что «материя языка», сам феномен этой человеческой способности вошел в конфликт с политической реальностью. Причина конфликта, место языка в новом мире нарастающей сложности, решение дихотомии «демократические институты – языковая политика» может быть рассмотрена в специально сконструированной дисциплине или отрасли знания. Речь может идти о европейском аналоге «мимансы» – древнеиндийского философского учения, «сопровождающего» языковую политику ариев в Индостане на протяжении полутора тысяч лет.

«Когнитивная свобода»  
в рамках лингвистических детерминант.

Идеал «когнитивной свободы», запрос на *habeas mentem*, упомянутый в начале нашей работы, может трактоваться как кризис «традиционных» европейских политических регламентов, моделей общественного устройства и фигур идентификации, вброс в общество другой системы координат и ориентиров, среди которых роль «ящика Пандоры» выполняет языковая политика. Язык становится ядром для появления новых общностей, новых форм коллективной идентичности, новых наций<sup>38</sup>. Языковые реалии имплицитно подразумевают страсти, иррациональные и скрытые мотивации. Усилия, связывающие существующие институты демократии с языковой политикой, обречены на бесплодие. Пример хиндуизации, распространяющейся в рамках институционального порядка демократии подтверждает ту мысль, что в условиях нарастающей сложности

Д.О. Парамонов

демократия и языковая политика движутся в разных плоскостях и все дальше отходят от чаяний и проблем конкретного человека. Агонистичность и коммуникация западной демократии в ее экспортных и нативных вариантах, в условиях хиндизации, «балканского вавилона», украинизации, эстонизации или тюркизации, не имеют шансов стать доминирующей практикой достижения консенсуса в обществе. «Когнитивная свобода» подвергается постоянной перегрузке из-за диссонанса, противоречия между декларируемыми ценностями и реальными общественными механизмами. Язык насыщен эмоциями и страстями, он всегда будет инициировать недовольство существующим порядком, выражая последнее в форме «бытового протеста», националистически-религиозной экзальтированности, пафоса «уникального (особого) пути» или установки на «священную месть». Язык, наиболее полно удовлетворяя потребность в выражении страстей, в условиях нарастающей сложности современных демократий выступает также наиболее безопасным **убежищем**, формой сохранения ментальной свободы. Объявление языковой политики главной вехой на пути самоопределения наций и суверенизации государств затрагивает мощнейший пласт бытия, не имеющий условий для его репрезентации в современных моделях демократии. При этом введение в фигуры самосознания детерминант, имеющих сверхсоциальный статус (теория ландшафтов, история о «возвращении в культуру», инклюзивизм мифологии и рефлексивность священных текстов), опирающихся при этом на праязык как главную систему репрезентации этих детерминант, выведет «когнитивную свободу» на новый уровень.

#### Рефлексивная социология как проект будущей политической философии.

Рефлексивная социология с учетом вышесказанного, может трактоваться как идеал гуманитарной дисциплины, поиски которой идут «с двух сторон» (от Индии и Европы). Актуализация «языковой солидарности», выход языковой политики как важнейшей миссии государств и наций «взламывают» существующую политическую онтологию, требуют новых представлений об обществе, построенном «по правилам языка». Таким образом, рефлексивная социология может дедуцировать, вывести вовне идеалы и образцы общественного устройства, «спрятанные» в языковую политику. И наоборот – позволит понять причины и последствия усиления значимости языка в современном обществе. Рефлексивная социология – это не отрасль «рефлексивных теорий» наподобие «теорий

игр» Владимира Лефевра и Дж. Адамса-Веббера<sup>39</sup>, не инвариант формализации некоторых скрытых мотиваций, но начало **эмпирической науки о человеке**, ощущающем все краски мира не только органами зрения и обоняния, но и «языкующем» о мире: вслушивающемся в него и реагирующем непрерывным говорением на его сложность и глубину.

---

Примечания

- <sup>1</sup> Дзоло Д. Сложность и демократия: реалистический подход. М.: ГУ–ВШЭ, 2010.
- <sup>2</sup> Там же. С. 34.
- <sup>3</sup> Цит. по: Дзоло Д. Указ. соч. С. 35 (*Zolo D. Theoretical Language and Prescriptions: A Postempiricist Approach* // E. Pattaro (ed.) *Reason in Law*. Milan: Guifre, 1988. Vol. 2. P. 25–40).
- <sup>4</sup> Цит. по: Кричли С. Резкие размышления о Славое Жижекe // Пушкин. 2009. № 3. (*Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt*. Gesammelte Schriften. Bd II. 1. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1999).
- <sup>5</sup> Мы пока отставим в сторону критику сторонников агонистической модели демократии и саму идею **состязательности** как методологический принцип европейской демократии: античная *палестра* и средневековые ордалии (правосудие «испытаний») репрезентировали важнейшие аспекты принципа состязательности и ключевые детерминанты опыта. Отождествление испытаний и состязаний с «достиженческими» прагматическими моделями поведения рационального субъекта привели к окончательной потере нынешними европейскими практиками самой возможности постановки вопроса об институционализации опыта, выходящего за пределы рациональности.
- <sup>6</sup> Замечателен следующий разворот мысли автора «Демократии и сложности». Дзоло не раз возвращается к идее *страха* как фундаменту онтологии политики, источнику и инструменту власти. Страх как нечто нерепрезентативное, непрозрачное, иррациональное лежит также в основе запроса на упрощение («снижение сложности»). «Политическую систему точно так же, как и в других отношениях язык и само мышление, можно интерпретировать как гомеостатический механизм для уменьшения страха», – утверждает Дзоло (Дзоло Д. Указ. соч. С. 95). Итальянский философ может не знать идеи Руссо (а затем подхваченные Деррида и переработанные П. де Манном – см. работу последнего о страхе и языке: *Ман П. де*. Слепота и прозрение. СПб.: Гуманитарная академия, 2002) о том, что язык может также опираться на страх, на фундаментальные человеческие эмоции и тем самым сблизиться с властью по своей онтологической природе. Он оставляет за властью кон-

троль над массмедиа и институтами, забывая о языке и собственно языковой политике. Критикуя массмедиа как недостаточный инструмент репрезентации опыта и снижения рисков страха, Дзоло допускает даже существование ритуалов как «символического подбадривания» и удовлетворения измученного страхами субъекта, не замечая, что внедрение ритуалов в общественную жизнь может еще более усложнить общественное устройство. Противопоставляя иррациональность и хаос (страх и турбулентность) рефлексивному когнитивизму и самопрозрачности субъекта, Дзоло не видит места языку: последний может же усиливать и одну, и другую противопоставленную сторону

- 7 Очевидно, что, в частности, языковая политика стран, ранее входящих в СССР – украинизация, эстонизация и т. д. – нередко является вынужденной мерой, позволяющей вести речь о культурной политике в принципе. Без насаждения языка «доминирующего этноса» элиты молодых государств просто не могут предложить другого культурного горизонта и других оснований общей идентификации граждан.
- 8 См.: *Agamben G. Movement* [Электронный ресурс] // *Multitudes-Magazine*. 5 March 2005. URL: <http://contr.info/content/view/1105/43/lang,en> (дата обращения: 07.06.2010).
- 9 *Пармонов Д.О.* Рефлексия. Генезис понятия в контексте европейской и индийской философских традиций. Ростиздат, 2010.
- 10 См., в частности: *Зонтхаймер Г.-Д.* Пять компонентов индуизма и их взаимодействие // *Древо индуизма*. М.: Восточная литература РАН, 1999. С. 266–267, и его ссылки на *Ramanujan A.K.* Where Mirrors are Windows. *Towards an Anthology of Reflections* (с. 269).
- 11 См.: *Железнова А.Н.* Глобализация: индийский ответ на мировой вызов [Электронный ресурс] // *Вопросы философии*. 2009. № 7. URL: [http://vphil.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=53&Itemid=52](http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=53&Itemid=52) (дата обращения: 12.06.2010).
- 12 *Муфф Ш.* Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений. Выступление на Московском биеннале современного искусства [Электронный ресурс] // *Вторая Московская биеннале современного искусства*. [М., 2010]. URL: [http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff\\_doklad1/](http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1/) (дата обращения: 15.06.2010).
- 13 О парадоксах «индийской нации» и «индийской самоидентификации» см.: *Парибок А.В.* Индийский национальный вопрос // *Неприкосновенный запас*. 2001. № 15. С. 18–36.
- 14 Цит. по: *Успенская Е.Н.* Брахманическая геополитика и санскритизация // *X Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов: Межвузовский сб. науч. тр.* Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т, 2008.
- 15 Там же. С. 35.



- 16 Дюмон Л. Homo hierarchicus. Опыт описания системы каст. СПб.: Евразия, 2001. С. 230–231.
- 17 См. известную кампанию «против McDonald's и Coca-cola» в 70-е годы прошлого века или «кампанию против телевидения» такого «адаптированного» к западному миру гуру, как Сатья Сас Баба (см.: Кнорре Б. Индуизм: от глобалистской адаптации к альтернативному глобалистскому проекту [Электронный ресурс] // Русский архипелаг. URL: <http://www.archipelag.ru/geoculture/religions/Eurasia/hinduism> (дата обращения: 14.06.2010).
- 18 Staal J.F. Sanskrit and sanskritization // The Journal of Asian Studies. 1963. Vol. 22. № 3. P. 261–275.
- 19 Стааль ссылается на работы Роберта Рэдфильда (*Redfield R. Peasant Society and culture. An Anthropological Approach to Civilization*. Chicago: The University of Chicago press, 1956), который, изучая взаимоотношения «больших и малых» в Индии, Китае и в странах ислама, обосновал концепцию различных «картин мира» для различных народов и цивилизаций. Для данного исследования важна сама «увязка» процесса санскритизации с мировоззренческими и философскими проблемами.
- 20 В первом тысячелетии н. э. несколько санскритизированных стран Юго-Восточной Азии входили в ее ареал.
- 21 Успенская Е.Н. Указ. соч.
- 22 Это только часть «всего списка» негативных определений, даваемых ариями аборигенам Индостана.
- 23 Пименов А.В. Миманса в контексте этнической истории Индии // История философии. 2000. Вып. 7. С. 45.
- 24 См.: Древо индуизма. С. 268.
- 25 Можно вспомнить «вторичные отношения рефлексии» Ж. Делёза: Делёз Ж. Фуко. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 1998. С. 32.
- 26 Цит. по: Древо индуизма. С. 269. Рамануджан – *Ramanujan A.K.* Where Mirrors are Windows. Towards an Anthology of Reflections (рукопись).
- 27 Эту идею автору убедительно доказал в личной беседе санскритолог И.А. Святополк-Четвертынский.
- 28 См.: Пименов А.В. Возвращение к дхарме. М.: Наталис, 1998.
- 29 Замечательны европейские интуиции по поводу тесной связи пространства и страстей. Помимо опытов Джойса, Музиля и т. д., хотелось бы процитировать еще одного гения – австрийца Гуго Гофманстала. В его статье «Разговор о стихах» читаем: «Разве чувства, полтона чувств, все тайные и глубочайшие состояния нашего внутреннего мира страннейшим образом не переплетены с какими-то ландшафтами, временами года, каким-то состоянием воздуха, с дуновением? Какое-то неуловимое движение, с которым ты прыгиваешь с высокой повозки; душная беззвездная летняя ночь; запах влажных камней в сенях дома; ощущение ржавой воды, которая по водостоку струится на твои руки; с

*тысячью таких земных вещей смыкается все твое внутреннее достояние, все твои взлеты, все твои томления, все твои упоения... не надо спускаться в глубину нашего "я": надобно вовне себя найти, вовне». См.: Гуго фон Гофмансталь. Избранное. М.: Искусство, 1995. С. 531.*

30 Зонтхаймер говорит о «пяти временах» – мифологическом, астрологическом, ритуальном, историческом и светском – см. подробнее: *Зонтхаймер Г-Д. Пять компонентов индуизма и их взаимодействие // Древо индуизма. С. 270.*

31 Напрашиваются параллели с техникой визуализации в буддийской тантре, когда то или иное состояние («гнев» или «страх») символизируется в виде того или иного демона и проецируется в сферу *мандалы*. О теории ландшафтов как о «пропущенной странице» в европейской истории и литературоведении писал Шама (см.: *Schama S. Landscape and Memory. Random House, 1996*).

32 *«В воображении тамильских националистов язык – это женщина Наделенная архетипическими женскими ролями: Богини, матери и возлюбленной. В соответствии с этим распределяются и роли субъекта обращенной к ней речи: преданный бхакт, верный сын, неистовый влюбленный».*

*Гордейчук Н. Страсти по языку: лингвополитика в Тамилнаду в 1890–1970 гг. // Язык до Индии доведет / Отв. ред. И.П. Глушкова. М.: Восточная лит-ра, 2008. С. 410–415.*

33 Любопытно, что понятие «шахид» (*śahīd*) впервые было употреблено в политическом контексте именно в Восточном Пакистане и применено в отношении студентов-бенгальцев, протестующих против языковой политики пакистанского режима. Западный Пакистан насаждал «исламский» урду и препятствовал употреблению индийского бенгали. Таким образом, бенгальские шахиды – это мученики, восставшие против «исламизации языка».

34 См. подробнее: *Заболева Е.Ю. Хинди – во власть! Государственные усилия по внедрению официального языка // Язык до Индии доведет. С. 369–397.*

35 *Ганди К.Л. Языковая политика в современной Индии. М.: Наука, 1985. С. 23.*

36 Так называемая арийская колонизация как фактор уже практически исчезла из риторики сепаратистов-тамилов и бенгальцев.

37 Именно культурно-философское содержание санскритизации отличает этот проект, выступающий в форме программы просвещения, от криптоаналогов современности (начиная с «англизации» всей сферы повседневного общения и заканчивая «заговором программистов», описанных в книгах Нила Стивенсона «Криптономикон» и «Лавина»).

38 Историк Карл Воцелка в качестве главной причины развала Австро-Венгрии и начала Первой мировой войны называет агрессивную языковую политику народов Дунайской империи. См.: *Воцелка К. История Австрии. М.: Весь мир, 2007.*

39 См., напр.: *Лефевр В. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003.*



А.В. Асташкин

## ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ О ФОРМАХ И МЕХАНИЗМАХ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Объектом исследования является феномен социального воспроизводства как основополагающий механизм общественного обновления. Цель статьи – показать эволюцию идей воспроизводства и рассмотреть наиболее концептуальные научные теории различного исторического времени. В статье показан генезис общественного понимания механизмов функционирования социального мира и соответствующий этому знанию уровень общественного развития. Эволюция идей о формах и механизмах воспроизводства показывает исторический прогресс обществ в многообразии подходов и методов к изучению исследуемого феномена.

*Ключевые слова:* социальное воспроизводство, механизм социального воспроизводства, общественное обновление, концептуальные идеи, социальная теория.

Современная социологическая наука обладает богатым потенциалом знаний, выстраивающим концептуальные подходы к познанию сущности социального воспроизводства. Являясь единым процессом непрерывного возобновления социального пространства, очевидно, что воспроизводство неотделимо от своего носителя – социальной среды. Это создает необходимость исследования процессов социального обновления в его непосредственном взаимодействии с существующим социальным миром.

Эволюция идей о формах и механизмах социального воспроизводства показывает исторический генезис обществ в многообразии методов и подходов к изучению данного феномена. Ученые по-разному классифицировали типы воспроизводства: они определяли их через призму особенностей функционирования общественных сис-

тем, где каждый инструмент воспроизводства выступает одним из способов обновления социальной структуры.

Первыми концепциями о процессе социального воспроизводства стали философские теории античных ученых Платона и Аристотеля. В суждениях Платона обновление общественной жизни во многом связано с развитием государственного сектора, выступающего основой общественного порядка и стабильности. Главными функциональными инструментами, по Платону, являются разум и эффективные законы, что само по себе не может существовать друг без друга. Платон утверждал, что «при таком положении дела законодателю надо постараться, сколь возможно, внедрить в государстве разумность, а неразумие надо как можно скорее изъять»<sup>1</sup>.

Аристотель также отстаивал позиции сохранения общества, обращаясь к человеческим добродетелям и к принципу «взаимного воздаяния», который является спасительным для государств. «Таким образом, правят все, как если бы сапожники и плотники стали меняться своими ремеслами»<sup>2</sup>.

В исследованиях классической древности процесс социального воспроизводства не является в первую очередь инструментом роста общественного богатства. Для мыслителей того времени главной целью являлось воспроизводство самого человека, формирование для общества наилучших граждан.

Идейный дух древнегреческой философии нашел отражение в теориях, где государство и государственность являются основой гражданского единства и порядка. Развивая античную концепцию, Т. Мор говорил, что «царь никогда не должен поступать несправедливо, даже если бы он этого хотел <...>. Люди создали королей для себя, а не для них самих, они поставили во главе себя правителей, чтобы жить спокойно и безопасно»<sup>3</sup>.

На позициях авторитарного государственного правления стоит Н. Макиавелли, утверждая, что для общества необходимо политически прагматичное руководство. Неизбежный процесс социального доминирования подчеркивает роль лидера как верховного института власти, а формирование политических элит выступает феноменом классового разделения общества, единого в своем стремлении к подчинению. «Знать, видя, что она не может противостоять народу, возвышает кого-нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за спиной утолить свои вождедения. Так же и народ, видя, что не может сопротивляться знати, возвышает кого-либо одного, чтобы в его власти обрести для себя защиту»<sup>4</sup>.

А. Смит стал одним из первых, кто ориентировал разработанную им концепцию воспроизводства непосредственно на человека, особо отмечая важность его свободы. Свобода становится очевид-

ным двигателем экономики, а естественная «склонность к обмену порождает первоначально главный производительный инструмент – разделение труда»<sup>5</sup>. Его А. Смит считал важнейшим фактором экономического прогресса и сделал исходным пунктом своего исследования. «Таким образом, каждый человек в известной мере становится торговцем, а само общество превращается в торговый союз»<sup>6</sup>.

Разделение труда выступает основополагающим фактором повышения производительности труда, которая, в свою очередь, является индикатором богатства общества. А. Смит пишет: «Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности явились непосредственным следствием разделения этого труда»<sup>7</sup>.

Однако А. Смит выделял и негативные результаты разделения труда, констатируя, что со временем рабочие становятся тупыми и невежественными. Разница между ними и представителями умственного труда объясняется не природными характеристиками, а следствием их жизни и сферы специализации. А. Смит утверждал, что «различие между ученым и простым уличным носильщиком создается не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием»<sup>8</sup>.

Несмотря на то что фрагменты концептуальных идей разделения труда были описаны еще предшественниками А. Смита, в его интерпретации они получили совершенно новое значение. Далее Э. Дюркгейм продолжает раскрывать феномен разделения труда как инструмента достижения главного состояния человеческого бытия – социальной солидарности.

Основной тезис Э. Дюркгейма в том, что воспроизводство подчинено естественному для человека разделению общественного труда, которое некогда исполняло общее сознание. Происхождение исследуемого феномена «отодвинуто в бесконечно далекое прошлое, так как это разделение возникло почти одновременно с самой органической жизнью»<sup>9</sup>.

Индивид, получая все необходимое от общества, в то же время работает на него. В результате «образуется сильное чувство состояния зависимости, под действием которого человек рассматривает себя как часть целого, как орган организма»<sup>10</sup>.

Вопрос о природе человеческой солидарности является главной темой процесса общественного воспроизводства. Э. Дюркгейм заявляет, что «существует социальная солидарность, происходящая из того, что известное число состояний сознания является общим для всех членов одного и того же общества. Доля ее в общей интеграции зависит от объема социальной жизни, который охватывает и регламентирует общее сознание»<sup>11</sup>.

Разделение труда, принимая различную функциональную форму, способствует общественному сплочению, включаясь в процесс построения отношений между членами общества. По мнению автора, ключевой инструмент общественного воспроизводства инициирует межличностные отношения, удовлетворяя естественные стремления людей к дружбе, образованию семьи и т. д. «Создавая маленькие ассоциации, каждый человек получает свою роль: один покровительствует, другой утешает, третий советует, четвертый исполняет, – и именно это разделение функций является разделением труда, вызывающим дружбу, супружескую солидарность и другие виды личных отношений»<sup>12</sup>.

Э. Дюркгейм утверждает, что человеческая «цивилизация сама по себе не имеет абсолютной внутренней ценности; цену ей придает то, что она соответствует определенным потребностям. Но эти потребности суть сами следствия того же разделения труда. Так как последнее не развивается без увеличения траты сил, то человек вынужден искать – в виде возмещения за эти добавочные усилия – благ цивилизации, которые иначе не имели для него интереса»<sup>13</sup>.

Дюркгейм поддерживает и эволюционистскую идею социального воспроизводства, соглашаясь с Г. Спенсером в том, что физиологический обмен веществ также представляет собой одну из форм разделения труда<sup>14</sup>. Спенсер же говорил, что «разделение труда есть именно та особенность, как в обществе, так и в животном, которая делает каждое из них живым целым»<sup>15</sup>. Спенсер стал одним из первых, кто предложил использовать биологический организм как объект сравнения с социальным миром. Эволюционная теория Г. Спенсера стала новой концепцией воспроизводства социальности, объясняющей механизм и природу социальных изменений, положив начало созданию «эволюционистской школы» социологии.

С течением времени концепция Ч. Дарвина постепенно выходила за рамки биологии, привлекая к себе все большее внимание философов, историков и социологов. «Правильное» понимание эволюционирования природы заставляло ученых транспонировать дарвиновские идеи в социальную сферу. По мере расширения естественно-научного знания эволюционизм нашел подтверждения сначала в философии, а затем и в социологии. Стимулирование новых исследовательских программ и методологических установок дало путь для внедрения концепции в сферу изучения общества.

По мнению Спенсера, развитие вселенной происходит в соответствии с неорганическим, органическим и надорганическим развитием, а наука об обществе призвана изучать, прежде всего, генезис надорганических элементов, проявляющих себя в количестве и характере разного рода общественных структур.

Социальное воспроизводство означает прогрессивный переход от однородности к разнородности – к сложному типу социальной организации. «Таким образом, общественное развитие выполняет со всех сторон общую формулу эволюции – прогресса к большему объему, к большей связности, к большему разнообразию и к большей определенности»<sup>16</sup>.

«Общественная эволюция начинается с мелких, простых агрегатов; они продвигаются вперед путем соединения в агрегаты более крупные; что после более или менее тесного сплочения получившихся таким образом сложных групп, они сливаются с другими такими же группами в еще более крупные агрегаты»<sup>17</sup>. Соответственно итогом эволюционного процесса в теории Спенсера является формирование единого человеческого сообщества.

Надо сказать, что появление новых революционных идей, включая работы Герберта Спенсера, не только обогатили существующую науку, но и изменили научное мировоззрение. Макса Вебера также можно считать представителем качественно «нового» научного времени, начало которого положено социологическими теориями первых десятилетий XX в.

Социально-экономические знания рубежа XIX–XX вв. пережили системный кризис, обостривший нехватку концептуальных знаний, необходимых для решения практических проблем эпохи. Теория «рыночного общества» А. Смита существенно запаздывала за динамично развивающимся капиталистическим обществом, что вызвало необходимость разработки новых подходов к пониманию сути общественных процессов.

Прагматизм изучения социального воспроизводства, инициированный экономистами, был ориентирован на мотивацию поведения людей и на то, как эти мотивы возникают в сознании действующего субъекта. Изучение проблематики возникновения капиталистической формы общественных отношений, мотивации рынка труда и т. д. явились логичным продолжением научных теорий, обратившихся к загадке человеческого сознания, действующего в современных целерациональных условиях.

Целью исследований веберовского социального воспроизводства является достижение «понимания» отдельного индивида и его действия в качестве первичных единиц социологического исследования<sup>18</sup>. Понимание причин социальных действий раскрывает законы движения всего общественного пространства, так как любым типам действий соответствует их фактическое поведение.

Принципом социального воспроизводства в «понимающей социологии» является стремление индивидов к установлению целерационального порядка, при котором происходит естественный

процесс объединения в общество. «Каждый отдельный человек постоянно участвует в многочисленных, самых разнообразных сферах действий, общественных, основанных на согласии. Чем многочисленнее и многообразнее рационально ориентирует индивид свои действия, тем дальше заходит рациональная дифференциация общества; чем более обобществленными становятся по своему характеру его действия, тем большей степени достигает рациональная организация общества»<sup>19</sup>.

С течением времени изучение принципов социального воспроизводства и технологий развития общества окончательно перешло из категории утопических мечтаний в объективную теорию закономерного развития. Феномен рационализма стал главенствующим в функционировании социологических дисциплин, посвященных проблеме функционирования социальных систем.

Отсюда свою задачу видел К. Маркс, сформулировавший принцип общественного прогресса через возникновение, развитие и смену общественно-экономических формаций. «Каждая такая система производственных отношений является особым социальным организмом, имеющим особые законы своего функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»<sup>20</sup>.

Научный фундамент теории К. Маркса составляет принцип «историцизма», согласно которому осуществляется естественный переход человечества через различные стадии общественно-экономического развития. Смена формаций происходит благодаря социально-экономическому перемещению общества от первобытности к рабовладению и далее последовательно к феодализму, капитализму и к заключительной стадии общественного устройства – коммунизму.

Воспроизводство общественного пространства отождествляется, по К. Марксу, с производственными отношениями. «Производственные отношения в своей совокупности, – пишет он, – образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразным отличительным характером»<sup>21</sup>.

Вследствие того что люди изначально находятся в неравных социально-экономических позициях, классовое противостояние неизбежно. «Процесс производства превращает вещественное богатство в капитал, в средства увеличения стоимости для капиталиста. Рабочий же постоянно выходит из этого процесса в том же виде, в каком он вступил в него. Его труд отчужден от него, присвоен капиталистом и включен в состав капитала, в результате его труд ове-



ществляется в чужом продукте»<sup>22</sup>. Выходит так, что «с общественной точки зрения класс рабочих – даже вне непосредственного процесса труда – является такой же принадлежностью капитала, как и мертвое орудие труда»<sup>23</sup>.

Продолжая тему К. Маркса, необходимо добавить, что на рубеже XIX–XX вв. произошел переход самоорганизации общества на качественно новый уровень, открывший стимул для перераспределения рычагов власти и уходу от господства правящего, аристократического меньшинства. Обществу стали необходимы новые элитарные группы, образованные выходцами из народа, представляющими интересы большинства по праву легитимного, электроального избрания.

Разгадка феномена общественного превосходства стала краеугольным камнем многих теорий XX столетия. Основоположники современной элитологии Г. Моска и В. Парето, как и многие их последователи, пытались «пролить свет» на механизмы, позволяющие отдельным людям достигать невероятных общественных высот, переходя из широких масс в привилегированное меньшинство. В. Парето утверждал, что «правлящий класс более отчетливо осознает свои действительные интересы, поскольку сознание его представителей в меньшей степени затуманено чувствами, тогда как управляемый класс имеет менее отчетливое представление о собственных интересах, поскольку они сокрыты от него плотной завесой чувств»<sup>24</sup>.

Итоговым решением современной научной мысли стало общепринятое понимание того, что общество представляет собой совокупность двух частей: элитарных групп и всей остальной массы. «Масса не действует сама по себе. Она существует для того, чтобы ее вели, наставляли и представляли за нее <...>. Ей необходимо следовать чему-то высшему, исходящему от избранных меньшинств»<sup>25</sup>.

В. Парето и Г. Моска обосновали общественный процесс динамики элит стремлением социума к стабильности через доверие широких масс управлять собой. В свою очередь, «человеческое общество неоднородно, и индивиды различаются интеллектуально, физически и морально»<sup>26</sup>, поэтому элита определяет себя по ресурсным качествам, по способности выступать авангардом человеческих умений, завоевывать и удерживать власть. Соответственно, главным стимулом в борьбе за лидерство выступает постоянное стремление к превосходству.

Изучением господствующих классов, как особых элитарных общностей, занимался Ч.Р. Миллс. Властвующая элита, по его мнению, состоит из лучших представителей промышленной, политиче-

ской и военной групп. «Тоталитарное государство, поддерживаемое ими, есть средство, с помощью которого высшие представители каждой из трех господствующих сфер координируют свои собственные институты, а также другие институциональные порядки»<sup>27</sup>.

Ч.Р. Миллс утверждает, что «в наше время социальные структуры обычно организованы под властью политического государства, являющегося доминирующей формой общества и главным фактором в жизни человека»<sup>28</sup>. Такое «национальное государство» обладает всеми рычагами принятия решений и осуществления власти. А отношения господства и подчинения автор расценивает как естественную форму взаимодействия между людьми.

Увеличение рационализации жизни, по мнению Ч.Р. Миллса, не приводит к росту свободы человека. Технологическое изобилие плохо отражает критерии культурного и человеческого прогресса. Поэтому XX век стал временем переосмысления ведущих социально-политических, экономических теорий прошлого. Научная проблематика воспроизводства общественного порядка констатировала необходимость более глубокого понимания исследуемых процессов.

П. Бурдьё – один из признанных лидеров современной социальной теории утверждал, что эволюционное развитие осуществляется как планомерный генезис всех структурных элементов социальной среды. Революционные преобразования хаотически возбуждают новые пределы роста и неизбежно приводят к катастрофическим последствиям.

Ключом социального обновления П. Бурдьё видел естественную динамику социальной среды, производящую «габитус» – систему прочных приобретенных предрасположенностей, порождающих конкретные социальные практики индивидов.

Конструктивистский структурализм, которым руководствовался П. Бурдьё, показал, что «в социальном мире существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять их практики или представления. С помощью конструктивизма возможно показать, что существует социальный генезис схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями “габитуса” и социальных структур, того, что автор называет полями или группами»<sup>29</sup>.

Динамику социальному пространству придает капитал, дающий возможность господствовать в присвоенном пространстве за счет получения дефицитных благ, распределяемых в обществе. «Капитал позволяет держать на расстоянии нежелательных людей и предметы и в то же время сближаться с желательными людьми и предметами, минимизируя таким образом затраты, необходимые

для их присвоения. Отсутствие же капитала доводит опыт конечности до крайней степени: оно приковывает к месту»<sup>30</sup>.

По мере утверждения в мире индустриальных обществ предметом социологического знания стали новые принципы мироустройства, объединившие государства в единый общемировой геополитический конгломерат. В центре массового сознания оказалась проблема глобализации, послужившая поводом для широкого научного дискурса.

У. Бек стал одним из главных теоретиков растущего всемирного объединения, показавшего новые тренды мирового развития, что потребовало от обществ качественно новых концептуальных методов построения общественной жизни. Бек развивает идею К. Маркса, утверждая, что «в классовых обществах бытие определяет сознание, в то время как в обществе риска сознание определяет бытие»<sup>31</sup>. В развитых странах общественное производство богатств сопровождается непременным производством рисков.

Воспроизводство социального мира происходит в рамках жесткого влияния «сильных» государств, поглощающих экономически слабые секторы мировой экономики. Это приводит к «нарушению естественных условий жизни и оборачивается глобальными медицинскими, социальными и экономическими угрозами для человека»<sup>32</sup>.

Но, несмотря на существующие цивилизационные риски, суть концептуального значения социального воспроизводства остается прежним – это «процесс самовосстановления и самовозобновления социальных систем, который включает воспроизводство материальных благ, рабочей силы, производственных отношений, социальных структур, социальных норм и ценностей»<sup>33</sup>.

Все пути достижения общественного благополучия стали естественным стремлением человечества к пониманию и контролю механизмов развития окружающего мира. Капитал идей о феномене социального воспроизводства является наследием современной науки, где каждая теория становится «зеркалом» своего времени.

#### Примечания

- <sup>1</sup> *Платон*. Сочинения в четырех томах / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. Т. 3. Ч. 2. С. 171.
- <sup>2</sup> *Аристотель*. Политика / Пер. с др.-греч. А.С. Жебелева. М.: ЗАО «Бизнеском», 2009. С. 38.
- <sup>3</sup> *Мор Т.* Утопия. 2-е изд. СПб., 1905. С. 68.
- <sup>4</sup> *Макиавелли Н.* Государь. М.: АСТ Москва, 2009. С. 60.

А.В. Асташкин

- 5 *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Ось-89, 1997. С. 19.
- 6 Там же. С. 25.
- 7 Там же. С. 10.
- 8 Там же. С. 20.
- 9 *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 45.
- 10 Там же. С. 215.
- 11 Там же. С. 108.
- 12 Там же. С. 57–58.
- 13 Там же. С. 56.
- 14 *Спенсер Г.* Основания социологии. СПб.: Товарищество И.Д. Сытина, 1898. С. 122.
- 15 Там же. С. 280.
- 16 Там же. С. 374.
- 17 Там же. С. 343.
- 18 *Вебер М.* Избранные произведения / Сост., общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 507.
- 19 *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2006. С. 403.
- 20 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. Т. 1. С. 429.
- 21 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. Т. 6. С. 442.
- 22 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1960. Т. 23. С. 583.
- 23 Там же. С. 586.
- 24 *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М.: ГУ–ВШЭ, 2007. С. 372.
- 25 *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ Москва, 2008. С. 105.
- 26 *Парето В.* Указ. соч. С. 254.
- 27 *Кравченко Е.И.* Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 164.
- 28 *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. М.: Изд. дом «Стратегия», 1998. С. 156.
- 29 *Бурдьё П.* Начала / Пер. с фр. Н.Л. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. С. 181–182.
- 30 *Бурдьё П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 56.
- 31 *Бек У.* Общество риска. На пути к новому модерну. М.: Москва-Прогресс, 2000. С. 26.
- 32 Там же. С. 98.
- 33 Социологический энциклопедический словарь / Под. ред. Г.В. Осипова. М.: НОРМА, 2000. С. 45.

Р.А. Чучукалова

## ПРЕДЫСТОРИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Цель статьи – рассмотреть философскую предысторию концепции устойчивого развития. Целесообразно упорядочить предшествовавшие современным концепциям представления об устойчивом развитии. Философская категория «благо», при всей множественности и размытости значений, представляется прямой, хотя и «наивной» предшественницей «категории устойчивого развития». Использование философской категории «благо» в качестве исходного ориентира для осмысления интеллектуального наследия предыдущих эпох дает возможность перейти к непосредственному анализу предыстории устойчивого развития.

*Ключевые слова:* история философии, устойчивое развитие, благо.

Концепция устойчивого развития обладает значительной философской предысторией. Как и современные ученые, мыслители древности пытались понять, каким образом жизнь человека можно сделать более безопасной и комфортной, в чем заключается истинное человеческое благо и каковы средства его достижения. Целесообразно упорядочить предшествовавшие современным концепциям представления об устойчивом развитии. В философии Гераклита, как и во всей древнегреческой мысли, господствовало понятие космической справедливости, которая «предотвращает возможность того, чтобы борьба противоположностей когда-либо завершилась полной победой одной из сторон»<sup>1</sup>. Наиболее общая закономерность устойчивого развития – это раздвоение единого на противоположности и синергетическое равновесие между ними. Устойчивое развитие имеет место там, где противоположности не достигают антагонизма, где имеет место самоорганизация системы, «разрешимость» ситуации.

---

© Чучукалова Р.А., 2011

В свою очередь, логика самоорганизации предполагает коэволюцию, т. е. когерентное взаимодействие противоположностей. Эту диалектику устойчивого развития наиболее адекватно выражает понятие гармонии (в гераклитовской интерпретации). Гармония, по Гераклиту, есть внутренняя связь, скрытая согласованность, т. е. равновесие, получающееся в результате «схождения» неослабевающего «расхождения» противодействующих сил. Образ гераклитовской реки, символизирующей всеобщий миропорядок (космос), выражают оба противоположных аспекта бытия: изменение вещей и их устойчивость. В самом деле, чтобы оставаться самой собой, река должна все время течь. Это значит, что каждая вещь пребывает в состоянии тождества с самой собою и одновременно постоянного изменения, т. е. представляет собой единство противоположностей. Эта скрытая гармония вещей есть божественный порядок, нарушение которого недопустимо и влечет за собой справедливое наказание. Закон устойчивого развития и есть закон космической справедливости. В мире все уравновешено и гармонизовано, т. е. в мире царит справедливость, или порядок. И этот справедливый порядок не может быть нарушен. Как говорил Анаксимандр, вещи должны быть осуждены за свою несправедливость сообразно «порядку времени». Но общество, в котором мы живем, страшно неустойчиво, дисгармонично и несправедливо. Человеческий порядок разошелся с порядком космическим. Необходима гармонизация человеческого бытия, согласование его с космическим порядком, с «великой динамикой природы, различные части которой созвучно резонируют одна с другой»<sup>2</sup>. В докладе Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию, известном как «Доклад Брундтландт», также отмечается, что «стратегия устойчивого развития направлена на достижение гармонии между людьми и между обществом и природой»<sup>3</sup>. После «Доклада Брундтландт» устойчивое развитие общества понимается как сбалансированное во всех отношениях развитие, и естественно, такое развитие немислимо без принятия концепции справедливости. Новый подход к проблемам мироустройства, предложенный концепцией устойчивого развития, связан именно с пониманием места и роли справедливости в историческом процессе. «Наша неспособность добиться признания и принятия концепции общих интересов, что необходимо для процесса устойчивого развития, – говорится в докладе Комиссии ООН, – часто является результатом относительного пренебрежения экономической и социальной справедливостью внутри стран и между странами»<sup>4</sup>. Опыт истории подтверждает: ни одно общество не может быть устойчивым, если его основы не опираются на справедливость. Концепция устойчивого

развития распространяет заботу о справедливости на будущие поколения людей, которое логически предусматривает также и охрану природы.

Философская категория «благо», при всей множественности и размытости значений, представляется прямой, хотя и «наивной» предшественницей «категории устойчивого развития». Не являясь частью концепции, аккумулирующей последние достижения науки, это понятие отражает неизменную человеческую устремленность к безоблачному и счастливому будущему, становится центральной категорией этических учений об общественном устройстве. Обще-принятого определения категории «благо» не существует, и нет единого мнения о том, что считать благом. В философских словарях благо определяется как то, что «заключает в себе положительный смысл» и рассматривается «в связи с уяснением смысла бытия и человеческого существования как вопрос о высшем благе (summu bonum – термин Аристотеля), в зависимости от которого и определяется соотносительная ценность всех других благ». В «Малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» благо – это «то, что может служить предметом удовлетворения потребностей человека; стремления его чувственности или духа»<sup>5</sup>. Высшим благом, по Брокгаузу и Ефрону, является та конечная цель, к которой стремятся все разумные существа на протяжении всей жизни, то, в чем они ищут полноты своего существования, высшего счастья»<sup>6</sup>. В обыденной жизни под благом понимается достаток и здоровье, уважение окружающих и взаимопонимание с близкими, возможность выражать себя в творчестве или заниматься любимой работой и т. д. В утопическом сознании благо есть «не только значимость, ценность чего-либо для человека, но и принцип устройства мира, его “высшее предназначение”, его цель – абсолютная ценность сама по себе». Использование философской категории «благо» в качестве исходного ориентира для осмысления интеллектуального наследия предыдущих эпох дает возможность перейти к непосредственному анализу предыстории устойчивого развития. Благо и знание – таково условное обозначение первого философского лейтмотива, уходящего корнями в глубокую древность. Данный лейтмотив, заметно видоизменившийся, присутствует в современных представлениях об устойчивом развитии в форме надежд на очередной «технологический прорыв», который будет способствовать гармонизации отношений между человеком и природой, а также переходу к ноосферному типу существования человека и природы. Современные исследователи, ноосферная ориентация устойчивого развития выдвигают на первое место интеллектуально-духовные и рационально-информационные факторы и ресурсы, ко-

торые в отличие от материально-вещественных и природных ресурсов и факторов безграничны и создают основу для выживания и непрерывно долгого развития цивилизации»<sup>7</sup>.

Рассуждая о высшем знании, «знании о наилучшем», Сократ говорит: «...нужно, чтобы и государство, и душа, желающие правильно жить, держались этого знания – совершенно так же, как должен больной держаться врача, или человек, желающий безопасно совершить плавание – кормчего»<sup>8</sup>. Данное высказывание определяет «безопасность» и «правильную жизнь», что свидетельствует об органичном единстве двух смыслов – знания как основы деятельности и знания как добродетели. В платоновском учении об идеальном государственном устройстве знанию отводится особая роль. Знание рассматривается в качестве надындивидуальной, вневременной основы общественной жизни и общественного благополучия: «Не толщина городских стен и укреплений, не сила армии и ее вооружение, а знание – вот что гарантирует в первую очередь безопасность и прочность общественного целого. Знание цементирует общество изнутри... Вот почему во главе государства Платон ставит жрецов и хранителей знания – философов»<sup>9</sup>. «Стоики, переняв у киников идею счастья как жизни согласно природе, переосмыслили ее, создав новое учение о природе и человеке. В основе природы лежит “логос”-разум, пронизывающий все сущее, следовательно, “жить по природе” для человека значит “жить по разуму”, а нравственная цель – через усовершенствование этой природы прийти к “добродетели”. Но соответственно разумной природе человека, совершенная добродетель есть совершенное знание или мудрость»<sup>10</sup>. Таким образом, стремление к обладанию высшим знанием – залог гармонии человека с окружающим миром и подлинное благо. Логоцентристская традиция сохраняется и в философии Средневековья, хотя присутствуют попытки заменить знания религиозной верой или подчинить познавательную деятельность богословским целям. С другой стороны, знание не вписывается в христианские каноны, но «негласно» рассматривается как источник могущества. Бог, создав первых людей, положил единственный запрет – не касаться плодов Древа познания. Подстрекаемые змеем люди вкусили этих плодов и тем самым попытались стать богами<sup>11</sup>. Логоцентристская тенденция, позиционирующая познание как путь к истинному благу, обнаруживала себя все настойчивее благодаря мыслителям Возрождения. Так, Джовани Пико делла Мирандолла утверждал, что познание в различных формах есть основной путь возвышения человека до божественных существ<sup>12</sup>, а Эразм Роттердамский полагал, что «незнание надлежит врачевать», дабы человек не был слеп в стремлении к благу<sup>13</sup>. Рассвет психо-



логически ориентированной философии и становление классической науки, произошедшие в новые времена, послужили укреплению традиции, по канонам которой знание есть основной источник человеческого благополучия, знание определено как инструмент покорения природы. Примечателен в этом отношении пример «Новой Атлантиды» Френсиса Бэкона. Новая Атлантида представляет собой научно-производственный комплекс, в котором знание обеспечивает достаток и безопасность. Технологическим раем руководят, как и в идеальном государстве Платона, люди, обладающие знанием, – служители науки, окруженные почетом и благоговением сограждан. Френсис Бэкон задолго до возникновения большинства глобальных проблем предвосхитил современные сциентистские теоретические построения на тему устойчивого развития – «фантазия» Ф. Бэкона оказалась провидческой. Ф. Бэкон программирует особого рода науку, науку-промышленность, науку – производительную силу, каковой она стала только в XX в. Философия Нового времени, несмотря на стремление к получению посредством научного знания власти над природой, сохраняет представления о единстве человека и окружающего мира. Представитель французского материализма П. Гольбах<sup>14</sup> отмечал: «Человек – дело рук природы, он существует в природе, он подчинен ее законам, он не может обходиться без нее; он не может – даже в мысли – выйти из природы... Для существа, созданного природой, ограниченно-го ею, не существует ничего, помимо того великого целого, часть которого она составляет и воздействие которого оно испытывает»<sup>15</sup>. Л. Фейербах, основоположник антропологического материализма, рассуждает подобным же образом, по его словам, «природа есть то, что охватывает человека; она есть то, через отнятие чего у человека отнимается и его бытие; она есть то, благодаря чему он существует, от чего он зависит во всех своих действиях, в каждом своем шаге»<sup>16</sup>. Очевидно, что между античными, средневековыми и более поздними представлениями о гармонии человека и природы, о необходимости их взаимополагающего существования, имеется неразрывная связь. Само понятие «ноосфера», вошедшее в лексикон человечества в XX в. благодаря таким исследователям, как Э. Ле-Руа, П. Тейар де Шарден, В. Вернадский, означает «такое состояние биосферы, которое в той или иной форме гармонизирует взаимодействие человека и биосферы (т. е. биосферы как живой и неживой природы)»<sup>17</sup>, что свидетельствует о преемственности, о наличии единой концептуальной линии, проходящей из прошлого в настоящее. Целесообразно выделить еще одну важную идею – зависимость блага от безопасности или их отождествление, что также не является принципиально новым сюжетом для философских размышле-

ний и культуры в целом. В античной философии (и вплоть до XX в.) проблема безопасности не была предметом отдельных, специализированных философских или научных изысканий. Тем не менее ряд примечательных рассуждений имеется у Эпикура. Рассуждения о личном благе нередко опирались на исходные принципы: цель счастливой жизни – «здоровье тела и безмятежность души», а удовольствие не что иное, как «свобода от телесных страданий и душевных тревог»<sup>18</sup>. Безопасность «как отсутствие страданий и тревог», согласно Эпикуру, «достижима с помощью богатства и силы, вполне же – только с помощью удаления от толпы», отсюда призыв – «живи незаметно»<sup>19</sup>. Кроме того, «безопасность, даже в нашем ограниченном существовании, благодаря дружбе наиболее полно осуществляется». В целом рассуждения о безопасности и благе не выходят в античной философии за пределы простых морализмов и высокого уровня абстракции и теоретизации не достигают. Мысль Средневековья рассматривает зависимость блага от безопасности в контексте религиозных представлений. Безопасность в «темные века» была божественным даром, чудом<sup>20</sup> – об этом свидетельствуют многочисленные летописи, в которых повествуется о сверхъестественном вмешательстве и избавлении от многочисленных бед. Безопасность и благо в новоевропейской мысли соединяются в учении о государстве и общественном договоре. Поскольку теистические и телоцентрические тенденции стали утрачивать былую мощь, постольку безопасность начала восприниматься не как проявление божественной любви, а как результат компромисса между людьми, их объединения, отказа от некоторых свобод во имя безопасности и порядка, источником которых является государство. По мнению Т. Гобса о благе, обусловленном возникновением государственности: «Цель государства – главным образом обеспечение безопасности. Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом более благоприятной жизни»<sup>21</sup>. Подобную позицию занимают и другие сторонники теории общественного договора – Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо<sup>21</sup>. Обращение к философскому наследию позволяет обнаружить уходящие в глубокую древность идейные корни современной концепции устойчивого развития, которая на новом витке исторического процесса синтезирует старые и очевидные истины. Мыслители античности прекрасно понимали, что личное и общественное благо напрямую зависят от соблюдения меры, стремления к знаниям и гармонии с природой. Основные версии концепции устойчивого развития как

общечеловеческой стратегии выживания формируются лишь во второй половине XX в. Опыт XX в. показал, что дальнейшее поступательное движение к высшим формам организации жизни невозможно без участия человека, своей деятельностью нарушившего естественную «логику» развития. В процессе развития выяснилось, что жизнь вообще может исчезнуть и «универсум потерпит неудачу», лишившись своей главной надежды в лице Homo sapiens. Компьютерное моделирование последствий глобального противостояния с использованием атомного оружия обнаружило ненадежность существующего мироустройства, ужасающую реальность «ядерной ночи» и «ядерной зимы». Таким образом, сформировалось понимание ноосферы как возможной в будущем мыслящей оболочки планеты, ограниченной целостности, достижимой благодаря ответственной и разумной деятельности человека. Важную роль в формировании идей устойчивого развития сыграл В.И. Вернадский, создавший учение о сфере разума (ноосфере). В «Концепции перехода РФ к устойчивому развитию» речь идет о ноосфере как целевой ориентации устойчивого развития, когда критерием индивидуального и национального богатства станут духовные ценности и знания человека, живущего в гармонии с окружающей средой<sup>22</sup>.

Именно на фундаменте учения о ноосфере фактически строится сегодня концепция устойчивого развития, на что обратил внимание В.В. Путин на саммите АТЭС «Бизнес и глобализация» 15 ноября 2001 г. в Берлине. Тем не менее переход в эпоху ноосферы не будет безоблачным, по мнению Н.Н. Моисеева<sup>23</sup>, а станет, скорее всего, бифуркацией с непредсказуемым исходом. В современной интерпретации достижение ноосферного типа существования человека и природы как конечной цели развития живой материи и финала исторического процесса, требует перехода к новой модели устойчивого развития, которое характеризуется:

– возвращением знанию, как основе человеческого благополучия, морального содержания – наука должна стать не просто средством решения частных экономических или военно-политических задач, а основой «рациональной организации Земли»<sup>24</sup>, что можно считать современным аналогом сократовской «правильной жизни». Концепция ноосферы возвращает научному знанию утраченный модус долженствования: под началом Коллективного интеллекта при помощи научных исследований должны быть выработаны не только общеобязательные требования к воздействиям на природную среду, но и мировоззренческие основы таких воздействий. Идея ноосферы предполагает, что человечество не погибнет, а сохранится и будет долго, неопределенно долго развиваться на планете и за ее пределами<sup>25</sup>. Постепенным переходом к коэволюции

создадутся условия соразвития (равновесия) человечества и природы, различных стран и народов, а также существующих и будущих поколений людей. Коэволюция есть скоординированное развитие природных и социальных систем, при котором процветание одних не вызывает деградации других. Как отмечал Н.Н. Моисеев: «Новая цивилизация должна начаться не с новой экономики, а с новых научных знаний и с новых образовательных программ. Люди должны воспринимать себя не господами, а частью Природы, новые моральные принципы должны войти в кровь и плоть Человека»<sup>26</sup>. Принцип коэволюции распространяется на мировое сообщество, представляющее собой слабо интегрированную систему, которой присущ чудовищный разрыв между развитыми странами и странами «третьего мира»;

– меры по переходу к устойчивому развитию эффективны лишь в том случае, «если они сопровождаются соответствующими социальными изменениями и прежде, всего, устранением социального диспаритета – растущего противоречия между богатыми и бедными (между богатыми и бедными в любой стране мира и т. п.)». Социальные катаклизмы, вызванные указанными противоречиями, являются «балластом» и затрудняют реализацию идеалов гармонии. Проблемы одного государства приводят к дестабилизации обстановки в соседних странах, волна хаоса распространяется с огромной скоростью и вызывает общественный кризис;

– устойчивое развитие станет реальностью лишь тогда, когда передовые державы перестанут эксплуатировать отстающих соседей и от громких заявлений перейдут к оказанию реальной и широкомасштабной помощи в соответствии с решениями, принятыми мировыми сообществами. Стратегия устойчивого развития должна стать стратегией подлинного и многостороннего компромисса, а нарастающий экологический кризис не должен привести к опасным мировоззренческим «перегибам».

---

Примечания

- <sup>1</sup> Рассел Б. История западной философии. Т. 1. М.: Миф, 1993. С. 63.
- <sup>2</sup> Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М.: Наука, 1973. С. 121.
- <sup>3</sup> Наше общее будущее. М.: Прогресс, 1989. С. 68.
- <sup>4</sup> Там же.
- <sup>5</sup> Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. С. 47.
- <sup>6</sup> Там же.
- <sup>7</sup> Урсул А.Д., Романович А.Л. Концепция устойчивого развития и проблема безопасности // Философские исследования. 2001. № 6. С. 69.

- <sup>8</sup> *Платон*. Алкивиад. П.
- <sup>9</sup> *Гайденко П.П.* История греческой философии и ее связи с наукой. М.: Наука, 1980. С. 81.
- <sup>10</sup> Там же. С. 85.
- <sup>11</sup> Антология философии средних веков и эпохи Возрождения. М.: Вече, 2001. С. 144.
- <sup>12</sup> Там же. С. 146.
- <sup>13</sup> *Эразм Роттердамский*. Оружие христианского воина // Философские произведения средневековья. М.: Наука, 1987. С. 86.
- <sup>14</sup> *Гольбах П.* Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. URL:<http://www.gramotey.com/>.
- <sup>15</sup> *Кузанский Н.* Апология ученого незнания // Кузанский Н. Собр. соч.: В 2 т. М.: Наука, 1979. С. 110.
- <sup>16</sup> *Фейербах Л.* Лекции о сущности религии (1849). URL:<http://filisof.historic.ru/>.
- <sup>17</sup> *Моисеев Н.Н.* Системная организация биосферы и концепция коэволюции устойчивого развития. М.: Наука, 2005. С. 75.
- <sup>18</sup> *Гоббс Т.* Левиафан // Гоббс Т. Избранные произведения: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 3–390.
- <sup>19</sup> *Делокаров К.Х.* Философия и человек в век глобальных проблем. М.: Дело, 1998. С. 111.
- <sup>20</sup> *Ковалев В.И.* Безопасность: социально-биологические аспекты. М.: ИСПИ-РАН, 2001. С. 102.
- <sup>21</sup> *Гоббс Т.* Указ. соч. С. 3–390.
- <sup>22</sup> *Вернадский В.И.* Осуществившиеся прогнозы и заблуждения // Человек и природа. 2001. № 5. С. 56.
- <sup>23</sup> *Моисеев Н.Н.* Вернадский и современность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 6.
- <sup>24</sup> Там же.
- <sup>25</sup> Там же.
- <sup>26</sup> *Шульга Е.Н.* Генезис идеи коэволюции // Биосферофилософия. М.: Мир, 1997. С. 77.

**КОНСТАНТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ  
КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ  
СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ**

В статье рассматриваются константы бытия человека в обществе, выступающие фактором возникновения социальной тревожности. К их числу относятся семья, возраст, гендер, место жительства. Действие этих факторов способно создавать ситуацию неопределенности, что и становится предпосылкой возникновения социальных страхов в относительно стабильном социуме.

*Ключевые слова:* страхи, тревоги, социальное настроение, эмоциональная атмосфера общества, социальное самочувствие, факторы тревожности, социально-философский анализ, социология.

По общепринятому в науке мнению, тревога и страх связаны с дефицитом информации, неопределенностью развития тех или иных событий и возникают в стрессовой ситуации, вызывающей фрустрацию потребностей<sup>1</sup>. Такое понимание нашло отражение в разнообразных исследованиях социальных страхов как элемента «шока будущего» (Э. Тоффлер), компонента кризисных и катастрофических событий<sup>2</sup>, неравновесных состояний общества<sup>3</sup>.

Данные состояния противоположны природе общества как социальной системы, имманентно стремящейся к целостности, стабильности и равновесию. Между тем системная организация общества не только не исключает страхи и тревоги, но предполагает их, поскольку в обществе всегда остаются неформализованные зоны действий и отношений. Это побуждает обратиться к анализу постоянно действующих условий и факторов, провоцирующих социальные страхи. Такими факторами выступают элементы структурной организации общества<sup>4</sup>. Однако методология структурного анализа, тяготеющая к социальному реализму, в известной мере игнори-

рует экзистенциальные аспекты бытия человека в обществе. Поэтому, исходя из понимания социального настроения как единства субъективного и объективного, социальные страхи следует рассматривать как феномен, возникающий на стыке реализации намерений, потребностей и объективных условий общественного бытия. В этом смысле необходимо говорить о социальных настроениях или общественной психологии социальных групп и общностей, занимающих определенное место в системе общественных отношений и характеризующихся особым эмоциональным видением реальности.

Соединив понятие социальной группы с идеей о константах человеческого существования<sup>5</sup>, можно говорить и о константах общественного бытия, своеобразных «узлах взаимодействия» личности и общества (Ф.И. Минюшев), которые, с одной стороны, позволяют человеку адаптироваться к социальной среде, а с другой выступают факторами фрустрации потребностей и возникновения социальной тревожности. К числу таких констант следует отнести семью, пол, возраст, место жительства.

Вероятно, указанный перечень можно корректировать и дополнять, однако, как нам кажется, он является оптимальным с точки зрения анализа источников социальной тревожности в относительно стабильном социуме.

Формирование личности, ее эмоциональной сферы начинается в семье. Именно здесь ребенок учится отличать опасные жизненные ситуации от безопасных и усваивает страхи и тревоги, свойственные его родителям<sup>6</sup>. Исследования показывают, что родители тревожных детей чаще испытывают страхи и переживают их более интенсивно, чем родители детей эмоционально благополучных. Родители тревожных детей почти в 60 % случаев характеризуют свое психическое состояние как раздражительное, безрадостное, тогда как родители эмоционально благополучных детей более чем в 70% случаев эмоционально устойчивы, спокойны, склонны к позитивному настроению. Аналогичная картина наблюдается и среди детей. Тревожные дети, как правило, чувствуют себя в семье менее уверенно, чем нетревожные. Семья для тревожных детей не является фактором формирования ощущения безопасности<sup>7</sup>.

По признанию многих исследователей, значительную роль в формировании тревожности играют межличностные отношения. Отвергающий стиль воспитания или конфликтная атмосфера не способствуют появлению у ребенка чувства защищенности.

Отмеченные социально-психологические причины формирования тревожности имеют общественное значение. Если экстраполировать эти особенности внутрисемейных взаимоотношений на об-

щество, то можно с уверенностью говорить о том, что рост числа неблагополучных семей является предпосылкой формирования социальной тревожности. Не меньшую роль в возникновении социальных страхов играют и другие тенденции развития семьи на рубеже XX–XXI вв. К их числу принято относить ослабление прочности брака, падение ценности семейного образа жизни. Следствием этого является сокращение количества зарегистрированных браков, рост разводов, числа свободных союзов и внебрачных рождений<sup>8</sup>.

Развод становится одним из источников тревожности прежде всего у детей, поскольку они получают психическую травму. Исследователями установлено, что дети разведенных родителей переживают ощущение утраты и осознают себя уязвимыми перед силами, которые они не в состоянии контролировать<sup>9</sup>. Однако не меньше от развода страдают и родители, особенно те, на плечи которых ложится бремя выполнения родительских функций, до развода распределенных между супругами. Увеличение же обязанностей сопровождается ростом нервно-психической нагрузки, утратой психологической поддержки партнера, ухудшением морального состояния родителя, ростом чувства неуверенности в завтрашнем дне. У родителей-одиночек наблюдаются конфликтность и постоянные затруднения в самоконтроле при взаимодействии с другими людьми, раздражительность, снижение чувства жизнерадостности и удовлетворенности, а также тревожность и недостаточная эмоциональная отзывчивость<sup>10</sup>.

Можно предполагать, что рост числа разводов и детей, рожденных вне брака, является индикатором формирования социальной среды, питающей страх и тревогу и создающей для них предпосылки у детей, а затем и у взрослых. Одним словом, фиксируемые исследователями тенденции развития современной семьи очерчивают социальное пространство потенциальной тревожности и, быть может, ее программирования.

Как известно, возраст является не только биологической, но и социальной категорией, а потому каждому возрасту присущи свои специфические тревоги, обусловленные социальным положением представителей того или иного поколения, их статусом, социальными достижениями, успехами или неудачами. Поэтому возрастные границы одновременно выступают водоразделом страхов разных поколений.

Общепринято, что старение как очередной этап социализации связано с утратой социальных связей, уменьшением числа социальных ролей, трансформацией идентичности, снижением функциональных отправления организма и возможностей адаптации к но-



вым условиям. Все это отягощается изменением мотивации, сужением круга интересов, концентрацией на своем внутреннем мире, неуверенностью в завтрашнем дне и тревогой<sup>11</sup>.

Изоляция, утрата контактов с другими людьми вызывают у пожилых обеспокоенность и пессимизм в отношении будущего<sup>12</sup>. Да и сам по себе дом-интернат для престарелых является реальным и символическим обозначением места, в котором находятся отчужденные от общества люди.

В подобной ситуации своеобразным «островком безопасности» становится семья, где могут быть по-новому реализованы различные потребности. По данным проведенного в 1998 г. в Тверской области социологического исследования, при повышении семейных связей до 24,7% возрастает удельный вес оптимистов и убывает удельный вес пессимистов с 42,7 до 38,9%. Наибольшее же количество депривированных пожилых людей наблюдается среди тех, кто не имеет близких родственников или имеет их, но не поддерживает с ними отношений<sup>13</sup>.

Сказанное позволяет понять, почему представления о старости окрашены в мрачные тона. Как показывают результаты опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в апреле 2005 г., большинство россиян (70%) склонны оценивать старость как состояние, в котором практически нет никаких преимуществ. Старость представляется как период физического и социального умирания. Отвечая на вопрос о том, что первым приходит в голову респондентам, когда они слышат слово «старость», 23% назвали болезни, беспомощность, 22% – чувство одиночества и безысходности, 15% – бедность, 8% – близость смерти и отверженность<sup>14</sup>.

Свои специфические страхи и тревоги свойственны и молодежи. Прежде всего, следует отметить, что молодежь сталкивается с проблемой вхождения во взрослую жизнь и адаптации к условиям, предполагающим освоение новых социальных ролей. Однако этот процесс осложняется противоречием между уровнем притязаний молодого поколения и наличием опыта работы как показателя степени профессионализма, что и становится источником формирования страхов у молодых людей.

И опасения молодежи в данном случае небезосновательны. Так, начиная с 1992 г. в структуре безработицы в России доминировала молодежь. В 1992 г. ее доля составляла почти половину (48,5%) от общей численности безработных. И хотя к концу XX в. ее доля несколько сократилась, в 2003 г. вновь обнаружился рост (40,8%). Каждый третий представитель молодежи не имел возможности найти подходящую работу, а более  $\frac{2}{5}$  трудилось не по специальности<sup>15</sup>.

Конфигурацию страхов молодежи и пожилых во многом определяют социально-экономические условия, провоцирующие враждебность и конфликт поколений. В современном обществе, в отличие от традиционного, возрастной статус не гарантирует материального успеха, благополучия, уважения и высокого социального положения. В связи с этим весьма показательным является тот факт, что презентизм в наибольшей степени присущ социально незащищенным слоям пожилых, перед которыми возникает угроза удовлетворению жизненно важных потребностей<sup>16</sup>. Когда пожилой человек оказывается выключенным из системы прежних социальных связей, он переживает беспокойство по поводу экономического состояния своей дальнейшей жизни.

В условиях высоких темпов научно-технического и экономического развития фактором возникновения социальной тревожности становится усиление дифференциации на рынке труда, интенсивное возникновение одних отраслей экономики и исчезновение других, предъявляющее более высокие требования к ротации, гибкости трудовых навыков, готовности к переобучению, переработке больших объемов информации, что нередко затруднительно в ситуации старения организма.

Подобные условия отсутствовали в традиционном обществе, где длительное время технологическая основа хозяйства не изменялась. Пожилой человек чувствовал себя уверенным, поскольку почитался как агент трансляции социального опыта. В современном обществе, социальные институты которого берут на себя функцию трансляции опыта, такая уверенность исчезает.

Среди существенных факторов возникновения социальных страхов и тревог следует отметить гендер. Как демонстрируют проведенные в 1998 и 2001 гг. социологические исследования, женщины испытывают страх и тревогу в два раза сильнее, чем мужчины<sup>17</sup>. А исследования 1999 г. свидетельствуют о том, что общий уровень тревожности у женщин выше, чем у мужчин – 78% женщин и 59% мужчин испытывали сильную тревогу и постоянный страх перед лидирующей опасностью<sup>18</sup>.

Показателем специфики гендерных страхов является доля женщин в структуре такой профессиональной группы, как предприниматели, для которых риск выступает элементом их повседневной деятельности – количество мужчин среди предпринимателей почти в два раза выше женщин<sup>19</sup>.

Гендерная специфика социальной тревожности во многом обусловлена социализацией и усвоением гендерных стереотипов. Исследования гендерных различий в мотивации достижения показали, что гендерная идентификация коррелирует с уровнем страха.

В частности, женщинам свойственен мотив боязни успеха, выраженный в ожиданиях негативных последствий успешной деятельности, ее избегании или отрицании. «Демонстрация высоких возможностей для достижения успеха вредит их привлекательности в глазах других людей, особенно мужчин»<sup>20</sup>. Однако, как установили исследователи, страх склонны испытывать и мужчины, если добиваются высоких результатов в немужских видах деятельности<sup>21</sup>.

Помимо гендерных стереотипов, страхи женщин детерминированы объективными процессами феминизации, формирующей экономическое неравенство мужчин и женщин. Например, в середине 1990-х годов в России 65% безработных приходилось на женщин. Именно они составляли значительную долю занятых на тяжелых и вредных работах, а заработная плата женщин в указанный период была ниже среднего размера зарплаты в полтора раза<sup>22</sup>.

К числу объективных предпосылок тревожности у женщин следует отнести и проблему супружества, актуальную с точки зрения своевременной реализации репродуктивной функции. Демографические перекосы, выражающиеся в преобладании женщин над мужчинами, детерминированы в том числе и большей биологической жизнестойкостью женского организма, более важного, чем организм мужчин, для сохранения вида<sup>23</sup>, могут служить социально-демографической предпосылкой страхов и тревог у женщин. Например, по данным ВЦИОМ (апрель 2006 г., январь 2007 г.), женщины в большей степени (23%), чем мужчины (17%), переживают страх одиночества и опасаются старости, болезней, беспомощности (12 и 9% соответственно)<sup>24</sup>. Тем самым эффективная демографическая политика может рассматриваться как основа для преодоления женских страхов.

Формирование социальной тревожности непосредственно связано с местом жительства. Возникшие на основе общественного разделения труда на сельскохозяйственный и несельскохозяйственный, село и город порождают свой особый образ жизни, формирующий определенное эмоциональное отношение к действительности.

Как известно, город как специфическая среда обитания характеризуется скученностью, высокой мобильностью, плюрализмом субкультур, формальными отношениями с множеством малознакомых или вовсе незнакомых людей и анонимностью общения, а также ростом социальной изоляции и отчуждения. Одним словом, город представляет собой среду, в которой одинокий и отчужденный от других человек оказывается беззащитным перед лицом опасностей, создаваемых гетерогенным и дискретным городским пространством. Не случайно поэтому З. Бауман обратил внимание на различие страхов и тревог жителей современного города и городов

прошлого, которым сегодня соответствуют небольшие города или сельские сообщества. Население города традиционного общества было однородным, а потому подозрительно и враждебно относилось к чужакам, от которых старалось отгородиться и тем самым обезопасить себя. В современном городе человек вынужден ежедневно сталкиваться с чужаками, превратившимися, по выражению З. Баумана, во «внутреннего врага», от которого теперь отделяются не городскими стенами, а стенами собственных домов и квартир<sup>25</sup>.

В свою очередь, среди множества характеристик сельского образа жизни, прежде всего, следует отметить близость к природе и зависимость от природных процессов. Несмотря на механизацию, трудовая деятельность жителей села определяется природными условиями, а значит, и современный сельский житель не застрахован от непредсказуемости природы. К тому же ограничивающая социальную мобильность привязанность к земле как основному источнику дохода выступает фактором, способным породить тревогу, вызванную угрозой утраты средств к существованию.

Очевидно поэтому у жителей села наблюдается ярко выраженная тревога по поводу природных бедствий, неурожая, безработицы, обнищания, бедности, тогда как среди жителей столичных городов уровень тревожности, детерминированный этими проблемами, гораздо ниже<sup>26</sup>, что связано с естественными для мегаполиса возможностями улучшения своего материального положения.

С другой стороны, сельский образ жизни создает условия, предохраняющие от страхов и тревог, встречающихся у горожан. Например, меньшая гетерогенность социального пространства села избавляет его жителей от страха перед представителями иных сообществ, находящихся в непосредственной близости. А отсутствие анонимности в общении и более высокий непосредственный контроль за членами сельского сообщества избавляет от тревоги по поводу необходимости установления формальных правил, поддерживающих минимум необходимого доверия и снижающих риски взаимоотношений с незнакомцами.

Бесспорно, вряд ли правомерно устанавливать жесткую причинно-следственную связь между охарактеризованными выше константами общественного бытия и социальной тревожностью. Тем не менее перечисленные факторы в той или иной степени провоцируют возникновение, циркуляцию и содержание этого социального настроения. Константы общественного бытия создают социальную среду, потенциально включающую условия фрустрации потребностей, что и становится источником формирования социальной тревожности в относительно стабильном социуме.

- <sup>1</sup> *Спилбергер Ч.Д.* Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги // Стресс и тревога в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1983. С. 12–14; *Березин Ф.Б.* Психическая адаптация и тревога. М.: Медицина, 1988. С. 13, 19; *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. С. 92.
- <sup>2</sup> См.: *Семченко А.Т.* Современный апокалипсис: критика идеологии катастрофизма. М.: Политиздат, 1989; *Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э.* Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000; *Сидорина Т.Ю.* Философия кризиса. М.: Флинта; Наука, 2003.
- <sup>3</sup> *Андрусенко В.А.* Социальный страх. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 168.
- <sup>4</sup> См.: *Баринев Д.Н.* Социоструктурные источники тревожности // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Вып. 10 (66). С. 146–150.
- <sup>5</sup> Эту идею обосновал *Ф.И. Минюшев*. В его концепции такими константами являются труд, доминирование, любовь, игра и смерть. Однако, несмотря на продуктивность предложенных категорий, они не вполне применимы к анализу социальной тревожности в рамках излагаемой концепции. См. подробнее: *Минюшев Ф.И.* К вопросу «Куда идет Россия?» // Вестник Моск. ун-та. Серия «Социология и политология». 2008. № 1. С. 41–47.
- <sup>6</sup> *Раттер М.* Помощь трудным детям. М.: Прогресс, 1987. С. 249.
- <sup>7</sup> *Прихожан А.М.* Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. СПб.: Питер, 2007. С. 132, 136.
- <sup>8</sup> *Вишневский А.* Современная семья: идеология и политика // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 110–111; *Карцева Л.В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 95–98.
- <sup>9</sup> *Кирьянова О.Г.* Кризис американской семьи. 2-е изд., доп. М.: Педагогика, 1987. С. 112–113.
- <sup>10</sup> *Сысенко В.А.* Супружеские конфликты. М.: Финансы и статистика, 1983. С. 110–111. См. также: *Захаров А.И.* Психологические особенности диагностики и оптимизации взаимоотношений в конфликтной семье // Вопросы психологии. 1981. № 3. С. 60–61.
- <sup>11</sup> *Молевич Е.Ф.* К анализу сущности и формы социальной старости // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 61; *Максимова С.Г.* Старость: социальное отчуждение или социальное принятие? // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2002. № 4. С. 183.
- <sup>12</sup> Там же. С. 192.

Д.Н. Баринов

- 13 *Парахонская Г.А.* Пожилой человек в семье // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 106–110.
- 14 Старость [Электронный ресурс] // Сайт фонда «Общественное мнение». [М., 2003–2007]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd051811> (дата обращения: 07.09.09).
- 15 *Попов В.Г.* Безработица молодежи // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т. М.: Альфа-М, 2006. Т. 12. С. 160.
- 16 *Козлова Т.Э.* Социальное время пенсионеров // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 133.
- 17 *Астафьев Я.У., Хохлушкина Ф.А.* Массовый страх в регионе // Страхи и тревоги россиян. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. С. 132–133.
- 18 *Шубкин В.Н., Иванова В.А.* Страх и тревога в современной России // Страхи и тревоги россиян. С. 68–69.
- 19 *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Некоторые аспекты современной жизни предпринимателя // Россия реформирующаяся. Ежегодник. М.: ИС РАН, 2007. Вып. 6. С. 184.
- 20 *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. 2-е изд. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2003. С. 394–395.
- 21 *Аронсон Э.* Общественное животное. Введение в социальную психологию. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 326; *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. С. 316. Ср.: «Конечно, и мужчины и женщины как человеческие существа могут в равной степени бояться экзистенциальных катастроф и бедствий – тех, которые напрямую угрожают их существованию. Но мужчине культурой предписано быть “сильным”, презирать опасности, игнорировать угрозы. И многие из них соответствующим образом отвечают, демонстрируя здесь свой оптимизм и полную индифферентность по отношению к “бабским страхам”. А женщина может позволить себе трезво оценивать опасности и угрозы, обходить острые углы и “не нарываться на неприятности”. Что же касается бедствий, ни в коей мере не угрожающих существованию человека, то здесь гендерный признак не играет роли. По поводу этих опасностей женщины и мужчины выступают как обычные социальные существа и дают сходные ответы» (*Шубкин В.Н., Иванова В.А.* Указ. соч. С. 133).
- 22 Экономика и жизнь. 2000. № 9 (8807). С. 1.
- 23 *Урланис Б.Ц.* Народонаселение: исследования, публицистика: Сб. статей. М.: Статистика, 1976. С. 327.
- 24 База данных «Архивариус» от 22.04.2006 [Электронный ресурс] // Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. [М., 2006]. URL: [http://wciom.ru/zh/print\\_q.php?s\\_id=93&q\\_id=7740&date=22.04.2006](http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=93&q_id=7740&date=22.04.2006) (дата обращения: 10.09.09); База данных «Архивариус» от

28.01.2007 [Электронный ресурс] // Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. [М., 2007]. URL: [http://wciom.ru/zh/print\\_q.php?s\\_id=432&q\\_id=34699&date=28.01.2007](http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=432&q_id=34699&date=28.01.2007) (дата обращения: 10.09.09).

- <sup>25</sup> *Бауман З.* Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 71. Ср.: «Огромные массы людей вдали от Природы, в каменных ущельях; жизнь “в одиночку”, несмотря на давку в общественном транспорте; в современном городе человек предоставлен сам себе в гораздо большей степени, чем раньше» (*Моисеев Н.* Мегалополисы // Свободная мысль. 1997. № 3. С. 65).
- <sup>26</sup> *Шубкин В.Н., Иванова В.А.* Указ. соч. С. 73–74.



О.В. Китайцева

ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИЧЕСКОГО  
ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ  
С ПОЗИЦИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ  
П.А. СОРОКИНА

Процессы трансформации, которые на протяжении последних двух-трех десятилетий происходят в российском обществе, сильно изменили сферу потребления. Опираясь на положения социокультурной парадигмы П.А. Сорокина, автор делает важный вывод о том, что современная Россия подверглась духовной экспансии чувственной гедонистической культуры Запада, одним из проявлений которой является трансформация потребительского поведения в симуляцию, в потребление «симулякров», что приводит к процессу манипулирования знаками. Сегодня именно «симулякр Запада» во многом определяет ценности и модели потребительского поведения россиян, вследствие чего в России продолжает развиваться системный кризис. Преодолев влияние доминирующего «симулякра Запада», Россия сможет осуществить переход к новой социокультурной системе, основанной на гуманизации человеческих отношений, где будут совмещены чувственные и идейные ценности.

*Ключевые слова:* социокультурная динамика, символическое потребление, «симулякры», гедонистическая культура.

В XXI столетии человечество все более остро ощущает, что ситуация во всех сферах человеческой жизнедеятельности стала критической. Об этом свидетельствуют не только катаклизмы прошлого века, но и современный глобальный кризис, показатели которого в нашем веке особенно обострились. В связи с этим особую актуальность приобретает рассмотрение путей выхода из сложившейся кризисной ситуации, основанных на различных интерпретациях природы самого кризиса. Автор считает, что первопричины существующего кризиса, которые главным образом проявляются в деформации системы духовно-нравст-

---

© Китайцева О.В., 2011



венных ценностей, при всей значимости экономических и субъективных факторов следует искать в социокультурной сфере человеческой жизнедеятельности. Основные социальные изменения, происходящие в современном обществе под воздействием экономического кризиса, мы будем рассматривать в рамках социокультурной парадигмы, которая лежит в основе всех цивилизационных процессов.

Для рассмотрения данного вопроса в наибольшей степени подходит макротеория социокультурной динамики П.А. Сорокина. В ней социолог проанализировал источники и движущие силы социальных изменений и их диалектику в обществе. Признавая большую роль теорий, в которых подчеркивается значение географического, биологического, психологического факторов в социокультурном изменении, он считал, что «основные достижения ... принадлежат социологическим теориям, которые рассмотрели различные социальные и культурные факторы как главные движущие силы социокультурного изменения»<sup>1</sup>.

Анализируя общественную реальность в историческом срезе, П.А. Сорокин характеризовал ее как иерархию различных социальных и культурных систем, начиная с мелких и кончая самыми крупными и объемными суперсистемами. Последние существуют на протяжении столетий, охватывают все виды социальных взаимодействий, все формы материальной и духовной жизни людей, включая науку, искусство, религию, язык и т. д. В каждую историческую эпоху доминирует и господствует одна из культурных суперсистем, в структуре которой можно обнаружить как остатки ее «предшественницы», так и ростки «наследницы». При этом человеческая история трактуется как процесс динамического чередования трех типов социокультурных (цивилизационных) суперсистем: идеационной, идеалистической и чувственной. Процесс ломки одного типа системы и установления другого есть цивилизационный кризис, который является показателем исчерпанности базовых ценностей общества. Идеационный и чувственный типы являются базовыми, идеалистический тип представляет собой своеобразный симбиоз двух предыдущих.

Применительно к России в настоящее время мы отслеживаем наличие признаков цивилизационного кризиса. «Настоящий кризис носит не обычный, а экстраординарный характер. Это – не просто экономические или политические неурядицы, кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Это – кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это – кризис форм социальной, политической и экономической организа-

ций, включая формы брака и семьи. Короче говоря, это – кризис почти всей жизни, образа мыслей и поведения...»<sup>2</sup>

Причиной такого состояния является отлучение современной России от «ценностей коммунистической идеологии и, в значительной степени, от православной культуры»<sup>3</sup>. Другими словами, «советское государство времен застоя, представляющее собой социокультурную суперсистему смешанного типа, в которой идеологический (ценностный) компонент был идеалистическим, а экономико-социальный – идеационным»<sup>4</sup> в условиях падения идеалов коммунизма и образовавшегося вакуума ценностей подверглось духовной экспансии чувственной гедонистической культуры и социального порядка. Как указывает П.А. Сорокин в работе «Основные черты русской нации в XX столетии», «кроме всего прочего, официальная советская философия диалектического материализма Маркса–Ленина в некоторых отношениях является не менее материалистической и более идеалистической, чем такие течения западной философии, как атеистический экзистенциализм, фрейдизм, прагматизм, агностицизм, позитивизм и некоторые другие». Следовательно, российское общество должно было сделать плавный переход от идеационной системы к идеалистической. Такой переход не сопровождается цивилизационным кризисом, так как эти системы не антагонистические и последняя является лишь смягченной формой первой.

Драма сегодняшней России состоит в том, что был прерван путь специфического национального развития страны в рамках сохранения идеалистического по своей сути социализма, который мог привести к материальным и духовным достижениям, сопоставимым с достижениями западной цивилизации. Страна была обречена на путь слепого космополитического копирования социокультурной суперсистемы Запада. Хотя П.А. Сорокин на основе обширных доказательств констатировал: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань...»<sup>5</sup>

Таким образом, наша страна обрекла себя на путь невосполнимых материальных и духовных потерь в результате привнесения в Россию органически не присущей ей системы этики, которая уже давно несла на себе «кризисные» черты, основными проявлениями которых являлось разрушение морально-нормативных преград аномии и девиантности во всех сферах общественной жизни. Следовательно, можно сказать, что современная Россия переживает не просто период радикального социально-экономического и полити-

ческого реформирования, но период болезненного, насильственного перехода от идеационно-идеалистической к чувственной социокультурной системе западного образца. Общество при движении от идеационной к чувственной системе неизбежно сталкивается с цивилизационным кризисом, так как данный переход сопровождается сменой основополагающих социокультурных ориентиров. В результате в обществе образовался ценностный вакуум – отсутствие не подлежащей сомнению системы ценностей, – который и положил основы и предпосылки кризиса во всех сферах жизнедеятельности российского общества.

Таким образом, можно сделать вывод, что сейчас, когда Россия находится на цивилизационном изломе, для того, чтобы справиться с дезорганизацией, необходима новая система ценностей, новые духовные ориентиры как для человека, так и для всего общества в целом. Если в качестве стратегии выхода из нынешнего кризиса рассматривать переход к «новой социокультурной системе, основанной на гуманизации человеческих отношений»<sup>6</sup>, то очевидна необходимость провозглашения своей национальной идеи, которая определит цели, идеалы и перспективу общественного развития.

Однако, несмотря на действия властей, предпринимаемые в нашей стране для повышения значимости социокультурной составляющей, усилия по модернизации общества пока не приносят значимого эффекта. Это, прежде всего, обусловлено упорным нежеланием отказаться от западной либеральной идеологии, которая является фундаментом всей чувственной культуры. Современный опыт показал, что либеральная система ценностей является симптомом глубокого кризиса нынешней цивилизации и отчуждения личности. Одним из главных препятствий на пути преодоления отчуждения личности от общества является ориентация ее на потребление. Причем за последние 2–3 десятилетия характер потребления в мире и России существенно изменился, что связано с появлением и развитием новых особенностей потребления в современном обществе потребления, вытекающих из такой его характеристики, как все большая ориентация на символическое потребление товаров и услуг.

Постиндустриальное общество подчиняется вещам не только на материальном, но и на глубоко символическом уровне. «Ныне, когда исчезают религиозные и идеологические инстанции, нашим единственным утешением остаются вещи; это бытовая мифология, в которой гасится наш страх времени и смерти»<sup>7</sup>. Таким образом, вещи стали для атомизированных, не верующих в Бога потребителей основной ценностью. «Свобода быть собой, – писал Ж. Бод-

рийяр, – фактически означает свободу проецировать свои желания на промышленные изделия»<sup>8</sup>.

Опираясь на выдвинутую Ж. Бодрийяром концепцию, применительно к современному обществу мы можем рассматривать потребительскую активность как практику манипулирования знаками. Здесь знак может иметь разные аспекты: знак счастья, престижа, ценности и т. д., но в любом случае это объект потребления и всегда знак заменяет собой реальность: реальную жизнь, реальные отношения. «Объекты вытесняют из жизни человека других людей, а сам он исчезает как субъект, превращаясь в человека-объект, который, подобно вещи, выполняя определенную функцию, фигурирует в межчеловеческих отношениях»<sup>9</sup>.

Знаковое потребление сегодня охватывает всю жизнь людей, начиная от потребления вещей и до потребления среды человеческой жизни, куда входят труд, досуг, культура, социальная сфера, природа. Все названное входит в человеческую жизнь в виде потребляемых знаков, «симулякров», превращая всю ее в симуляцию, в манипуляцию знаками. «Симуляция означает обретение знаками, образами, символами самодостаточной реальности»<sup>10</sup>. При этом сама трактовка симуляции может заключаться в понимании симулякров как интегрированных образов и смыслов для различных социальных групп и целых народов, которые аккумулируют в себе достаточно большую долю иллюзорных представлений и мечтаний. В связи с этим акцент при анализе потребления может быть перенесен на иллюзорный аспект представлений, смыслов и образов, которые формируются в обыденном сознании членов общества потребления.

Для России при сравнении симулятивных составляющих в потребительских практиках советского и постсоветского потребления присутствует некая преемственность, выраженная в наличии главенствующей роли симулякра «Запада»<sup>11</sup>. Причем если в советский период представления о западной модели потребления формировались из обрывочной информации, просачивающейся через «железный занавес» и дополненной воображением, то в постсоветский период симулякр «Запада» также продолжает существовать и играть важную роль, многократно отраженный в телевидении, литературе и СМИ, благодаря которым он стал доступен массовому потребителю. Кроме этого, он еще усиливается симулякрами богатства и праздности, которые продвигают в массовое сознание образ роскошного потребления, полной апатии по отношению к общественно значимым проблемам. Отметим, что сегодня под «хорошей жизнью» россияне понимают прежде всего собственный дом (отмечают 69% опрошенных), счастливый брак (65%) и высокооплачиваемую работу (57%). Причем по сравнению с 1991 г. значимость

этих ценностей в общественном мнении возросла (в 1991 г. их отмечали по 45–49% респондентов). Далее в списке атрибутов хорошей жизни следуют машина (34%), интересная работа (30%), много денег (29%), двое детей в семье и высшее образование для своих детей (по 27%). Важно отметить, что значимость интересной работы, приносящей пользу обществу, снизилась с 43 до 30%<sup>12</sup>. Таким образом, мы видим, что сегодня основные ценности массового сознания россиян очень индивидуализированы и ориентированы на достижение личного благополучия.

В целом за последние 10–15 лет россияне стали более циничными (так полагают 54% опрошенных против 14%) и образованными (43% против 34%), но зато в россиянах, по их же мнению, стало меньше честности (66% против 9%), доброжелательности (63% против 11%), искренности (63% против 9%), бескорыстия (67% против 8%), патриотизма (60% против 17%). Ослабло взаимное доверие (65% против 9%), верность товарищам (49% против 12%), способность к сотрудничеству (35% против 27%), трудолюбие (43% против 30%). Морально-нравственный климат в обществе в целом за последние годы изменился, по мнению большинства, в худшую сторону<sup>13</sup>. С одной стороны, основные ценности в сознании россиян приобретают индивидуализированный характер, отражая стремление к личному обогащению и счастью только для себя. С другой стороны, общество обеспокоено ухудшением морально-нравственного климата в целом. Таким образом, в современном обществе мы можем диагностировать наличие ценностного парадокса. «Парадоксальность в российском обществе постоянно проявляется в поведении и сознании людей – многие из них заявляют или декларируют одни цели и жизненные ориентации, а на деле осуществляют иные, иногда прямо противоположные установки»<sup>14</sup>.

Сопоставление российского общества с бодрийеровской моделью общества потребления показывает, что удивительный мир, в котором рушатся социальные, политические, идеологические связи и их место занимает знаковое потребление, приводит к разрушению общественных связей в силу безразличия масс к любому рациональному проекту, к любой идеологии. В своей работе «Общество потребления» Ж. Бодрийяр показывает, что вопреки видимости, создаваемой идеологиями, людей в развитых обществах связывают не демократические, эгалитарные ценности, не вера в верховенство нации и права личности, а потребление, которое обеспечивает дифференциацию людей и их сходство, заданное определенными потребительскими моделями. В этом смысле интеграция общества происходит путем подмены существующих противоречий различиями в стиле потребления: «Решение социального противоречия состоит не в

уравнивании, а в дифференциации»<sup>15</sup>. Но подобную интеграцию вряд ли можно считать прочной; не может быть стабильности в обществе, где реальные личности исчезли, уступив место персонализированным индивидам, для которых реальные интересы и страсти заменены манипуляциями объектами-знаками. И такое общество, когда массы все превращают в «зрелище», общество «спектакля», по мнению Ж. Бодрийера, не может быть устойчивым и вызывает предчувствие катастрофы. «Наша система достигла стадии предельной насыщенности и теперь начинает опошляться... происходит нивелирование ценностей», по мнению Бодрийера, это происходит на мировом уровне: «все культуры упрощаются, делаются всеобщим достоянием... и в этот момент всеобщего упрощения окончательно уходит страсть, идеал... речь идет о движении к тотальной банальности, но это очень похоже на деградацию»<sup>16</sup>.

«Западная система входит в фазу энтропии, ее энергетика истощается»<sup>17</sup>, но, несмотря на это, практически все народы оказались втянутыми в копирование модели западной культуры общества потребления в той или иной степени, причем «процесс идет с ускорением, последствия теряют нормальные пропорции, рациональный порядок вещей уходит, нормальные причинно-следственные связи утрачиваются. Словом, хаос»<sup>18</sup>. Наступает эффект пресыщения, так как нарастает количество свободы, которое «в умеренном количестве есть благо, а в избыточном – зло», параллельно растет тоска и тревога. «Освобождаются силы добра, но одновременно освобождаются и силы зла»<sup>19</sup>, которые зачастую оказываются активнее, и начинается «гонка преследования»<sup>20</sup>, приводящая к кризису.

Анализ реальной ситуации в нынешней России позволяет сделать вывод о том, что все попытки насаждения «чувственной суперсистемы западного образца оказались неудачными и в значительной степени продемонстрировали исчерпанность самой социокультурной суперсистемы Запада»<sup>21</sup>. Современная Россия сейчас имеет практически все признаки цивилизационного кризиса, о которых говорил П.А. Сорокин: обеднение в масштабе нации, повышенная внутри- и внешнеполитическая конфликтность, резкий рост преступности, рост числа душевнобольных и самоубийств, кризис семьи. Находясь во всеобъемлющем кризисе, в стране сложилась ситуация, когда население отчуждено от власти, парализовано производство, прогрессирует социальное неравенство, попораны исконно русские идеалы справедливости, бескорыстия и добра.

При этом чрезвычайно актуальными для нас становятся рецепты выхода из кризиса, данные великим мастером, который видел выход из нынешнего кризиса в неизбежном восстановлении «идеациональной» культуры с ее абсолютными религиозными идеалами. Свое глав-

ное пророчество в отношении будущего человечества П.А. Сорокин сформулировал так: «Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступивших сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различаем расцвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение – людей будущего»<sup>22</sup>.

Таким образом, оценивая реальное историческое положение России в цивилизационном развитии, когда умирающая чувственная, гедонистическая, эгоцентрическая культура Запада тащит за собой в глубокую пропасть небытия Россию и другие страны, чтобы справиться с дезорганизацией, которая всегда сопровождает такой переход, необходима новая система ценностей, новые духовные ориентиры. Однако нахождение обществом таких ориентиров осложнено укоренившимся в сознании россиян симулякром «западного» потребления, который привнес нам иллюзию соприкосновения с вожделенным богатством и который продолжает иметь символическую ценность и является для нас образцом для подражания, навязанным нам массовой культурой общества потребления. Все это на сегодняшний день тормозит реализацию любых программ по выходу из кризиса, т. к. необходимо не реанимировать имеющиеся идеалы, а решительно от них отказаться и перейти к новой идеациональной культуре, потому что «великая задача нашего и следующих поколений состоит не в безнадежном воскрешении того, чего уже нет, а в решении других проблем: во-первых, сделать этот переходный период как можно более безболезненным и, во-вторых, составить конструктивные планы для будущего общества и будущей культуры»<sup>23</sup>.

---

Примечания

- <sup>1</sup> Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. С. 386.
- <sup>2</sup> Там же. С. 429.
- <sup>3</sup> Материалы ежегодной научной конференции Сорокинские чтения «Актуальные проблемы социологической науки и социальной практики». 17–18 декабря 2002 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт электронной библиотеки социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. URL: <http://lib.socio.msu.ru> (дата обращения: 10.04.2010).

О.В. Китайцева

- 4 Там же.
- 5 Человек. Цивилизация. Общество. С. 427.
- 6 *Кравченко С.А.* П.А. Сорокин о природе социальных кризисов, путях их преодоления и современность. Доклад на международной научной конференции «Научное наследие Питирима Сорокина и перспективы динамики цивилизаций в XXI веке». 25 марта 2009, Москва, Президентский зал РАН [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской академии наук. URL: <http://isprras.ru/pics/File/Sorokin/Kravchenko.pdf> (дата обращения: 10.04.2010).
- 7 *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1999. С. 108.
- 8 Там же. С. 20.
- 9 *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М.: Библион – Русская книга, 2003.
- 10 *Кравченко С.А.* Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М.: Экзамен, 2003.
- 11 *Папушина Ю.О.* Вещь, товар, знак: потребление и коммуникация // Личность, культура, общество. 2007. Т. 9. Вып. 1 (34). С. 158–165.
- 12 Русское счастье: свой дом, счастливый брак, высокооплачиваемая работа. Пресс-выпуск № 675 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/4400.html> (дата обращения: 10.04.2010).
- 13 Исследование «Нравственность и сила» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: [http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4123.html?no\\_cache=1&cHash=a360c33fb1](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4123.html?no_cache=1&cHash=a360c33fb1) (дата обращения: 10.04.2010).
- 14 *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 65.
- 15 *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006.
- 16 *Архангельская Н.* Меланхолический Ницше // Эксперт. 2002. Апрель.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 *Добреньков В.И.* Кризис нашего времени в контексте теории социокультурной динамики Питирима Сорокина. Материалы V всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения». 1–2 декабря 2009 г. Москва [Электронный ресурс] // Официальный сайт социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.socio.msu.ru/?s=science&p=sorokin09-1> (дата обращения: 10.04.2010).
- 22 Человек. Цивилизация. Общество.
- 23 *Добреньков В.И.* Указ. соч.





А.Н. Бабаян

## КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ДЕЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Существование современной экономики, деятельность различных организаций и социальных групп невозможно представить без банков. Банк – весьма сложная организация. Описание банка с позиции теории организаций продиктовано необходимостью изучения различных процессов, которые могут в нем протекать, к примеру, карьерные. Понимание типа бизнес-функций и бизнес-процессов, состояния внешней среды, структуры, внутренней среды банковской организации позволяет более точно определить и проанализировать ее роль в становлении и развитии субъекта деятельности.

*Ключевые слова:* деловая организация, банковская система, коммерческий банк, функции организации, цели организации, бизнес-функции, бизнес-процессы, внутренняя среда организации, внешняя среда организации, организационная структура организации.

Данная статья представляет собой попытку осмысления специфики коммерческого банка как деловой организации, выполняющей особые функции в системе социально-экономических отношений.

Изучение деятельности коммерческих банков и банковского дела нельзя отнести к новым и слабо изученным темам. Это традиционно популярная тема у исследователей, действующих в рамках многих поведенческих и управленческих наук. При этом исторически сложилось так, что в силу специфики банков как организаций, выполняющих по преимуществу финансовые функции, эта тема обычно рассматривается в работах экономистов, а также специалистов по финансовому менеджменту и юристов. Однако данная тема недостаточно разработана в работах социологов, несмотря на то,

А.Н. Бабаян

что именно эта группа ученых, как в России, так и за рубежом, внесла наиболее существенный вклад в изучение деловых организаций и в становление положений современной теории организаций.

В экономических науках коммерческий банк (как, впрочем, и банк любого типа) обычно рассматривается в привязке к состоянию и уровню развития общей банковской системы. При этом акцент в этих работах обычно делается на изучении не столько специфики самой организации, сколько на процессах и банковских технологиях, а также на выявлении особенностей банковского дела. Нельзя не отметить и того, что сфера интересов в рамках этих работ обычно не выходит за пределы предметной проблематики экономической науки. К числу специалистов, работающих в рамках такой логики, можно отнести А.А. Казимагомедова, Т.А. Сафронову, В.М. Усопкина, В.А. Москвина, П.О. Савичева и ряд других авторов<sup>1</sup>.

Несколько иная линия в изучении банков просматривается в группе исследователей, работающих в поле финансового менеджмента. Здесь акцент делается на изучении банковских процессов и специфики той деятельности, которую осуществляют эти банки с целью извлечения прибыли. К числу авторов, изучающих данное явление, можно отнести В.А. Трайнева, М.Б. Багиян, Т.Н. Лобанову, К.А. Нажмутдинову, И.В. Пещанскую и др.<sup>2</sup>

И в том, и в другом случае финансово-экономическая деятельность банка здесь отрывается от специфики банка как организации – специфического коллективного социального субъекта, деятельность которого напрямую связана с выполнением банковских функций<sup>3</sup>. Именно попытка соединить финансово-экономические функции коммерческого банка с их социальной спецификой и составляет содержание данной статьи.

Мы попытаемся рассмотреть банк как специфическое социальное образование, сущность, функции и структуру которого, по нашему мнению, можно понять и воспроизвести только на стыке двух специальных социологических теорий: социологии организаций и экономической социологии.

Переходя к решению этой задачи, мы обратимся сначала к существующим определениям банка как субъекта экономической деятельности и социального образования. Характерно, что большая часть этих определений была сформулирована экономистами и финансовыми менеджерами. Хотя на сегодняшний день есть множество различных определений банка, по факту все их можно свести к трем базисным определениям, берущим в свою основу выделение в качестве главной той или иной выполняемой ею по отношению к обществу социальной функции.

Первое определение трактует банк как специфический денежно-кредитный институт (Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Ф.С. Мишкин, В.В. Тен, Б.И. Герасимов и др.)<sup>4</sup>.

Второе определяет банк как посреднический институт, который связывает между собой различных хозяйствующих субъектов (И.Т. Балабанова, О.И. Лаврушин и др.)<sup>5</sup>.

Третье трактует его как деловую организацию, производящую определенный тип продукта (или услуги), принципиально отличающегося от продуктов, создаваемых в сфере материального производства (О.И. Лаврушин, Е.В. Иода, И.Р. Унанян, Е.Ф. Жуков и др.)<sup>6</sup>.

Характерными чертами всех рассмотренных определений являются следующие: во-первых, все авторы при определении сущности банка делают попытку определить банк либо как воспроизводимую систему социальных отношений, которая противопоставляется организации (здесь воспроизводится типичная для институциональной экономики трактовка понятия «институт»), либо, в противовес социальному институту, как организацию. Последняя трактуется как созданное людьми специфическое инструментальное социальное образование (система средств социальной регуляции), ориентированное на выполнение какой-либо одной, наиболее важной экономической или социальной функции или задачи.

Во-вторых, в основу понимания специфики банка кладутся определения организации, отдельные социальные и экономические функции, которые те или иные авторы рассматривают как базовые.

Оставляя пока открытым вопрос о том, насколько правомочным с точки зрения социолога является противопоставление социального института организации, остановимся на второй проблеме – проблеме уточнения базовых функций банка. Как нам представляется, ни одна из названных выше социальных или экономических функций применительно к банку не является главной и ни одна не исключает другую. При этом и сам перечень таких функций может быть существенно дополнен.

В этом свете правомочно обобщенное определение банка, данное О.Ю. Свиридовым, а также названный им перечень выполняемых банком базовых функций<sup>7</sup>.

Свиридов трактует банк как институт кредитно-банковской системы, организующий движение ссудного капитала с целью получения прибыли. Он утверждает, что сущность банка проявляется в его функциях. В качестве таковых он называет:

– аккумуляцию и мобилизацию денежного капитала. С помощью этой функции банков происходит сосредоточение вре-

- менно свободных денежных средств юридических и физических лиц и превращение их в капитал;
- посредничество в кредите. При этом прямые отношения между кредиторами и заемщиками невозможны из-за несовпадения суммы и срока капитала, предлагаемого в ссуду, и потребностью заемщика в них. Банки, выполняя роль посредника в кредите, устраняют эти затруднения;
- создание кредитных денег. Данная функция является особой функцией банков по созданию кредитных денег в виде банковских депозитов, которые используются с помощью чеков, пластиковых карточек, электронных переводов.

Что же касается проблемы типичных для экономической науки противопоставлений при определении сущности банка (социальный институт или организация), то, по нашему мнению, такое противопоставление в рамках социологии не представляется оправданным. Дело в том, что в рамках социологии сама проблема формирования воспроизводства социальных отношений (что и составляет содержание процесса институционализации) не сводится к системе создания и юридического закрепления или неких рационально установленных, или манифестированных правил.

В отличие от трактовки института, принятого у экономистов и юристов, для социологов процесс институционализации социальных или экономических взаимодействий (формирование повторяющихся и воспроизводимых взаимодействий) – это слабо социокультурный процесс, неотделимый от процесса постепенного формирования системы средств контроля и агентов контроля. Но одновременно именно с формированием таких средств, а также агентов контроля и связано формирование самой организации. Именно поэтому она нередко описывается как имеющая двойственную природу. Организация определяется социологами и как специфический целевой социальный институт (средство социальной регуляции и воспроизводства определенного типа социальных взаимодействий), и как коллективный субъект целенаправленной деятельности – целевая общность (Ф. Селзник, А. Гоулднер, Н.И. Лапин, В.В. Щербина и др.).

Перейдем теперь к формированию представлений о коммерческом банке как о специфической кредитной банковской организации, являющейся объектом наших исследовательских интересов. До сих пор мы рассматривали банк как некий обобщенный образ организации определенного типа, выполняющий достаточно широкий набор четких финансово-экономических функций в социуме.

Кредитный банк, как и другие банки, – это важная составляющая часть общей банковской системы экономических отношений.

Следует начать с того, что деятельность банков как таковых регулируется и регламентируется юридическими, экономическими, социальными, политическими нормами. К примеру, в современной России существует закон «О банках и банковской деятельности», в котором в ст. 2 говорится, что «Банковская система РФ включает в себя Банк России, кредитные организации, а также филиалы и представительства иностранных банков»<sup>8</sup>. Здесь стоит более подробно остановиться на определении «банковская система».

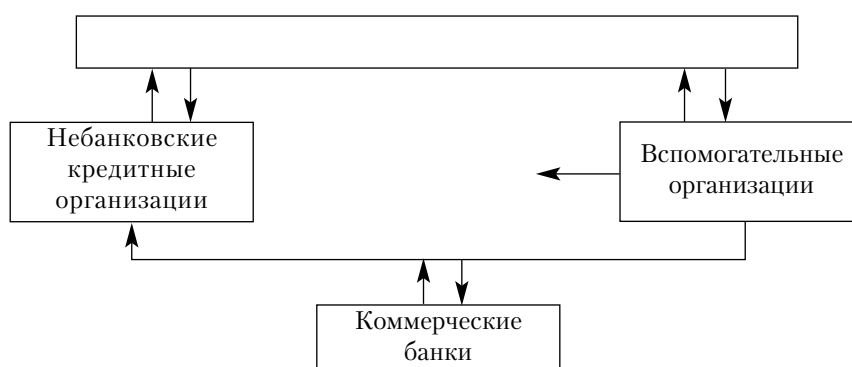
Проблема определения типа банков в рамках банковской системы особенно подробно проработана в трудах экономистов А.М. Тавасиева и Н.Д. Эриашвили. Они, во-первых, рассматривают банковскую систему как часть экономической системы страны, а во-вторых, как единую и целостную (взаимодействующую) совокупность кредитных организаций, каждая из которых выполняет свою особую функцию (функции).

Банковская система включает в себя все экономические организации, которые регулярно выполняют либо все или большинство, либо хотя бы отдельные банковские операции. При этом каждый тип организаций, входящий в ее состав, проводит свой перечень денежных операций/сделок, в результате чего весь объем потребностей общества в банковских продуктах (услугах) удовлетворяется в полной мере и с максимально возможной степенью эффективности<sup>9</sup>.

Необходимо отметить, что к числу данных экономических организаций, которые вправе осуществлять банковские операции, можно отнести кредитные организации, к которым, в свою очередь, относятся банки и так называемые небанковские кредитные организации (НКО). «Кредитная организация – юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка РФ (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные указанным выше Федеральным законом. Кредитные организации подразделяются на банки, осуществляющие весь спектр банковских операций, и небанковские кредитные организации, имеющие право осуществлять отдельные банковские операции»<sup>10</sup>. Отличие небанковской кредитной организации от банка заключается в том, что для первой характерен неполный спектр банковских операций в отличие от второго. НКО в кредитной системе РФ узкоспециализированны: они существуют лишь в сфере расчетов. Российские НКО не вправе привлекать денежные средства юридических и физических лиц во вклады в целях размещения от своего имени и за свой счет.

А.Н. Бабаян

В рамках банковской системы обычно выделяются четыре укрупненных элемента системы, которые активно взаимодействуют, причем каждый из них выполняет свою особую функцию (функции), в результате чего реализуются все необходимые функции системы (схема).



Банковская система (схема)

В нашем исследовании мы будем рассматривать наиболее распространенный тип кредитной организации – коммерческий банк. Таким банком является «кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц»<sup>11</sup>.

Мы можем определить банк в целом как коммерческий в связи с тем, что по сложившейся в РФ терминологии это название всех банков, кроме Центрального банка РФ (который, в свою очередь, является контролирующим органом, напрямую не взаимодействующим с населением); основой для такого определения является признание банка коммерческой организацией по гражданскому законодательству.

Тем не менее нельзя не упомянуть про наличие такого типа коммерческого банка, в котором большая доля акций принадлежит государству. В целом можно сказать, что не существует существенных функциональных различий между банками с преобладающим

частным и государственным капиталом, за исключением некоторых аспектов:

- в государственных банках доминирующим пакетом акций владеет государство, что делает его более конкурентоспособным;
- только данные банки могут кредитовать компании с государственным долевым участием (к примеру, крупные государственные предприятия: Автоваз, Газпром и т. д.);
- государственные банки могут выступать в роли посредников в налаживании общей финансовой конъюнктуры в стране. К примеру, во время кризиса осени 2008 г. через данные банки государство выделяло денежные средства для поддержания ликвидности коммерческих банков.

Таковы базовые отличия банков с преобладающим частным и государственным капиталом. Следует отметить, что все эти типы банков управляются наемными управленцами – менеджментом. Характерным является и тот факт, что законодательство РФ не выделяет банки, находящиеся в государственной собственности, в качестве особой категории банков. То есть мы можем сказать, что коммерческий банк может подразделяться на два типа: с преобладающим государственным участием и с преобладающим частным капиталом.

В рамках приведенной классификации организаций банковской системы коммерческий банк может быть отнесен к числу кредитных банковских организаций, которые могут быть построены как на принципах частной собственности, так и на принципах организаций со смешанным или государственным капиталом. Банк этого типа относится к разряду сервисных деловых организаций, оказывающих широкий перечень финансовых услуг клиентам (кредитных, посреднических и других операций) на коммерческой основе и приносящий прибыль за счет их осуществления. При этом специфической чертой этой коммерческой сервисной организации является то, что она призвана делать деньги из денег.

Как видно из приведенного выше текста, представленные характеристики коммерческого банка, выделенные специалистами экономической, управленческой и юридической ориентаций, фиксируют внимание либо на специфике выполняемых организацией функций, либо на форме собственности, либо на юридических полномочиях этого типа организации. Однако за кадром остается представление о природе, строении, механизмах функционирования и развития организации. Очевидно, что эти черты коммерческого банка могут быть определены только в рамках организационной теории, и прежде всего той ее части, которую принято обозначать как социология организаций. Именно на этом основании мы

и попытаемся реконструировать специфические черты коммерческого банка как деловой организации.

Однако в процессе такой реконструкции у нас возникают определенные проблемы. Как мы помним, в первой части статьи нами была предпринята попытка воссоздания специфики банковской деятельности, а также функций, выполняемых коммерческим банком, с опорой на итоги многочисленных исследований, реально выполненных экономистами, специалистами в области финансового менеджмента, отдельными специалистами по экономической социологии. Исходя из обозначенных в начале статьи задач, было бы целесообразно попытаться реконструировать специфику коммерческого банка как особого типа деловой организации в той же логике, опираясь именно на итоги исследований коммерческих банков. Выполнение этой задачи в той же логике оказывается фактически невозможным. Дело в том, что, хотя современная организационная теория действительно опирается на многочисленные исследования разнотипных деловых организаций, исследования собственно банков (тем более одного из типов банков) как специфических деловых организаций крайне редки. В западной организационной науке они единичны, а в отечественной науке практически отсутствуют.

С учетом сказанного, в качестве основания для реконструкции специфики коммерческого банка мы попытаемся идентифицировать черты коммерческого банка с чертами деловых организаций, уже изученных в организационной науке. В принципе речь может идти об: а) выявлении некоторых сходных экономических, социальных и политических функций, выполняемых организациями этого типа; б) сходных бизнес-процессах и бизнес-технологиях; в) сходных чертах организационной структуры; г) сходных чертах системы управления организацией; д) сходных представлениях о внешней среде; е) сходном наборе используемых организационных ресурсов; е) сходных требованиях к персоналу; ж) сходной логике организационного развития; з) сходной логике работы организации с внешней средой и т. д. Некоторые из указанных черт коммерческого банка как специфической организации мы и попытаемся воссоздать во второй части данной статьи, опираясь на известные теоретические схемы функционирования и развития деловых организаций.

Рассмотрение данных проблем мы начнем с описания некоторых черт формирования внутренней среды этого типа организации и, прежде всего, ее структуры. Применительно к банкам, как специфическому типу деловых организаций, речь пойдет об их формировании.



При этом мы будем опираться на представления о природе, функциях, структуре, социальных функциях и логике организационных изменений деловых организаций, выработанные рядом отечественных ученых (Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапин, А.И. Пригожин и В.В. Щербина, Е.П. Попова, В.Н. Ермолаев и др.), а также рядом зарубежных специалистов (Дж. Вудворд, Дж. Хиксон, Б. Хайнингс и Дж. Чайлд, Д. Катц и Р. Кан, П. Лоуренс, Дж. Лорш, Дж. Томпсон, Ф. Селзник, Г. Саймон и др.)<sup>12</sup>.

Отправной точкой для реконструкции природы и строения коммерческого банка мы считаем то, что он является одним из типов деловой организации. Поэтому мы считаем необходимым сначала обратиться к воссозданию общих черт любой деловой организации. Согласно этой логике, говоря о банке в широком смысле, мы будем рассматривать его (в том числе коммерческий) и как целевую общность (коллектив), и как социальный институт – систему воспроизводства и регуляции и социальных отношений (что предполагает выполнение определенного набора различных экономических, социальных функций по отношению к социуму)<sup>13</sup>.

Как уже говорилось выше, банк относится к числу деловых, коммерческих, сервисных организаций, действующих на рынке финансовых услуг и отличающихся:

- достаточно высоким уровнем неопределенности (высокая изменчивость и слабая предсказуемость вектора изменений);
- использованием в рамках ведения бизнеса особого типа координационных технологий – «посреднические технологии» (обеспечивающие задачу соединения и совмещения интересов разноориентированных клиентов, нуждающихся в финансовых услугах);
- работой в режиме так называемой избирательно открытой системы;
- решением на рынке финансовых услуг среднесрочных задач<sup>14</sup>.

Исходя из сказанного, можно легко воспроизвести некоторые специфические черты, признаки строения и особенности функционирования таких организаций. Банк можно отнести к числу организаций, которые, начиная с работ Дж. Томпсона, принято обозначать как «сложные организации». Их специфическими чертами является то, что:

а) хотя банк сервисная организация и работает с клиентурой, приходящей извне, на рынке финансовых услуг, эта организация в то же время может быть охарактеризована как «частично или избирательно открытая система»;

б) в ней можно выделить два типа подразделений, которые различаются по известному критерию уровня «открытости» и «закры-

тости» организации (по факту, речь идет о степени влияния изменений в характеристиках внешней среды на поведение управленцев в организации)<sup>15</sup>. Первые – подразделения технического ядра, представители которых, работая с клиентами, не реагируют на изменения конъюнктуры рынка, они руководствуются инструкциями сверху, заданными правилами. То есть они работают в режиме модели закрытой системы. Вторые – представители буферных подразделений, деятельность которых напрямую ориентирована на работу с изменчивой внешней средой и связана с выстраиванием текущей политики и стратегии развития бизнеса. То есть их работа строится в рамках модели открытой системы.

Становится очевидным, что в рамках такой организации формируется как минимум два типа работников банка и как минимум два типа менеджеров, управляющих этой организацией<sup>16</sup>.

Определение в качестве ключевой проблемы, стоящей перед менеджерами организации такого типа, на рынке финансовых услуг заключается в проблеме снижения зависимости банка от клиентов, от поведения которых зависит получение доступа к главному организационному ресурсу – финансам. В соответствии с этим основной задачей менеджмента организации, предопределяющей логику ее развития, является расширение числа клиентов. В свете сказанного наиболее эффективной стратегией развития данной организации является создание многочисленных однотипных отделений и филиалов банка по принципу географической привязки. В соответствии с канонами организационного развития данное явление влечет за собой увеличение размера организации, рост структурной дифференциации и снижение зависимости от каждого клиента.

Среднесрочный характер решаемых банком задач в сочетании с обозначенной выше логикой развития организации формирует тип многосекционной организационной структуры, чертами которой являются такие признаки, как умеренная централизация управления; достаточно высокая автономия структурных подразделений; средний уровень структурной и профессиональной дифференциации; средний уровень стандартизации деятельности и средний уровень формализации документов<sup>17</sup>.

Другим основанием для идентификации организации является воссоздание специфики внешней среды как фактора, во многом предопределяющего специфику и условия жизнедеятельности любой деловой организации. Особый интерес к описанию специфики последней связан с тем, что само существование организации (не говоря уже о ее специфике) определяется тем, что представить себе ее жизнь без активного взаимодействия с окружением в принципе невозможно. Организационные

цели, стратегии, выпускаемые продукты и услуги, сырье, персонал, другие разнотипные ресурсы и т. д. заимствуются организацией из внешней среды. Потребители услуг организации, партнеры, конкуренты, надзирающие органы и т. д. тоже выступают элементами внешнего окружения.

Представляется очевидным, что состояние внешней среды – это важнейший фактор, предопределяющий саму возможность функционирования организации данного типа.

В соответствии с канонами общей организационной теории и социологии в наиболее широком смысле слова в качестве внешней среды организации принято рассматривать все, что не может быть рассмотрено в качестве самой организации<sup>18</sup>. Однако в практике управления и организационной теории такое определение внешней среды используется крайне редко, поскольку она здесь описывается как гетерогенная и сверхсложная система.

В процессе реконструкции мы будем опираться на серию более локальных, простых и взаимодополняющих друг друга моделей внешней среды, попытаемся опознать ее специфику для банка. В качестве базовых моделей внешней среды мы выделяем следующие: а) модель внешней среды как макроокружение; б) модель внешней среды как микроокружение (включая и целевое окружение); в) модель внешней среды как «кладовки ресурсов».

Анализируя модель внешней среды, именуемой макроокружением (применительно к специфике коммерческой банковской организации), можно сказать, что речь идет, во-первых, о правилах, законах, подзаконных актах, инструкциях, правительственных распоряжениях, регулирующих деятельность банковских коммерческих организаций на рынке финансовых банковских услуг; во-вторых, об организациях, контролирующих соблюдение этих законов и правил. Иными словами, рассматривая внешнюю среду коммерческого банка, мы имеем дело с важной сферой, где, во-первых, фиксируется свод государственных законов, подзаконных актов, инструкций и правил, регулирующих его деятельность; а во-вторых, с перечнем государственных и муниципальных органов, контролирующих их. Параметры данного типа окружения коммерческого банка (особенно в нашей стране) весьма динамичны и изменчивы и определяются проводимым государством политическим курсом, а также мировой и национальной конъюнктурой рынка финансов. Учет требований этой подсистемы очень важен для эффективной деятельности и выживания коммерческих банков.

Модель внешней среды как «кладовки ресурсов» тесно коррелирует с тем, что в экономической науке связывается с функционированием разнотипных рынков, открывающих доступ к разным

ресурсам, необходимым организации для ее нормальной жизнедеятельности (рынок финансовых услуг, рынок рабочей силы, рынок информации, рынок технологий и др.). С учетом профиля коммерческого банка как организации, делающей деньги из денег, главным ее ресурсом и одновременно продуктом деятельности является доступ к финансовым ресурсам и рынку финансовых услуг (который характеризуется достаточно высокой изменчивостью и слабой предсказуемостью). Однако этот тип рынка для данной организации не является единственным.

Следующая модель организационного окружения именуется «микроокружение». В данном случае речь идет о понимании внешней среды как совокупности разнотипных организаций, с которыми банк в той или иной степени вынужден считаться и вступать во взаимодействие для обеспечения своего выживания и эффективности. Сюда входит широкий спектр организаций от юридических и властных органов, центрального банка и налоговых органов до организаций клиентов, конкурентов и партнеров.

Еще одной моделью внешней среды организации, напрямую привязанной к деятельности данной организации на рынке финансовых услуг, является модель, именуемая окружением задачи или целевым окружением<sup>19</sup>. Последняя представляет собой наиболее значимую для организации часть микроокружения. Применительно к коммерческим организациям речь идет об организациях, которые, действуя на рынке финансовых услуг, либо контролируют доступ к наиболее значимым для организации ресурсам, либо претендуют на доступ к этому виду ресурсов, либо обеспечивают предоставление данной организации поставку этого вида ресурсов в обмен на финансовую услугу. Специфика этого типа окружения состоит в том, что отношения с этими организациями напрямую влияют на эффективность и выживание организации. Фактически, в нашем случае речь идет, прежде всего, о клиентах и банках-конкурентах. Несмотря на то что отношения банков с другими организациями этой сферы окружения часто строятся на договорной основе, оно тесно связано с состоянием и конъюнктурой рынков (прежде всего рынка финансовых услуг).

Представляется, что, опираясь на теоретические положения экономической социологии и теоретические положения социологии организаций, нам в целом удалось воссоздать специфику коммерческой организации и ее основных черт, соединив представления экономистов и юристов о специфике банковской деятельности с положениями, выдвинутыми специалистами в области организационной теории.

- <sup>1</sup> *Казимагомедова А.А.* Организация денежно-кредитного регулирования. М.: Финансы и статистика, 2001. 271 с.; *Усоскин В.М.* Современный коммерческий банк: управление и операции. М.: Антидор, 1998. 319 с.
- <sup>2</sup> *Трайнев В.А.* Менеджмент: управление и организация кредитной и инвестиционной деятельности коммерческого банка. М.: МАНИПТ, 1998. 224 с.; *Лобанова Т.Н.* Банки: организация и персонал. М.: БДЦ-Пресс, 2004. 448 с. *Пещанская И.* Организация деятельности коммерческого банка. М.: ИНФРА-М, 2001. 320 с.
- <sup>3</sup> См.: *Щербина В.В.* Социология организаций // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 116–125.
- <sup>4</sup> *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М. 2007. С. 154; *Мишкин Ф.С.* Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков. 7-е изд. М.: Вильямс, 2006. С. 880; *Тен В.В., Герасимов Б.И.* Экономические основы стабильности банковской системы России. Тамбов: Тамб. гос. техн. ун-т, 2001. С. 7.
- <sup>5</sup> *Лаврушин О.И.* Деньги, кредит, банки. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2000. С. 176; *Балабанова И.Т.* Банковское дело. СПб., 2001. С. 11.
- <sup>6</sup> *Иода Е.В., Унанян И.Р.* Основы организации деятельности коммерческого банка. Тамбов: Тамб. гос. техн. ун-т, 2003. С. 4; *Жуков И.Ф.* Банки и банковские операции. М.: ЮНИТИ, 1997. С. 117.
- <sup>7</sup> *Свиридов О.Ю.* Банковское дело. Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2010. С. 51.
- <sup>8</sup> Закон «О банках и банковской деятельности». № 17-ФЗ от 3 февраля 1996 г.
- <sup>9</sup> *Тавасиев А.М., Эриашвили Н.Д.* Банковское дело. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 15.
- <sup>10</sup> Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 108.
- <sup>11</sup> Там же.
- <sup>12</sup> *Гвишиани Д.М.* Избранные труды по философии, социологии и системному анализу. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2007. 672 с.; *Катиц Д., Кан Р.* Социальная психология организаций. Киев, 1993; *Пью Д., Хиксон Д.* Исследователи об организациях: Хрестоматия. М.: Линк, 1997. С. 37; *Щербина В.В.* Социальные теории организации: Словарь. М.: ИНФРА-М 2000. 264 с.
- <sup>13</sup> *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М.: ИНТЕРПРАКС, 1995. С. 73; *Лапин Н.И.* Проблемы социального анализа орга-

А.Н. Бабаян

- низационных систем // Вопросы философии. 1974. № 7; *Щербина В.В.* Социальные теории организации. С. 132–134.
- 14 *Щербина В.В.* Классические теоретические модели организационного развития как ориентиры диагностики организаций // ЛКО. 2010. Т. XII. Вып. 1–2 (53–56); *Пью Д., Хиксон Д.* Указ. соч. С. 65–71.
- 15 *Катц Д., Кан Р.* Социальная психология организаций.
- 16 *Щербина В.В.* Классические теоретические модели организационного развития.
- 17 *Пью Д., Хиксон Д.* Указ. соч. С. 65–71.
- 18 *Щербина В.В.* Социальные теории организации. С. 28–31.
- 19 Там же. С. 215.

В.В. Чернов

ВОЗМОЖНО ЛИ «НОВОЕ ОСВОЕНИЕ»  
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА:  
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье на основе данных социологических исследований проанализирована социально-демографическая ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке, рассмотрены основные причины и мотивы, влияющие на переезд населения из восточных регионов России. В контексте объявленной властью политики модернизации рассматриваются социально-политические основания и основные направления реализации проекта «нового освоения» Сибири и Дальнего Востока страны, а также особенности национальной и миграционной политики.

*Ключевые слова:* модернизация, социальная безопасность, демография, миграция, «новое освоение», целевая миграционная политика.

Прошедшие годы реформ и строительства демократического общества не принесли тех позитивных результатов, которые ожидалось большинством наших граждан.

По данным Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП), в октябре 1999 г. 5,8% граждан считали, что они выиграли в результате реформ; 63,8% – проиграли. Соотношение «проигравших» и «выигравших» составляет 10:1; 18,8% – не выиграли и не проиграли; 11,8% – затруднились ответить<sup>1</sup>. Проводимые системные социологические исследования в нашей стране ведущими научными центрами показывают, что представленные более десяти лет назад данные кардинально не изменились, население и в 2010 г. примерно так же оценивает ход реформ.

Россия, выбравшая более двадцати лет назад путь строительства демократии и рыночной экономики, строительства капитализма, зашла в тупик. Современное состояние нашего общества и

В.В. Чернов

государства можно охарактеризовать как системный кризис. Особенно остро он проявляется в экономической, социальной и духовной сферах.

Наблюдаемое сегодня повсеместно в России состояние кризисной ситуации объясняется не только тяжелым материальным положением абсолютного большинства граждан, но и разрушением духовных идеалов, распадом системы основных ценностей, отсутствием объединяющей идеологии, отсутствием основополагающей цели государственного развития.

Для российского общества это очень тяжелые утраты, ибо на таком фундаменте российское общество и Россия как государство стояла веками, в том числе и в эпоху социализма. Расхожее мнение о том, что стабильность советского общества на протяжении длительного периода достигалась различными формами насилия, не более чем домыслы незначительной по объему социальной группы, преследующей определенные интересы: материальные, политические, идеологические и т. д.

Путь развития нашего общества по западному образцу, выбранный руководством СССР в середине 1980-х, оказался заведомо ошибочным, это подтверждается сегодняшним экономическим состоянием, политическими событиями, будущими прогнозами и сценариями развития западной цивилизации. Маловероятно, что капитализм сам по себе понемногу «цивилизуется» и автоматически перерастет в общество социальной справедливости. Особенно беспочвенны такие иллюзии в российских условиях, где нынешний капитализм изначально имеет не естественно-эволюционный, а подрывной, криминальный и олигархический характер.

В сложившихся социально-экономических условиях, в отсутствие объединяющей идеологии, эффективного государственного управления, глубокой социальной апатии народов России, высокой смертности населения очень высока вероятность окончательного распада Российского государства. В связи с перечисленными выше проблемами и тенденциями России нужна новая социальная и экономическая политика.

Понимание сложившейся ситуации, необходимости изменений есть не только в определенной части современного российского общества, но и в политической элите. Модернизационная риторика все чаще звучит из уст президента страны, экспертов, деятелей культуры и искусства, ответственных политиков.

Сегодня объективно наступил тот этап в развитии, когда Россия оказалась перед необходимостью модернизационного прорыва. Социально активная часть населения осознает, что так, как мы жили последние двадцать лет, далее жить нельзя. Пребывание в состо-



янии системного кризиса может привести к исчезновению России как целостного государства. Спасти нас по-настоящему может реализация масштабного проекта, отвечающего статусу «общенационального». Такой проект действительно мог бы вывести Россию из продолжающегося затяжного кризиса и вернуть бы ей статус великой державы.

Модернизация, а фактически создание российской экономики, основанной на инновациях, возможно именно через реализацию крупномасштабного проекта. Исторически наше государство всегда обретало мощные импульсы развития благодаря реализации общенациональных проектов. Такая особенность нашей страны обусловлена ее географическим положением, огромной протяженностью территории, климатом, национальной психологией, ментальностью.

По-настоящему общенациональными проектами в истории России стали строительство российского флота, Транссиба, реализация плана ГОЭЛРО, формирование промышленного комплекса страны, освоение Сибири и Дальнего Востока после окончания Второй мировой войны, освоение космоса и другие известные крупные замыслы.

Необходимость подобных проектов в современной России очевидна, этот тезис подтверждают слова академика РАН Г. Осипова, сказанные им на расширенном заседании Ученого Совета ИСПИ РАН 10 марта 2004 г.: «Географическое и геополитическое положение России уникально. Используя его, она может стать важнейшим транспортным узлом, связывающим железнодорожными, шоссейными и океанскими магистралями Запад и Восток, Запад и Юг, Северную Америку и Европу. Сроки продвижения товаров по этим магистралям могут снизиться в десятки раз, а материальные выгоды от их создания для России – огромны. Так выходило из кризиса после окончания Второй мировой войны (вплоть до 1980-х годов) большинство европейских государств, включая Францию, Великобританию, Италию, Германию».

Фактически вопрос ставится о крупномасштабном общенациональном проекте освоения Сибири и Дальнего Востока. Но возникает вполне закономерный вопрос: есть ли потенциал для реализации подобных проектов? Готово ли в первую очередь население Сибири и Дальнего Востока включиться в реализацию стратегии «нового освоения» восточных территорий страны? Обладает ли население необходимой мотивацией к реализации подобной стратегии?

Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к данным социологических исследований, которые были проведены дальневос-

В.В. Чернов

точными и сибирскими социологами<sup>2</sup>. В 2009 г. методом случайной выборки было опрошено 450 жителей г. Хабаровска из всех округов города, в том числе 47,8% мужчин и 52,2% женщин. Доля работающих составила 72,2%, семейных – 51,4, имеющих детей в возрасте до 18 лет – 47,0 и численность семей, состоящих из 3–4 человек, – 58,6%. Большинство из опрошенных (72,5%) живет в городе с рождения или более 20 лет. Все эти показатели близки генеральной совокупности, что позволяет полученные результаты оценивать как достаточно достоверные. В качестве объекта более углубленного анализа были выбраны две группы жителей: ответившие положительно на вопросы о намерениях переехать с Дальнего Востока в центральные регионы России или за рубеж. Агрегированный показатель по ответам «скорее всего, настроены на переезд, но не сейчас» и «желаю уехать, но не имею для этого финансовые средства» составил 20%.

Основными факторами, побуждающими жителей дальневосточного региона на переезд, является трудность в получении жилья или улучшении условий проживания: на это указали 31,1% респондентов. Немаловажный фактор – невозможность ежегодного полноценного отдыха горожан из-за значительной отдаленности Хабаровска от европейских регионов России. Серьезную неудовлетворенность высказали все жители Хабаровска состоянием здравоохранения. В исследуемой группе на это указали 61,1% респондентов против 70,9% в среднем по выборке. Менее критические оценки по организации школьного образования – 43,3 и 50,4%, также респондентов не устраивает состояние экологической среды, 82,2% респондентов данной группы оценили ее как неудовлетворительную; среднее значение по выборке – 80,2%.

Полученные результаты коррелируют с показателями, характеризующими демографическую ситуацию в регионе, так, на вопросы об угнетающих факторах жизни их детей и причинах нежелания иметь в семьях двух и более детей они в качестве главных отметили: трудное материальное положение (73,3%), отсутствие собственного жилья (74,4%), неуверенность в завтрашнем дне (52,2%).

В качестве основных установок на ближайшие десять лет исследуемая группа респондентов выделила: улучшение жилищных условий (64,4%), обеспечение благосостояния семьи (61,1%), дать образование детям (33,3%). Идентичные оценки зарегистрированы и по общей выборке.

Результаты проведенного исследования подтверждают печальную миграционную статистику в Сибири и на Дальнем Востоке. Так, например, за период 1997–2004 гг. население такого крупней-

шего экономического и культурного центра Дальнего Востока, как Хабаровск, сократилось с 615,0 до 580,4 тыс. чел. (6%).

Не лучше ситуация и в Приморье, только за 2008 г. из края уехало более 30 тыс. человек, и все население Приморского края составило на 1 января 2008 г. 1 млн 995 тыс. По данным местных социологов, из Владивостока никуда не собираются уезжать только 70% опрошенных, 10% заявили о том, что уедут в ближайшее время, а остальные 20% хотели бы покинуть город, будь у них такая возможность. Причем чаще всего край покидают молодые и перспективные, и социологические опросы показывают, что среди потенциальных мигрантов больше всего молодежи от 18 до 24 лет и людей с высшим образованием.

Какие проблемы, причины влияют на принятие решения об отъезде в другие регионы страны? Результаты социологического исследования, проведенного Дальневосточным консалтинговым центром, в целом дают ответ на этот вопрос. Среди ответов на заданные вопросы об актуальных для Владивостока проблемах лидируют высокая и постоянно растущая стоимость коммунальных услуг (эту причину как одну из основных назвали 60,5% респондентов), рост цен на товары первой необходимости, низкие доходы населения<sup>3</sup>.

А вот другой пример. По данным сибирских социологов, ежегодно Иркутск, один из крупных культурных и научных центров Сибири, покидает около 15% молодежи. Социологический опрос среди иркутской молодежи, проведенный преподавателями и студентами Иркутского государственного университета, показывает, что главная причина отъезда – бесперспективность Иркутской области, а также низкая заработная плата в регионе и отсутствие условий для создания семьи<sup>4</sup>. Практически три разных исследования выделяют один и тот же круг социальных проблем.

Приведенные данные социологических исследований и опросов только подтверждают тенденцию, связанную с миграцией населения в восточных регионах страны, данный регион впервые со времени освоения его русскими стал терять население. Лидирует здесь Чукотский АО, потерявший в течение 90-х годов более половины своего населения; Магаданская область потеряла 40%, Камчатская – 18, Сахалинская – 16, Якутия – 10%. На Дальнем Востоке в целом теперь живет на 10% меньше людей, чем в 1989 г. Население Восточной Сибири тоже сокращается, но медленнее – убыль населения с начала 90-х составила чуть более 2%. К сожалению, цифры неумолимо говорят о том, что Сибирь и Дальний Восток превратились в сплошную зону оттока населения.

Представленные социологические данные показывают достаточно сложную и уязвимую с точки зрения социальной без-

В.В. Чернов

опасности демографическую ситуацию в Сибири и на Дальнем Востоке.

Как показали социологические исследования, социальный портрет потенциального мигранта, желающего покинуть восточные регионы, представляет собой амбициозного и в то же время зрелого человека, мобильного, способного к обучению, желающего достичь материального благополучия за счет реализации своих способностей, знаний и профессионализма. Таким образом, Сибирь и Дальний Восток теряют так востребованный и необходимый для развития этого региона человеческий потенциал. С такими темпами миграции населения, в основном молодого и среднего возрастов, регионы Сибири и Дальнего Востока могут остаться с населением пенсионного возраста, которое объективно не может стать кадровой основой модернизационных проектов.

Проблема массового оттока населения из рассматриваемых регионов, а именно численная характеристика данного процесса, создает проблемы, связанные с поддержанием определенного и необходимого уровня национальной безопасности. Прежде всего, вопрос безопасности связан с огромным перепадом демографического потенциала на российско-китайской границе.

По разным оценкам, в основном зависящим от охвата российской территории, плотность населения на китайской стороне в 15–30 раз больше, чем на российской. В самом заселенном Приморском крае средняя плотность населения составляет всего 13,5 чел./км<sup>2</sup>. Только на самом юге края, в районе Владивостока, плотность достигает 25–30 чел./км<sup>2</sup>, на большей же протяженности российско-китайского пограничья она не превышает 4–5 чел./км<sup>2</sup>. В прилегающем к Дальнему Востоку Северо-Восточном Китае плотность достигает 130 чел./км<sup>2</sup>.

На юге Дальнего Востока живет около 5 млн чел., а в трех провинциях Китая по другую сторону границы – более 100 млн. Все население Сибири и Дальнего Востока в 3 раза меньше населения этих трех провинций. Даже самая слабозаселенная провинция Северо-Востока Хейлуунцзян имеет плотность более 78 чел./км<sup>2</sup>, почти в 6 раз превосходя Приморье<sup>5</sup>.

Приведенные данные социологических исследований и статистики позволяют сделать вывод о том, что сегодня наши возможности «нового освоения» весьма ограничены, в то же время необходимость такого освоения очевидна. Тем более что к восточным территориям нашего государства проявляют повышенный интерес известные западные политики. В последнее время некоторыми европейскими и североамериканскими поли-

тиками активно обсуждается вопрос о возможном отделении от России Сибири и Дальнего Востока, и, как мы видим из представленных социологических данных, сопротивляться там этому процессу скоро будет некому.

Решение поставленной проблемы возможно на основе реализации крупномасштабного общенационального проекта, тем более что в истории России подобные проекты уже были реализованы. Проект «нового освоения» имел бы ключевое социально-экономическое значение не только для Сибири и Дальнего Востока, но и для развития страны и общества в целом.

Основными направлениями такого проекта могли бы стать: целевая миграционная политика – государственная поддержка целевого добровольного заселения регионов Сибири и Дальнего Востока России, создание нового транспорта с использованием высоких технологий, строительство в районе 60-й параллели нового многофункционального транспортного коридора, соединяющего западную и восточную части Евразии, создание вдоль траектории планируемого транспортного коридора нескольких городов-наукоградов, городов-техноградов – центров научно-производственных комплексов.

В то же время, не дожидаясь разработки такого проекта, государству необходимо уже сегодня сосредоточить усилия на минимизации тех негативных социальных факторов, которые выявлены в ходе анализа социологических данных, приведенных в статье и непосредственно влияющих на социально-экономическую ситуацию сибирских и дальневосточных регионов.

Государству в лице органов власти и управления необходимо в первую очередь сосредоточить пристальное внимание на социальных последствиях влияния социально-демографического и социально-трудового факторов, на уровне и качестве жизни населения в восточных регионах, на здоровье населения, а также на состоянии образования и культуры, т. е. на социальных составляющих такого масштабного и определяющего экономического развитие России региона, как Сибирь и Дальний Восток.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Доклад РНИС и НП «Российский кризис в зеркале общественного мнения». 1999. С. 14–26.
- <sup>2</sup> Заусаев В.К., Воронцова Л.С. [Электронный ресурс] // Ассоциация «Группа 789». URL: <http://www.789.ru/new/?id=4990> (дата обращения: 10.07.2010).

В.В. Чернов

- <sup>3</sup> Российская газета. 27.02.2008 [Электронный ресурс] // Ассоциация «Группа 789». URL: <http://www.789.ru/new/?id=5736> (дата обращения: 10.07.2010).
- <sup>4</sup> По данным сайта REGIONS.RU [Электронный ресурс] // Ассоциация «Группа 789». URL: <http://www.789.ru/new/?id=6030> (дата обращения: 10.07.2010).
- <sup>5</sup> Совет по внешней и оборонной политике России. Демографическое будущее Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс] // Проект аналитики и сетевых проектов Сибири и Дальнего Востока. URL: <http://www.povestka.ru/culture/n60.htm> (дата обращения: 10.07.2010).

Н.В. Шилов

ВЛИЯНИЕ СМИ  
НА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ  
(НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

В статье рассматривается развитие СМИ Республики Мордовия и их неразрывная связь с динамизмом общественно-политической жизни данного региона. Отмечается, что при безусловно позитивном значении СМИ в жизни современного общества они неизбежно несут в себе определенный деструктивный элемент. Ситуация, сложившаяся вокруг СМИ в Мордовии, во многом отражает общероссийские тенденции в этой сфере социально-культурной коммуникации. В республике с конца 1980-х годов с ростом этнического самосознания народов и появлением национальных общественных объединений наблюдается возрастание роли региональных СМИ в этнополитических и этноконфессиональных процессах. Приводится классификация печатных СМИ Республики Мордовия. В статье отмечается, что СМИ призваны играть важную роль в формировании отношений межэтнической толерантности.

*Ключевые слова:* средства массовой информации, национальные общественные организации, этнополитические процессы.

Пробуждение национального самосознания народов активизировало этнополитические процессы в регионах Российской Федерации, вызвало беспрецедентный рост национальных движений и национальных общественных организаций. Недостаточное внимание органов государственной власти к национальной проблематике и неумение (или нежелание) вовремя разобраться в существе национальных проблем усилили в первой половине 90-х годов XX в. мобилизационный потенциал национальных лозунгов и содействовали трансформации некоторых из них в движения националистического характера. Далеко не последнюю роль в этом процессе сыграли средства массовой информации как элемент

Н.В. Шилов

массовой коммуникации, как социальный институт, обусловленный состоянием и поступательным движением человеческой цивилизации<sup>1</sup>.

Рассматривая проблему влияния современных СМИ на этнополитические процессы, необходимо учитывать многообразие и тех и других. Так, в России действуют многочисленные «внеэтнические» издания, т. е. обычные периодические издания, радио- и телеканалы, не рассчитанные на освещение жизни какой-то одной этнической группы. Однако они ежедневно передают в массовое сознание определенную рассеянную этническую информацию. Кроме национальных СМИ, практически в каждом субъекте РФ работают и СМИ этнических диаспор и меньшинств, число которых стремительно выросло на протяжении 1990-х – начала 2000-х годов, и продолжает расти в настоящее время. Такие СМИ передают в массовое сознание концентрированную этническую информацию и зачастую играют важную для своих этнических сообществ и для межэтнической атмосферы в регионе этномобилизующую и организационную роль<sup>2</sup>.

Необходимо также учитывать, что при всем огромном (и зачастую безусловно позитивном) значении СМИ в жизни современного общества они неизбежно несут в себе определенный деструктивный элемент. Приведем комментарий по данному поводу социолога Е.А. Поелуевой: «В любом обществе действует механизм трансляции от поколения к поколению жизненного опыта и ценностей, определяющих социальную устойчивость личности. Проблема в том, что в последнее десятилетие этот важнейший механизм был фактически передан СМИ, ориентированным на чуждые для отечественной культуры поведенческие модели, активно проводящие ценности массовой западно-американской культуры. В результате мы получили в одном случае – поколение, выросшее в отрыве от базовых ценностей своего отечества, своих предков; в другом случае – несколько поколений, сбитых с толку новой идеологией, в сущности, не имевших времени адаптироваться к новым идеологемам и поведенческим моделям. В обществе возник серьезный дисбаланс опорных ценностных парадигм, подверглись серьезной трансформации традиции, нравственные нормы, обычаи – то есть мы наблюдаем то, что психологи называют кризисом коллективной идентичности, невозможностью общества соотнести себя с неким устойчивым идеальным представлением о себе самом. Таким образом, СМИ создают сегодня определенную угрозу безопасности регионов, являясь серьезным деструктивным фактором общего развития России»<sup>3</sup>.

Об этой же специфике СМИ говорит и этнолог из Перми С.В. Сергеева: «Средства массовой коммуникации, специфически отражая



действительность, в силу объективных причин дают не полную картину происходящего, а лишь ее фрагменты, что ведет за собой неизбежное искажение реальных событий и возможность манипуляции общественным мнением. Отсюда важна социальная ответственность СМИ и государства, которое должно регламентировать деятельность СМИ, касающуюся интересов всего общества»<sup>4</sup>.

С другой стороны, нижегородский политолог О.Н. Савинова подчеркивает объективный характер деструктивных аспектов современных СМИ: «Я далека от того, чтобы обвинять во всем прессу. Справедливо говорят, что она, как в зеркале, отражает проблемы самого общества, ведь журналисты – часть общества и не могут быть хуже или лучше его самого. Отсутствие в течение долгих лет четкого вектора развития страны, отчужденное отношение к государству, государственным институтам, “бросание камней” в собственную историю – все это породило в обществе проблему всеобщего недоверия. Влияние этого испытала на себе не только власть, но и средства массовой информации»<sup>5</sup>.

Итак, мы можем констатировать, что СМИ являются мощным фактором влияния на характер межэтнических отношений – фактором, формирующим социальные установки и поведенческие модели, язык общения, стратегии взаимодействия (кооперация, конкуренция, отчуждение): «Это значит, что СМИ могут быть прямыми участниками этнических конфликтов, зачастую действующими на основе прямого политического или финансового заказа. В не меньшей степени журналисты могут обострять межэтнические трения и доводить их до уровня противостояния за счет некомпетентного, неэтичного изображения этнических отличий в образе жизни и стиле поведения, создания негативных групповых и индивидуальных этнических образов. К сугубо деструктивным формам деятельности СМИ в сфере межэтнических отношений относятся пропаганда ложных этнических мифов, одностороннее и тенденциозное изображение конфликтов на этнической, расовой или религиозной почве, употребление этнических лексем с обвинительной, устрашающей и унижительной окраской»<sup>6</sup>.

Ситуация, сложившаяся вокруг СМИ в Приволжском федеральном округе, во многом отражает общероссийские тенденции в этой сфере социально-культурной коммуникации.

Так, например, по данным на 2004 г., в ПФО были зарегистрированы 7358 СМИ, из них печатных – 5462, электронных – 1703<sup>7</sup>. О возрастающей роли региональных СМИ в этнополитических и этноконфессиональных процессах Поволжья свидетельствуют следующие тенденции<sup>8</sup>.

Н.В. Шилов

Во-первых, в результате роста и активизации национального и религиозного самосознания возникает феномен «этноконфессиональной журналистики».

Во-вторых, возросло число периодических изданий, специализирующихся на религиозной и национальной тематике.

В-третьих, на территории ПФО более 400 средств массовой информации выходят на национальных языках.

В-четвертых, налицо усиление конфессиональной тематики в светской прессе.

Еще во второй половине 1980-х годов рост этнического самосознания народов широко обсуждался в региональных СМИ, в том числе и в Республике Мордовия (далее – РМ). В этот период в данном субъекте РФ активно шел процесс структурной организации и институционализации национально-культурного возрождения и развития, выразителем которого в конце 1980 – начале 1990-х годов стало Общество национально-культурного возрождения «Масторава» («Мать-земля»). Возникновение культурно-просветительского общества «Масторава» связано с обсуждением в 1989 г. платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», в ходе которого родилась идея создания подобной организации. Было сформулировано одно из основных положений, которым будущее движение должно было руководствоваться в своей работе, а именно: ответственность государственных структур Мордовии за сохранение мордвы (эрзя и мокша), а также за развитие ее культуры на всей территории СССР. Организаторы общества не видели противоречия между своей позицией<sup>9</sup> и установкой обкома КПСС, которая была сформулирована в Программе развития «мордовской социалистической нации» и совершенствования межнациональных отношений в Мордовской АССР. Позиция обкома «сводилась в какой-то мере к традиционным лозунгам совершенствования межнациональных отношений в республике, укрепления дружбы всех проживающих здесь народов, повышения эффективности интернационального воспитания. По мнению разработчиков программы, ее реализация должна была способствовать раскрытию творческого потенциала всех народов республики»<sup>10</sup>. При этом если лидеры «Масторавы» возлагали ответственность за судьбу эрзян и мокшан на государственные органы власти<sup>11</sup>, то последние явно не признавали за собой эту ответственность<sup>12</sup>. Можно выделить несколько факторов противостояния национальных движений властным структурам. Эти же причины лежали в основе непонимания между властными структурами и другим общественным объединением, а именно – обществом русской культуры «Русь»,

а также возникшими впоследствии движениями «За великую и неделимую Россию», «За Саранскую губернию».

Основной причиной противостояния, на наш взгляд, является отождествление двух различных процессов – этнополитического и этнокультурного. Первый осуществляется в политической сфере в процессе институционализации этноса как самостоятельного субъекта этнополитики, определения места и роли этноса в структуре общественных отношений. Этнокультурный процесс проявляет себя не только в содержании культурных ценностей, но и в их структуре, своеобразии этнических приоритетов, определяя тем самым и своеобразие освоения цивилизационных начал общественного бытия. Он более широк в своих проявлениях и реализуется как в духовной, так и в экономической, политической и социальной сферах.

Развитие межнациональных отношений на фоне пробуждения национального самосознания неразрывно связано с проблемой национально-государственного строительства и национального суверенитета. Принятие I Съездом народных депутатов России декларации о суверенитете РСФСР легитимизировал в Поволжье, в том числе и в Мордовии, движение за суверенитет. Усиление дезинтеграционных процессов в СССР, приведшее к его распаду в начале 1990-х годов, образование новых независимых государств на постсоветском пространстве, тенденции к изменению общественно-политического строя и переходу к рыночной экономике придавали «параду суверенитетов» особую динамичность и трагизм, вызвали бурную дискуссию относительно принятия или непринятия Мордовией национально-государственного суверенитета.

В этот период подавляющая часть населения Республики Мордовия, а также сторонники движения «Демократическая Россия» твердо высказались против принятия декларации о государственном суверенитете. По их мнению, это было не что иное, как своеобразная «дань моде». Более того, применительно к Мордовии, в частности, являющейся дотационной республикой, можно было говорить лишь об ограниченном суверенитете, которым МАССР к тому времени обладала<sup>13</sup>. В складывающихся общественно-политических условиях идея принятия суверенитета многими воспринималась как полная государственная независимость, дающая хотя и формальное, но все же право на выход из состава России и СССР. Сторонники национального возрождения, говоря о бедственном, с их точки зрения, положении национальной культуры, высказывали мнение о том, что суверенитет позволит, освободившись от диктата центра, самостоятельно определять основные положения национальной политики и открыть тем самым новый этап самоопре-

деления наций. По мнению сторонников суверенитета, он мог способствовать укреплению связей между родственными народами, развитию не только их культуры, но и национальной экономики, национальной науки.

Следует отметить, что участники дискуссии в основном так и не смогли выйти за рамки обсуждения национально-территориального суверенитета. Вместе с тем практика имеет достаточно примеров национально-культурной автономии, что впоследствии и было реализовано татарами Мордовии. Так или иначе, Мордовия оказалась одним из немногих субъектов Федерации, так и не принявших декларацию о государственном суверенитете.

На этом этнополитическом фоне в 1990-е – начале 2000-х годов в Мордовии происходит новый виток развития республиканской прессы. Социолог П.Н. Киричѐк предлагает своеобразную классификацию печатных СМИ РМ, разделив их на три группы<sup>14</sup>.

Первая группа – пресса государственных и местных органов власти, существующая на средства налогоплательщиков с незначительной долей прибыли. К ней относятся, в частности, газеты «Известия Мордовии», «Мордовия – семь дней», «Мокшень правда», «Эрзянь правда»; журналы «Мокша», «Сятко», «Якстерь тяштене», «Чилисема», «Странник», «Народное образование», «Региология», «Вестник Мордовского университета»; а также 22 районные газеты. Суммарный тираж этих изданий колеблется в пределах 140–150 тыс. экз.

Вторая группа – пресса политических партий, общественных движений и объединений, профессиональных союзов, существующая на средства самих редакций и пожертвования активистов. К ней относятся «Наша правда» (КПРФ), «Саранские ведомости» (ЛДПР), «Позиция» (Федерация независимых профсоюзов Мордовии) и ряд других. Суммарный тираж этих изданий колеблется в пределах 40–50 тыс. экз.

Третья группа – пресса акционерных обществ, предпринимательских и коммерческих структур, рекламных агентств, индивидуальных учредителей, существующая на собственные доходы. Наиболее периодические издания Мордовии данного типа: «Столица С», «Вечерний Саранск», «Республика молодая», «Сударыня». Суммарный тираж таких изданий колеблется в пределах 110–120 тыс. экз.

От себя добавим, что здесь уместно, на наш взгляд, выделить и четвертую, весьма специфическую (хотя и небольшую) группу профессиональных СМИ республики, которые в Мордовии представлены православным бюллетенем «Вестник Саранской епархии» (тираж – 1 тыс. экз.), газетой Саранской и Мордовской епархии РПЦ «Альфа» (тираж – 1 тыс. экз.), а также газетой «Ислам в Мор-

довии» (тираж – 3,5 тыс. экз.), издаваемой Духовным управлением мусульман РМ.

По мнению министра печати и информации РМ В.В. Маресьева, перед СМИ в деле развития национальной культуры стоят три основные задачи.

Задача первая: пропаганда ценностей и достижений культуры, ее деятелей.

Задача вторая: воспитание национального самосознания иными публицистическими средствами.

Задача третья: способствование творческой реализации авторов, особенно молодых, на своих страницах и в эфире<sup>15</sup>.

Насколько эффективно реализуют эти задачи СМИ Республики Мордовия?

В 1990-е – начале 2000-х годов одним из наиболее обсуждаемых в республиканских СМИ вопросов является проблема единства мордовского народа. Разделение мордвы по субэтническому принципу на мокшу и эрзя явилось благоприятной средой для попыток отказа некоторой части мордовской (эрзянской) интеллигенции от этнонима «мордва». В некоторых СМИ была широко разрекламирована идея о том, что мордовского народа как такового вообще не существует, а есть два самостоятельных народа – мокша и эрзя. При этом предьявлялись и продолжают предьявляться претензии к русскому народу за то, что именно он якобы всегда игнорировал их самостоятельность, искусственно объединив эрзя и мокшу под общим этническим прозвищем «мордва». Для радикальной части мордовской (эрзянской) интеллигенции этот вопрос является принципиальным, поэтому при его обсуждении некоторые активисты национальных общественных организаций в выражениях явно не стеснялись. Так, например, выступающий под псевдонимом Нуязь Видяс лидер фонда спасения эрзянского языка Е.В. Четвергов этноним «мордва» назвал «собачьим прозвищем». По его мнению, именно русские не желают эрзян именовать эрзей, а мокшан – мокшей<sup>16</sup>. Подобные характеристики и призывы были озвучены на страницах периодического издания «Эрзянь Мастор», ставшего «рупором» общественно-политической организации эрзянских национал-радикалов – Фонда спасения эрзянского языка. Добавим, что в августе 2007 г. был начат судебный процесс над данной газетой по обвинению в разжигании межнациональной и межрелигиозной розни.

В настоящее время в Мордовии происходит постепенная переориентация большинства региональных СМИ от проблем этнополитических, характерных для периода второй половины 80-х – первой половины 90-х годов XX в., к проблемам этнокультурным. По-

стоянно обсуждаемыми в СМИ темами являются проблемы развития национальных языков, в том числе сужения сфер их функционирования, вопросы исторического прошлого народов, проживающих на территории Мордовии, этнического своеобразия мордовской и татарской культур, национально-культурного развития мордовской диаспоры, развития национальной школы и т. п. В связи с этим следует отметить различную направленность обсуждения и преподнесения информации печатными изданиями. По образному выражению, в данном случае имеет место оппозиция между «news» – «газетами-сенсациями» и «views» – «газетами-размышлениями». К первой категории безусловно следует отнести газету «Эрзянь Мастор» и отчасти «Столицу С», «Республику молодую», «Сятко». Ко второй – «Известия Мордовии», «Мокшень правду», «Эрзянь правду» и ряд других.

В начале 2000-х годов в Мордовии продолжала развиваться этнокультурная периодика.

Так, с апреля 2005 г. в РМ выходит общественно-политическая газета татар «Юлдаш» («Спутник»). Материалы издания выходят на двух языках – татарском и русском.

С апреля 2007 г. в Саранске выходит общероссийская «Финно-угорская газета». Кроме Мордовии, издание распространяется в Марий Эл, Удмуртии, Ханты-Манси, Карелии, а также в регионах компактного проживания мордвы – Татарстане, Башкортостане, Самарской, Нижегородской, Пензенской, Ульяновской областях. Учредителями газеты выступили Исполком общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов РФ» и Поволжский центр культур финно-угорских народов.

Следует отметить, что по-настоящему публичные русскоязычные издания республики, имеющие подписчиков и распространяемые в розницу, избегают дискуссий на своих страницах с мелкими изданиями, провоцирующими конфликтные ситуации в межнациональной сфере, публикуя или явно националистические материалы, или предоставляя слово тем, кто, спекулируя национальными святынями, претендует на статус лидера своего этноса. Хотя подобного рода издания чаще всего рассчитывают на «рекламу», «пиар» именно в русскоязычной прессе.

Средства массовой информации стали важным «полем» межнационального диалога, в том числе диалога между русскими и другими этносами России. В то же время на пути этого диалога возникают многочисленные препятствия, обусловленные все теми же особенностями СМИ: «Но в теперешних условиях не понятно, как оторвать их (СМИ. – Н. Ш.) от других привычных им дел вроде “слива” компромата или же, напротив, “окропления елеем”. От пе-

рекосов во взаимоотношениях русских и нерусских до установления устойчивых традиций толерантности – дистанция огромной длины. Движение по этому пути неизбежно будет наталкиваться на сопротивление мифологизированных национальных самосознаний, с трудом воспринимающих пусть даже на сто процентов правдивую, но неприятную информацию»<sup>17</sup>.

Тем не менее СМИ призваны играть и зачастую играют важную роль в формировании отношений межэтнической толерантности: «Современная Россия нуждается в создании климата “межэтнической толерантности”, распространении точной и непредвзятой информации, разоблачении ложных слухов, повышении ответственности за подготовленные и публикуемые журналистами материалы, жестком реагировании на призывы к насилию, на клевету и другие действия, выходящие за конституционные рамки и нормы действующего в стране законодательства о свободе слова»<sup>18</sup>.

Таким образом, развитие СМИ Республики Мордовия неразрывно связано с динамизмом общественно-политической жизни данного субъекта Российской Федерации.

#### Примечания

- 1 См.: *Федотова Л.Н.* Социология массовой коммуникации. М.: Аспект Пресс, 2002. 238 с.
- 2 *Этнология общества* / Отв. ред. С.В. Чешко. М.: Оргсервис, 2000, 2006. С. 157–158.
- 3 *Поелуева Л.А.* СМИ региона и проблема коллективной идентичности // *Регион: Контуры безопасности и развития: Сб. ст.: В 4 ч.* / Отв. ред. В.А. Писачкин. Саранск, 2001. Ч. 4. С. 52.
- 4 *Сергеева С.В.* Этносоциальные процессы Западно-Уральского региона на современном этапе. Пермь: Администрация Пермской области, 2000. С. 88.
- 5 *Савинова О.Н.* Роль СМИ в формировании толерантности и культуры межнациональных отношений // *Национальные некоммерческие организации, СМИ, местное самоуправление и проблемы межэтнической толерантности: Сб. ст.* Пермь: Администрация Пермской области, 2000. С. 36.
- 6 *Следзевский И.В.* Влияние СМИ на формирование этнических стереотипов общественного сознания в столичном мегаполисе (по результатам исследования, проведенного Центром цивилизационных и региональных исследований Института РАН). М.: Правительство Москвы, 2005. С. 9.
- 7 *Пыков А.М.* Приволжский федеральный округ: этнокультурная ситуация и вопросы гармонизации этнокультурных и конфессиональных от-

Н.В. Шилов

- ношений // Историко-культурные аспекты развития полиэтничных регионов России: Сб. ст. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2006. С. 31.
- <sup>8</sup> См. подробнее: *Пыков А.М.* Указ. соч. С. 31–32.
- <sup>9</sup> *Надькин Д.Т.* За фасадом мнимого благополучия // Встречи. Публицистика. Саранск: Мордов. книж. изд-во, 1998. С. 69–82.
- <sup>10</sup> *Юрченков В.А.* Масторава: основные тенденции развития // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 15–23.
- <sup>11</sup> *Надькин Д.Т.* Дорога к храму // Советская Мордовия. 1989. 31 окт.
- <sup>12</sup> *Березин А.И.* Творчески и последовательно осуществлять национальную политику партии: Доклад первого секретаря обкома КПСС А.И. Березина // Советская Мордовия. 1989. 18 нояб.
- <sup>13</sup> См.: Материалы сессии Верховного Совета Мордовской АССР // Советская Мордовия. 1990. 1 нояб.
- <sup>14</sup> *Киричёр П.Н.* Реформация прессы региона: от гласности к свободе слова // Мордовия в период реформ: Сб. ст. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2001. С. 129.
- <sup>15</sup> *Маресьев В.В.* Роль СМИ в развитии культуры мордовского народа // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации: Сб. ст. Саранск, 2004. С. 320.
- <sup>16</sup> *Нуянь Видяс.* Ули мастор, конась монь седейсэ // Сятко. 1993. № 11. С. 52.
- <sup>17</sup> Десятилетие национально-культурного движения в Москве: опыт и перспективы: Материалы городской научно-практической конференции (10–11 декабря 1999 года) / Отв. ред. А.Б. Ярлыкапов. М.: Центр «Этносфера», 2000. С. 17.
- <sup>18</sup> Повышение открытости общества и динамика толерантности: проблемы формирования толерантности сознания в полиэтничной социокультурной среде: Коллективная монография / Отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. С. 125.



Ф.В. Димаева

## О ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕЧЕНЦЕВ

В статье рассматриваются особенности функционирования культурной сферы в Чеченской Республике. Анализируются народные традиции семейного воспитания в контексте современного состояния чеченского общества и их роль в процессе адаптации молодежи. Автор не противопоставляет традиционную и современную культуру, а показывает их взаимодействие в переломные моменты истории, обращая внимание как на институциональные перемены в системе культуры, так и ценностные основания определенных изменений.

*Ключевые слова:* чеченское общество, традиционная культура, семейное воспитание, культурные традиции, взаимовлияние культур.

Проблема взаимодействия культур разных народов особенно актуальна в переходные, кризисные периоды истории. Способы социокультурных трансформаций являются предметом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей. Наша тема – особенности развития чеченского общества в условиях XXI в.

В процессе взаимодействия с природным окружением человек особым образом создает свою «вторую природу» – материальную и духовную культуру. Человечество функционирует в двух сферах жизни и деятельности: *инстинктивно-биологической* и *культурно-целесообразной* (социальной). Любое общество как живой организм имеет свою специфику и механизмы самосохранения. Быстро меняющаяся культурная действительность создает новые параметры жизни для каждого следующего поколения. Типичная схема современных семейных отношений – это отношения «*дети–родители*», тогда как влияние старшего поколения отсутствует. Индустриаль-

ное общество состоит, в основном из незнакомых между собой людей, и его отличительной особенностью является унифицированность, стереотипность поведения.

Конечно, эти характеристики относятся прежде всего к большим городам, мегаполисам. Урбанизация неизбежно приводит к дисгармонии отношений человека с природой и, в конечном счете, к глобальному экологическому кризису. Происходит отчуждение человека от человека, нарушение коммуникации, люди функционируют как клеточки гигантского суперорганизма.

Однако продолжают существовать и общества «смешанного типа», которые вовлечены в индустриальную модернизацию, но упорно держатся за свои особые культурные традиции. В таких обществах современные признаки культуры сочетаются с давно сложившимся укладом жизни людей, их национальными обычаями и особым мироощущением.

Примером культуры «смешанного типа» может служить чеченское общество. Отношения внутри чеченской семьи отличаются строгой регламентированностью и традиционным распределением обязанностей в соответствии с возрастом и полом каждого его члена.

Самая примечательная черта чеченской семьи – это особое отношение к старшему поколению. Старость человека предполагает, что он обладает мудростью, ценным жизненным опытом и потому, безусловно, заслуживает уважения. Почтенный возраст чеченца обеспечивает ему главенствующую роль в семье и общественное признание как человека, способного принять справедливое и мудрое решение в общих интересах.

В чеченском обществе семья – это не только хозяйственная ячейка, но и хранительница основ традиционной культуры и нравственности. Чеченская семья состоит, как правило, из трех поколений: это дети, их родители и бабушки-дедушки. И в семье, и в обществе действует принцип: «Делай, как делают ВСЕ». Так, дети осваивают все необходимые для жизни трудовые навыки, хотя некоторые из них сложились еще в архаическом обществе. Традиционные нормы поведения являются сокровищницей культурного опыта народа. Они целенаправленно готовят членов общества к тому или иному виду практической деятельности, необходимой в конкретных исторических условиях. Основой этнопедагогики чеченцев являлся принцип *наблюдения и подражания* старшим членам семьи, с практическим участием каждого ребенка в ее трудовой жизни. Главная особенность воспитания в чеченской среде – это уважительное отношение к ребенку, хотя от него требовалось безусловное послушание. Этого добивались с помощью морально-

го воздействия со стороны дедушек и бабушек, матери и отца, старших братьев и сестер, с которыми ребенок находился в постоянном общении. А с трех–пяти лет он начинал выполнять мелкие поручения старших, посильные для него. Трудолюбие, воспитанное в семье, становилось главной положительной характеристикой взрослого чеченца. Традиционный опыт трудового воспитания детей в родной семье накапливался веками, многими поколениями.

В настоящее время чеченское общество находится в фазе перехода от традиционной культуры к современной цивилизации. Этот переход для любого народа всегда чреват многими трудностями и издержками, с признаками спада, понижения его культурного уровня.

З.И. Хасбулатова пишет: «Сегодня в условиях деградации общества и его стремления к возрождению, восстановлению всего положительного в нашей культуре, думается, выросло целое поколение, считающее себя свободными от любых обязательств не только в отношении общества, но и даже родственных групп, с чем мы связываем наличие в Чечне домов-интернатов для престарелых и домов ребенка»<sup>1</sup>.

Переход к современной цивилизации (и по капиталистическому, и по социалистическому пути) в разное время преодолевали почти все народы, и ни один из них не избежал подобных издержек. Для новых поколений чеченцев чрезвычайно важно как можно быстрее найти способ свести деградацию своей культуры к минимуму.

Нравственность – это живой поведенческий комплекс, в котором традиции всегда обновляются, а инновации со временем становятся традициями; поэтому нормы поведения приобретают гибкость и не теряют своей ценности. Важно уточнить, что ни культуру, ни нравственность нельзя считать неким кодексом, сводом раз и навсегда застывших правил. Разные культурные пласты обычно переплетаются между собой, а в кризисных ситуациях обеспечивают автоматическую защитную реакцию общественного организма, смягчая сложность ситуации.

Человек – существо универсальное, способное жить в любых природных условиях земного шара, осваивая самые разнообразные способы и формы деятельности. Но он становится человеком только в общении с другими людьми, в определенной культурной атмосфере, вне которой человек погибает, – как любое живое существо не может жить без воздуха. Культура дана человеку как совокупность смыслов и значений, как продукт его собственных интерпретаций, создающих импульс к развитию.

Посредниками в культурной деятельности человека являются *слова, образы, навыки общения* в собственной социальной среде. Са-

ма культура функционирует благодаря системе сложно организованных *культурных институтов*. В культурной деятельности присутствует момент целеполагания, идеальными формами которого являются *план, образ, намерение*. Такой творческий аспект деятельности К. Лоренц называл способностью к «визуализации, созданию ситуаций, не имеющих аналогов в действительности»<sup>2</sup>.

Тип личности, сформированный чеченской культурой, характеризуется трудолюбием, внутренней дисциплиной и самообладанием, благообразным поведением, почтением к старшим, заботой о младших. Конечно, особенности воспитательного процесса зависели от условий жизни семьи, от уровня экономического, политического и культурного развития народа.

Передача жизненного опыта из поколения в поколение является существенным условием жизнеспособности любого этноса. В процессе социализации личности главную роль играет семья, хотя в современных условиях ее влияние существенно дополняется ролью различных коллективов и учреждений культуры. Любая этнокультура по сути синкретична, она впитывает в себя различные элементы культуры других народов. Современные средства информации и коммуникации весьма способствуют этим процессам. Однако для этнической культуры приемлемы только те ее новые элементы, которые не противостоят ее традиционным устоям. Наряду с выбором каждым человеком способа собственного самовыражения в чеченском обществе этот процесс регулируется еще и коллективным выбором народа.

З.И. Хасбулатова дает такую оценку современного состояния чеченской культуры: «Последние 10–15 лет мы находимся и живем в деградирующем обществе, что приводит... к потере трезвости в самооценке. Признаком этой деградации является пропаганда исключительности и особого величия чеченского народа»<sup>3</sup>. Нравственность любого общества подвержена опасности в случае полного отсутствия критики (или нетерпимости к ней), а также в случае отказа от культурного взаимодействия с другими народами.

Неопровержимым историческим фактом является то, что чеченское общество на протяжении многих столетий подвергалось мощной экспансии на разных уровнях – политическом, экономическом, религиозном, культурном. Мы имеем в виду роль Хазарского халифата, татаро-монгольского нашествия, насильственной исламизации, событий Кавказской войны. Чеченский народ испытал депортацию с родной земли, нападки «воинствующего атеизма» в эпоху «социалистического строительства», угрозу гибели в условиях недавней русско-чеченской войны. Несмотря на все это, чеченцы остались верны своим традиционным ценностям, сохранили

свой уникальный язык, память о «генеалогическом древе» каждого рода (тейпа) и своей трагической истории. И сегодня культура чеченского народа – это сфера активного развития и ассимиляции (в филигранно обработанном виде) многих черт русской и европейской культуры. Результат этого взаимодействия – новые формы жизни чеченского общества, которые стали факторами его консолидации и включения в культурный диалог с другими народами.

В советскую эпоху чеченская культура активно взаимодействовала с традициями других народов, населявших Чечено-Ингушскую автономную республику, а также находилась под влиянием классического искусства. В республике действовали Союзы писателей, художников, кинематографистов, были созданы симфонический оркестр, русский и национальный драматический театры, выступали детские творческие коллективы. Здесь выросла целая плеяда заслуженных деятелей культуры, известных не только в СССР, но и за рубежом: танцор М. Эсамбаев, певец Большого театра М. Минцаев, композиторы А. Шахбулатов, У. Бексултанов, С. Димаев. Все это способствовало формированию новой культурной среды, развитию чеченского общества в русле мировой цивилизации. Однако в то же время сохранялась дискриминация чеченцев, – в частности, нарушалось их право на работу в нефтяной и других отраслях промышленности. Процесс культурного строительства в советской Чечне характерен для многих так называемых «развивающихся обществ». Происходила постепенная ассимиляция, консолидация и унификация национального менталитета чеченцев. Говоря о появлении «массовой культуры» у всех народов, приобщившихся современной цивилизации, А.В. Малащенко отметил, что ее влияние не сказалось на «мировоззрении большей частью мусульман». Он же утверждал, что миссионерская проповедь радикальных исламистов из-за рубежа «не вызвала глубоких сдвигов в сознании большинства народов Северного Кавказа»<sup>4</sup>. Полагаю, что к подобным выводам можно было прийти только на основании наблюдения за поведением чеченских лидеров в Верховном Совете ЧИАССР, администрации президента республики и в других эшелонах власти.

Некоторые представители чеченской элиты восприняли современный переходный период как удобный случай для передела государственной собственности, для присвоения природных ресурсов и самого народа республики. Новые марионеточные властители внесли немалый вклад в распространение наркобизнеса на территории Чечни.

События последних двадцати лет позволяют выделить следующие тенденции:

- в период 1992–2000 гг. моноэтническое чеченское общество оказалось не в состоянии консолидироваться вокруг какого-

- либо одного политического лидера, интересы которого соответствовали бы ценностным ориентирам народа;
- наметившийся в 2004 г. устойчивый восстановительный процесс заставляет федеральные и местные власти повернуться лицом к проблемам чеченского народа, который на своих плечах вынес все тяготы войны. Полное отчуждение народа сменилось некоторым доверием к этим властям;
- чеченское общество, разделенное на ряд социальных групп, придерживается разных взглядов, но все согласны в том, что «самый худой мир лучше, чем война»;
- в настоящее время чеченские власти содействуют «насильственной исламизации» общества. Но даже в такой негативной форме этот процесс способствует развитию национальной культуры за счет возвращения к традиционным ценностям.

Население республики жаждет возвращения к нормальным условиям жизни, и то, что создано в республике сегодня в сфере культурной жизни, не всех устраивает. Проведенный в марте 2010 г. социологический опрос выявил, что отношение к культурным потребностям у респондентов разных возрастных групп разное. Из опрошенных 250 респондентов образовались три возрастные группы: 17–20 лет, 25–40 лет, 40–60 лет.

Первую возрастную группу устраивает представленный в республике культурный сервис. Вторая и третья возрастные группы разделились. Одну часть респондентов устраивает представленный комплекс культурного сервиса, вторую часть не устраивает, и она ответила: «Нет, недостаточен», и даже задала вопрос: «А где вы видите сервис?»

Возрастным группам 25–40 и 40–60 лет есть что сравнивать, и они недовольны тем, что им сегодня представляют под культурным сервисом, а вот переживших войну молодых устраивает то, что им преподносится сегодня.

На предложенный выбор между культурами: западной, восточной, традиционно-национальной и современной респонденты разделились также на три группы: одни предпочли традиционно-национальную и современную (некий синтез культур), вторые – национальную, современную и западную. Во второй группе есть респонденты, утверждающие, что их интересует национальная и западная культура, а из культурных мероприятий они посещают лозар и слушают музыку хип-хоп, рок и т. д. Третья группа респондентов интересуется религией. Представившие третью группу респонденты отметили, что они занимаются спортом, ходят в мечеть, посещение культурных мероприятий для них это рузба в пятнич-

ный день, праздник рамадан, музыка у них ассоциируется с сурами из Корана. Небольшая часть из этих респондентов утверждает, что слушать музыку – грех и они предпочитают читать Коран и слушать мовлиды. На вопросы, что значит для них культура, они ответили: «Смотря какая, не значит ничего, пока не интересовался, пока не думал». Анкеты, заполненные третьей группой и частью второй группы, отметившие свой интерес к национальной и западной культуре, отличаются тем, что свои мысли они излагают в скупой лексической форме. Сложилось впечатление, что респонденты то ли не могут, то ли не хотят вести диалог или процесс исламизации тормозит их общественное развитие. Тогда как респонденты первой группы вели свободный и живой диалог.

Социологический опрос, проведенный в 2005 г., показывал, что жители республики в своем большинстве придерживаются цивилизационного подхода развития. Ситуация в этом вопросе в настоящее время изменилась, и респонденты возрастной группы 17–25 лет, в основном проявляющие интерес как к спорту, так и к исламу, дистанцируются от культурной и общественной жизни.

Большая часть (170 человек) респондентов – это жители г. Грозного разного возраста, и все они посещают различные культурные мероприятия: библиотеки, фотовыставки, художественные выставки, театры, концерты национальной и современной эстрадной музыки.

Меньшая часть (80 человек) респондентов – жители различных сел республики отметили, что в селах функционируют дома культуры и они посещают библиотеки, выставки, концерты, в основном они слушают и любят национальную музыку и современную эстраду.

Из 250 респондентов только несколько ответили, что слушают и любят классическую музыку. Вопрос: «Что для Вас значит культура?» вызвал у респондентов различные ассоциации. Они ответили: «основа жизни; отношение к жизни; образ жизни; норма поведения; сочетание образованности, порядочности и тактичности; вести правильный образ жизни; образование, и духовное развитие и искусство; этика, эстетика; совокупность материальных и духовных ценностей; образ жизни, соответствующий чеченским традициям; материальное и духовное развитие общества и человека, образование и все ценности». И только житель с. Самашки – студент отметил, что в селе нет ни одного культурного учреждения, по этой причине он не имеет доступа к культурным мероприятиям в селе и для него культура не значит ничего.

Очевидно, что необходима альтернатива, профессионализм в этой сфере, последнее отсутствует и даже не прививается ни в куль-

турных учреждениях, ни в музыкальных школах. Репертуар музыкальных школ – это песни любовной лирики и национальные танцы. Чеченцы с детства могут петь и танцевать. Эта не проблема для них. Другое дело, что это мало способствует развитию и расширению кругозора учащихся, в том числе и музыкальных школ, в которых на обучение и развитие детей расходуются средства. А в итоге получают нулевой результат. Чечне нужны специалисты-профессионалы в сфере культурного и общественного развития.

Социологический опрос показал, что население республики нуждается в расширенном комплексе культурного сервиса, представленном качественным репертуаром и исполнением, широким выбором различных сфер искусства.

Культура – это связующее звено между индивидами и жизнью, и чем качественнее культура, тем крепче эта связь. Народная культура, как и классика, являются основой жизни человечества. Все остальное – переходная стадия между тем и другим. И восстановление важнейших принципов традиционной народной культуры (не связанной с воинствующим исламом) могло бы способствовать укреплению солидарности и благополучию чеченского общества. Но, к сожалению, это не стало целью ни для религиозных лидеров, ни для властных структур нашей республики.

Идеи инновационного развития чеченского общества, конечно, весьма актуальны, но не подкреплены созданием культурных механизмов, обеспечивающих реализацию насущных потребностей людей. Я не согласна с распространенным представлением о том, что традиционные общества не способны развиваться по инновационной модели. Однако, к сожалению, процессам модернизации чеченского общества препятствует отсутствие достойного жизнеобеспечения для значительной части населения. Слишком многие в современной Чечне лишены права на труд по своей специальности, что мешает сохранению и развитию трудовых навыков населения. Сегодня безработными оказались 70% населения, причем 30% из них составляют бывшие государственные служащие. Трудолюбие как ценное традиционное качество чеченского народа постепенно вымывается, и общество превращается в пассивную массу, которая довольствуется стандартным пакетом услуг и развлечений. В результате до предела суженное сознание оказывается не способно отличить навязанную ему виртуальную реальность от действительной ситуации.

Анализ социокультурной ситуации в поствоенной Чечне позволяет сделать вывод, что благополучие общества напрямую зависит от взглядов его лидеров и методов управления. Современную чеченскую культуру можно отнести к смешанному «традиционно-индустриальному» типу. Ее индустриальная составляющая унаследо-



вана от промышленного развития республики в советские годы. Традиционная специфика культуры представлена только чеченскими песнями и танцами, а «насильственная исламизация», которую поддерживает и нынешнее руководство республики, отнюдь не способствует активному росту демократического самосознания. Общество, изолированное от мирового культурного наследия, лишено возможности накапливать опыт собственного цивилизационного развития и обречено на культурную деградацию.

Нельзя не отметить и определенные негативные тенденции, распространенные в Чеченской Республике. Культурная сфера – область нравственных ценностей, и, когда в ней появляются дилетанты, эта сфера теряет свои ценностные ориентиры и скатывается до самодетальности или аукциона, где за деньги все можно купить, продать.

Звание народного, заслуженного деятеля культуры или народно-го, заслуженного артиста ЧР это не подарок за показной, разовый номер, исполненный на президентских встречах с нужными людьми или на концерте в честь той или иной даты. Это изнурительный путь в творческом становлении, это признание и уважение таланта и высокого искусства, достигнутого исполнителем. В нашей республике эти звания получить легче, чем значок ДОСААФ. Это дискредитация искусства как такового. Любое дело требует профессионализма и ответственности, а безответственность порождает дилетантизм. Население, наблюдающее процесс развития и становления такой экономики, культуры в республике, не только перестанет развиваться, а, наоборот, будет постепенно деградировать.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что, по мнению большинства деятелей культуры, вовлеченных в опрос, симбиоз культур и традиций, которые являются концентрацией духовного опыта разных народов, вовсе не мешает, а способствует развитию любого общества. При соприкосновении с другими этнокультурами, в том числе и более высокого уровня, чеченское общество способно обновляться, получив мощный импульс к развитию.

#### Примечания

- <sup>1</sup> *Хасбулатова З.И.* Нравственная культура чеченцев. Назрань: ООО «Пилигрим», 2007. С. 84.
- <sup>2</sup> *Белик А.А.* Культурология // Антропологические теории культур. М.: Институт Открытое общество, 1998. С. 19.
- <sup>3</sup> *Хасбулатова З.И.* Указ. соч. С. 83.
- <sup>4</sup> *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. С. 169.



М.А. Джамалдаева

## УЧАСТИЕ ВУЗОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ВОССТАНОВЛЕНИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье, основанной на данных экспертного интервью, рассматриваются системные изменения в образовательной сфере Чеченской Республики за последние 20 лет, состояние системы образования в настоящее время, проблемы и специфика образовательной политики в республике, а также роль вузовской интеллигенции в восстановлении образовательного потенциала этого субъекта РФ.

*Ключевые слова:* система образования, образовательные учреждения, интеллигенция, образовательная политика.

Образовательные учреждения Чеченской Республики в течение 10 лет оказались изолированными от общероссийских процессов социально-экономических реформ. Виной этому послужили события 1991 г., связанные с государственным переворотом, а также две военные кампании, имевшие место на территории Чеченской Республики в период с 1994 по 1995 и с 1999 по 2000 г.

Следует отметить, что с 1991 по 1994 гг., а также с 1996 по 1999 г. работники сферы образования Чеченской Республики не получали заработную плату. За указанный период из бюджета Российской Федерации трансферты на финансирование учреждений образования Чечни не поступали. Несмотря на это, система образования Чеченской Республики все же сохранилась. Это стало возможным благодаря трудовой этике и самоотверженности работников сферы образования. Учителя школ и преподаватели вузов Чеченской Республики совершили за отмеченный период гражданский подвиг не только перед собственным народом, но и перед всеми народами Российской Федерации. Сохранение целостности системы образования на территории республики явилось,

---

© Джамалдаева М.А., 2011

по сути, одним из основных факторов сохранения целостности всей нашей страны.

Проведенное автором в 2008–2010 гг. эмпирическое исследование (экспертные интервью с 20 преподавателями Чеченского государственного университета) позволяет проанализировать реальное участие вузовской интеллигенции в восстановлении региональной образовательной культуры и среды. По мнению преподавателей вузов, система образования в Чеченской Республике после военных действий находилась в полном упадке. Разрушены были не только учебные заведения, но и вся материально-техническая база, отсутствовали профессиональные образованные кадры, многие уехали из республики.

Как утверждает один из наших респондентов, «по сравнению с соседними северокавказскими республиками система образования в Чечне отставала еще в советские времена. В Грозном функционировали всего два вуза (третий открылся только в 1981 г.). Процент кандидатов и докторов наук из чеченцев и ингушей был очень низок. На 1000 жителей с высшим образованием приходилось 7, в то время как в Северной Осетии эта цифра составляла – 37»<sup>1</sup>.

Практически все опрошенные респонденты подчеркивают, в каких тяжелых условиях находился чеченский регион и система образования: «В результате общественно-политического кризиса в республике в начале 90-х годов, военных кампаний в 1994–1996 и 1999–2001 годы почти вся материально-техническая база системы образования была уничтожена. Из учебных заведений ушли квалифицированные кадры преподавателей. Снижился уровень преподавания в школах, училищах, вузах...»<sup>2</sup>

Большинство преподавателей отмечают невосполнимые кадровые потери: «...последние 15 лет сфере образования республики был нанесен значительный ущерб, как в материальном, так и морально-психологическом плане. Образование перестало быть престижным. Многие опытные и талантливые педагоги ушли в другие виды деятельности...»<sup>3</sup> Причем морально-психологические утраты приобрели массовый характер: «Спасаясь от артобстрелов, авианалетов, преподаватели в массовом порядке покинули республику. Это, в свою очередь, отразилось на образовательном процессе, разумеется, понизив его качественную сторону. На смену старому профессорско-преподавательскому составу пришли молодые специалисты, вчерашние выпускники вузов, которые и сами нуждались в серьезной подготовке...»<sup>4</sup>

«Если говорить о нашем университете, – с сожалением утверждает один из известных в республике специалистов – то до известных событий он был одним из ведущих вузов на Северном Кавка-

зе. Пик его расцвета пришелся на 70–80-е годы прошлого века. Работки ученых применялись в различных областях науки и промышленности. Так, они использовались в конструкторском бюро А.Н. Туполева, демонстрировались на международных выставках»<sup>5</sup>.

Вместе с тем многие преподаватели в тяжелые годы проявили удивительное личное мужество, стойкость и преданность делу, буквально по крупицам воссоздавая саму образовательную среду. Рассказывая, в каком положении оказались вузы, наши респонденты вспоминают: «...большинство преподавателей, которые продолжали работать в период Масхадова, не получая даже заработную плату, сохранили учебные заведения. Уже в апреле–мае 2000 года, когда Грозный лежал в руинах, на территориях разрушенных учебных заведений появились преподаватели. Они собирали мебель, библиотечные книги. И уже в сентябре в помещениях, где не было ни окон, ни дверей, начались занятия...»<sup>6</sup>

Многие преподаватели, оставаясь верными своему долгу, вернулись в республику и стали возрождать разрушенные аудитории университетов: «...Интеллигенция решительным образом повлияла на восстановление этой сферы. Мне довелось принять в этом непосредственное участие, которое выражалось в преподавательской и научной деятельности в стенах вузов...»<sup>7</sup>, «Интеллигенция все сделала, чтобы восстановить культурную среду и свои рабочие места. Не дожидаясь финансирования, на субботниках ремонтировали помещения, чтобы начать обучение детей и студентов»<sup>8</sup>.

Восстановление системы образования началось в 2000 г. с выделения целевых мест в вузы России. «За 2000–2007 годы большая часть школ и средних и высших учебных заведений завершили восстановительные процессы. Все относительно сохранившиеся здания учебных корпусов отремонтированы. Сейчас идет этап дальнейшего развития. Ежегодно ряды ученых республики, защитивших кандидатские и докторские диссертации, увеличиваются на 20–30 человек»<sup>9</sup>.

Многие респонденты подчеркивали взаимозависимость процессов восстановления социально-экономической сферы в регионе и возрождения системы просвещения. «После завершения так называемой второй чеченской кампании в ЧР начался процесс восстановления социально-экономической сферы. В рамках этого процесса были приняты меры к возрождению системы просвещения. Под вузы были выделены здания, которые находились в более-менее нормальном состоянии. За короткий период удалось собрать и мобилизовать в трудных послевоенных условиях преподавательский состав. Студенты были обеспечены общественным транспортом...»<sup>10</sup>

Преподаватели выделяют заинтересованность самих студентов в восстановлении системы образования и считают, что они оценивают сложившуюся обстановку «положительно. Особенно их радует возможность общаться со студентами вузов России и зарубежья...»<sup>11</sup>. «Они горды и рады, ведь они устали – дети войны. Это их мечты – ходить спокойно на занятия и обогащаться знаниями, быть в курсе процесса образования...»<sup>12</sup> Однако трудные годы оставили существенные изъяны в общей образовательной подготовке студентов: «...многим не хватает навыков системной, непрерывной учебы и накопления знаний...»<sup>13</sup>

Особое значение опрошенные нами преподаватели уделяют «мотивам получения образования. Одни подходят к выбору профессии сознательно. Эта часть студентов, как правило, увлечена определенной сферой. Они поступают в вузы, чтобы получить определенную профессию, хотя бы добиться успехов в выбранной сфере. Вторая группа студентов – это те, кто поступают в вуз, чтобы просто получить диплом. То есть они не определились, в какой сфере хотели бы работать. Чаще всего поступают по указке родителей. Это самая большая группа студентов. Третья группа – это студенты, поступившие, чтобы избежать призыва в армию...»<sup>14</sup>.

Один из важнейших итогов реконструкции системы образования в ЧР педагоги видят в том, что «в отличие от предыдущих лет престиж высшего образования вырос. Молодежь поняла, что без диплома получить достойную работу весьма затруднительно. Поэтому подходят к занятиям более ответственно, чем раньше...»<sup>15</sup>. «Без высшего образования большинство молодых людей чувствуют себя неуверенно и не видят для себя перспективы для участия в огромном процессе по восстановлению республики и выводу ее на международный уровень общения»<sup>16</sup>.

Вместе с тем респонденты отмечали, что множество проблем в развитии системы образования до сих пор не решено: «...пока качество образования относительно низкое. В школах не хватает преподавателей. Огрехи в знаниях школьной программы отражаются и на качестве обучения в вузе...»<sup>17</sup> По общему мнению, «качество образования зависит от качества жизни в данном регионе. В Чеченской Республике, как известно, в связи с военными событиями много проблем возникло в социальной и экономической сферах. Все это отражается на работе вузов. Хотя преподавательский коллектив предпринимает все усилия для качественного обучения студентов, объективные причины не дают в полной мере наладить процесс обучения...»<sup>18</sup>. «Многое зависит также от подготовленности профессорско-преподавательского состава, а он хромает ввиду из-

вестных событий. На 50 и более процентов он представлен молодыми кадрами, вчерашними выпускниками вузов»<sup>19</sup>.

Некоторые недостатки системы профессионального образования в регионе являются общими для всей Российской Федерации. Так, «большинство чеченских юношей и девушек стремятся стать юристами и экономистами, тогда как возрождающаяся экономика республики прежде всего нуждается в инженерах»<sup>20</sup>.

Преподаватели выражали надежду на позитивные перспективы развития системы образования в ЧР: «...разрабатывается проект строительства в Грозном современного университетского городка. Если он будет реализован, Грозный превратится в один из ведущих образовательных и научных центров Юга России...»<sup>21</sup> В ходе нашего опроса выяснилось, что вузовская интеллигенция склонна к оптимистическим прогнозам: «У системы высшего образования в ЧР очень хорошие перспективы. Высшее образование пользуется в республике большой популярностью. Из года в год растет число абитуриентов. И этот процесс идет по нарастающей...»<sup>22</sup>. «Я думаю, мы восстановим систему образования, а далее сломим стереотип, сложившийся за время войны о чеченцах, как о бандитах и сепаратистах»<sup>23</sup>.

Причем ряд респондентов выход университетского образования в ЧР на мировой уровень развития связывают с конкретными делами: «Самые тяжелые времена мы уже пережили, и сейчас идет стабильный учебный процесс. За короткое время нам удалось отремонтировать четыре учебных корпуса. Построен анатомический центр для медицинского факультета, работают 10 компьютерных классов, учебные лаборатории. У нас также открыто отделение кафедры ЮНЕСКО по сохранению культурного наследия, памятников культуры и градостроительства. Наш университет принят в евразийскую ассоциацию университетов, тесно сотрудничаем с вузами Дании. Мы видим возрождение вуза как университетского округа, это поможет наладить эффективное взаимодействие ЧГУ и других образовательных учреждений с органами власти и управления»<sup>24</sup>.

Вузовская интеллигенция решительным образом повлияла на восстановление системы образования, поскольку принимала в этом непосредственное участие. Именно преподаватели первыми вернулись в Чеченскую Республику после военных событий 1995 г., и уже не покидали республику даже во время второй чеченской кампании, проводя занятия среди руин учебных заведений.

За 2000–2007 гг. большая часть школ, средних и высших учебных заведений завершили восстановительные процессы. Все относительно сохранившиеся здания учебных корпусов были отремон-

тированы, часть из них оснащена компьютерной техникой. Открываются библиотеки, организовываются кружки, создается студенческий театр при ЧГУ, есть команды КВН. Разрабатывается проект строительства университетского городка. Общая цель региональной политики – превращение Грозного в ведущий образовательный центр Юга России.

В целом результаты интервьюирования свидетельствуют о том, что интеллектуальное сообщество Чеченской Республики едино во мнении, что восстановление республики начинается именно с системы образования. Только образование может вывести ЧР из сложившихся за пятнадцать лет обстоятельств, привести в нормальное, стабильное русло жизнь населения, обеспечить восстановление экономики, здравоохранения и культуры народа.

#### Примечания

---

- 1 Интервью 1, архив автора.
- 2 Там же.
- 3 Интервью 2, архив автора.
- 4 Интервью 3, архив автора.
- 5 Интервью 4, архив автора.
- 6 Интервью 1, архив автора.
- 7 Интервью 2, архив автора.
- 8 Интервью 4, архив автора.
- 9 Интервью 1, архив автора.
- 10 Интервью 2, архив автора.
- 11 Интервью 3, архив автора.
- 12 Интервью 5, архив автора.
- 13 Интервью 4, архив автора.
- 14 Интервью 1, архив автора.
- 15 Интервью 2, архив автора.
- 16 Интервью 3, архив автора.
- 17 Интервью 1, архив автора.
- 18 Интервью 2, архив автора.
- 19 Интервью 3, архив автора.
- 20 Интервью 4, архив автора.
- 21 Интервью 1, архив автора.
- 22 Интервью 2, архив автора.
- 23 Интервью 5, архив автора.
- 24 Интервью 4, архив автора.

М.Б. Буланова

### ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Данная статья посвящена проблеме формирования системы высшего образования для российских эмигрантов в условиях зарубежья. На примере высших учебных заведений Чехословакии и Франции 1920–1930 гг. показан процесс постепенного перехода от обучения в них русских студентов к созданию самостоятельной сети «русских образовательных учреждений». Раскрыта преемственность российской и зарубежной моделей высшего образования эмигрантов.

*Ключевые слова:* российское зарубежье, модель высшего образования, русские образовательные учреждения.

Феномен российского зарубежья «первой волны» (1920–1930-х годов) вызывает сегодня большой интерес у исследователей. Важнейшей составляющей этого феномена является создание системы высшего образования эмигрантов на русском языке.

На первом этапе эмиграции была продолжена успешная практика XIX – начала XX в. – обучение русских студентов в зарубежных вузах ряда стран. После Октября 1917 г. в зарубежье попали около 2 миллионов бывших граждан Российской империи. Из них, по данным анкеты Объединения русских эмигрантских организаций (ОРЭСО) 1922 г., оказалось более 14 тысяч российских студентов и лиц, получивших среднее образование в России<sup>1</sup>. Причем эмиграция разбросала студентов по целому ряду стран. По данным, опубликованным в 1922 г., в Турции к ноябрю 1921 г. насчитывалось около 2000 человек, в Греции – 230, в Болгарии – около 2000, в Югославии – более 2500, во Франции – около 300, в Польше – более 1000, в Чехословакии – от 200 до 300, в Германии – более 1500 человек<sup>2</sup>.



Необходимо подчеркнуть тот факт, что правительства этих стран брали на себя материальные затраты по частичному содержанию русских студентов, давали им общежития, устанавливали режим «наибольшего благоприятствования» в обучении. Русских принимали не столько из милости, сколько из «высокого понимания единства культурной Европы»<sup>3</sup>.

Не только правительства отдельных стран, но и российская эмиграция считала своим долгом помочь молодежи получить образование. При российских посольствах на постоянной основе были созданы Испытательные комиссии для приема в течение года переходных экзаменов, а также экзаменов на аттестат зрелости, что давало возможность молодым людям продолжить образование в высших учебных заведениях вне России. В состав комиссий входили русские преподаватели, работающие в местных образовательных учреждениях<sup>4</sup>.

Особенно благоприятное положение сложилось в Чехословакии. В 1921 г. по инициативе президента Т. Масарика, его сподвижников К. Крамаржа и В. Гирса был начат проект «Русская акция». Этот проект преследовал не только гуманитарные, но и практические цели. По замыслу президента Масарика, надо было «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил России», которые «после краха большевизма начнут у себя на родине строить демократическое общество». Приоритетными направлениями стали наука и образование. На «Русскую акцию» решено было выделить 5% среднегодового бюджета республики.

Прежде всего, в рамках акции необходимо было оказать помощь русскому студенчеству с целью не допустить потери (прежде всего для России) молодого поколения. В том же 1921 г. группа русских профессоров, поддержанная российской эмиграцией, поставила перед общественными и правительственными кругами Чехословакии вопрос об оказании помощи русскому студенчеству, разбросанному по всему миру. Эта идея нашла отклик. Летом 1921 г. в Чехословакии был создан особый Комитет помощи русским студентам. Чешское правительство в первую очередь, выделило средства на содержание студентов, находившихся на территории Чехословакии, но уже с конца 1921 г. – на содержание студентов из других стран<sup>5</sup>. Представители русских академических кругов отправились в разные страны с благородной миссией – выявить студентов для оказания им помощи в продолжении образования. Такая группа, в частности, прибыла в Константинополь. 25 августа 1921 г. проф. М.М. Катков и преп. М.А. Циммерман, работавшие до эмиграции в Московском университете, провели коллоквиум для всех желающих продолжить образование. В итоге первая группа студентов

(200 человек) из числа выдержавших испытание отправилась в Прагу. К весне 1922 г. около 1700 русских студентов стали стипендиатами Чешского правительства<sup>6</sup>. Студенты были распределены по высшим школам Чехословакии в Праге, Брно, Братиславе и других городах. Они были расселены в несколько больших общежитий и частично на частных квартирах, получили одежду, питание, пособие, карманные деньги. Русские студенты-эмигранты жили в довольно тяжелых условиях. Выделенной стипендии едва хватало на поддержание скромного уровня потребления, поэтому они вынуждены были работать в свободное от занятий время. Все они тогда жили надеждой на скорое возвращение на Родину и верой в возможность служить новой России.

В октябре 1921 г. образовательный процесс в зарубежье был взят под контроль Русским академическим союзом (РАС). 26 апреля 1922 г. Совет этой организации принял специальный документ «Правила о государственных испытательных комиссиях». В составе таких комиссий предполагалось не менее пяти ординарных и экстраординарных профессоров соответствующих специальностей. Документ также предусматривал: перечень лиц, которые могут быть допущены к испытаниям; круг предметов; программу испытаний и порядок их проведения; систему оценок знаний; форму выдаваемых дипломов; источники средств оплаты экзаменов<sup>7</sup>. Тем самым была упорядочена процедура подготовки и сдачи квалификационных экзаменов русской молодежью. Испытательные комиссии были утверждены при Русских академических группах в различных странах. Например, в Чехословакии Испытательная комиссия для производства экзаменов за курс средней школы возникла в 1923 г. Комиссия выдавала свидетельства на русском и чешском языках, утверждаемые Министерством народного просвещения и дающие право поступления во все высшие учебные заведения ЧСР. С 1924 по 1927 г. такие свидетельства получили 52 человека<sup>8</sup>. Деятельность этой и других комиссий были весьма своевременны, так как в условиях беженской жизни многие студенты оказались без надлежащих документов и не могли продолжить свое образование.

На втором этапе в эмиграции была проведена огромная работа по созданию целой сети русских образовательных учреждений.

«Русским Оксфордом» называли Прагу, поскольку чешское правительство не просто поддержало, но целиком взяло на себя финансирование русских учебных заведений. За основу функционирования национальной образовательной системы за рубежом был взят российский университетский Устав 1884 г. Это касалось структуры вуза, перечня кафедр, использования учебных планов и

программ. Такой подход должен был сохранить национальные традиции. В административном плане русские учебные заведения работали под патронатом соответствующих Министерств просвещения и Иностраннных дел стран пребывания. Например, высший надзор над Русским институтом сельскохозяйственной кооперации в Праге осуществляло Министерство земледелия ЧСР. Но содержательная и оценочная сторона образовательного процесса оставалась в руках российских учреждений.

Специализация учреждаемых русских факультетов или высших учебных заведений обуславливалась рядом причин. Во-первых, необходимостью обеспечения национальных интересов. Во-вторых, компенсацией профессиональной подготовки по ряду специальностей в Советской России. В-третьих, потребностями самой эмиграции в тех или иных кадрах для поддержания жизнедеятельности зарубежной России.

1 августа 1923 г. в Праге был торжественно открыт Русский педагогический институт им. Яна Амоса Коменского. А.В. Жекулина, одна из учредителей института, заявляла, что это учебное заведение «имеет своей задачей подготовку деятелей по народному образованию в России и является в данный момент необходимым, возможным и своевременным»<sup>9</sup>.

В Положении об институте отмечалось, что «русский институт им. Амоса Коменского есть русское учебное заведение с двухгодичным курсом, имеющее целью подготовку деятелей по начальному народному образованию в России»<sup>10</sup>. Директором института был проф. С.А. Острогорский. Институт находился в ведении Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики. В институт принимались русские граждане обоего пола, имеющие законченное среднее образование и не старше 30 лет. Обучение в институте было бесплатным, преподавание велось на русском языке. По окончании института действительные слушатели получали диплом не преподавателя, а инструктора начального образования. По замыслу учредителей и педагогического коллектива, при воссоздании России будет необходимо, чтобы повсюду на местах учителя имели постоянных руководителей, которые помогали бы им восстановить школу сообразно новым требованиям и руководили бы ими в осуществлении этих задач. Обычная практика подготовки учителей признавалась недостаточной, так как не давала представления о педагогических проблемах. Кроме того, простой учитель имеет дело только со своим предметом, а инструктор должен получить «до известной степени» энциклопедическое образование<sup>11</sup>.

Такое энциклопедическое образование осуществлял педагогический коллектив, состоящий из лучших профессоров и педагогов

дореволюционной России. Христианское вероучение читал проф. С.Н. Булгаков; психологию – проф. В.В. Зеньковский; логику – проф. Н.О. Лосский; общую педагогику – проф. С.И. Гессен; историю педагогических учений – проф. И.И. Лапшин; русскую литературу – А.А. Бем; славяноведение – В.А. Францев; историю русского искусства – Н.Л. Окунец; обзор эстетических теорий – Е.В. Аничков. Историю русского языка читал С.И. Карцевский; анатомию и физиологию – С.А. Егунов; биологию и географию животных – В.А. Шкаф; биологию и географию растений – проф. В.С. Ильин; русская школа за последние полвека – Д.М. Одинец; родиноведение (производительные силы России и их использование) – проф. Н.М. Могялинский и др. Причем учебный план находился в процессе постоянного совершенствования. Большую роль в его улучшении играл Совет русских академических организаций<sup>12</sup>. Так, например, выделялись часы на изучение чешского языка, а также на факультативы – ручной труд, лепка и рисование, пение и игры, ритмическая гимнастика. На первом курсе преимущественно изучались общеобразовательные дисциплины, на втором – специальные.

Предусматривались семинарии, экскурсии, посещение учебно-воспитательных учреждений, ознакомление с основами сельского хозяйства, огородничества, животноводства на практике. Чтение лекций производилось с 2 до 6 часов дня; практические занятия проводились в утренние часы до начала лекций; занятия в семинарах занимали вечерние часы после лекций. По субботам лекции заканчивались не позднее 5 с половиной часов. Продолжительность лекций в зависимости от предмета –  $\frac{3}{4}$  часа и 1,5 часа.

Неудивительно, что такой состав преподавателей, программа и условия обучения вызвали большой интерес со стороны желающих получить высшее образование и в будущем «послужить Родине». Пришлось даже ограничить число действительных слушателей до 100 человек на курс. Однако Русский педагогический институт в силу политических и материальных причин благополучно проработал лишь до 1925 г. В конце 1926 – начале 1927 г., вызвав «у русской эмиграции чувство глубокого сожаления и горечи», он прекратил свое существование, выпустив за период свой деятельности около 100 человек<sup>13</sup>.

Другим крупным учебным заведением был Русский юридический факультет в Праге. Учредителем его выступил Союз русских академических организаций, стремившийся к восстановлению юридического образования. Открытие факультета состоялось 18 мая 1922 г.<sup>14</sup> Русский юридический факультет был основан как частное высшее учебное заведение с Уставом и программой, аналогичной юридическим факультетам дореволюционной России. Нововведе-

ниями в программе были курсы международного права, советского строя и дополнительные курсы – логика, психология, русская история, история экономических учений, экономическая география и др.<sup>15</sup>

Для поступления на факультет необходимо было представить подлинник или официальную копию документа, удостоверяющего или окончание курса среднего учебного заведения, или обучение в одном из русских высших учебных заведений. Требовалось знание основ латинского языка, о чем надо было представить удостоверение или сдать коллоквиум. На факультет принимали всех желающих, без ограничения национальности и подданства.

В этом учебном заведении преподавали выдающиеся ученые юридических факультетов Московского, Петроградского, Харьковского, Киевского и Ростовского университетов. Лекции по уголовному праву читал проф. С.К. Гогель; по государственному праву – проф. Н.Н. Алексеев; по общей теории права – проф. А.Н. Фатеев; по финансовому праву – А.А. Вилков; по гражданскому праву – проф. С.В. Завадский; по философии права – проф. П.И. Новгородцев. Кроме того, на факультете преподавали профессора П.И. Георгиевский, Д.Д. Гримм, М.М. Катков, П.Б. Струве, А.А. Кизеветтер, Н.О. Лосский, А.В. Федоровский, Г.В. Флоровский, С.Н. Булгаков, Г.В. Вернадский. Таким образом, в работе факультета принимали участие не только юристы, но историки, философы, представители других гуманитарных наук. Деканом факультета с 1922 по 1924 г. был П.И. Новгородцев. Учебные занятия начались 16 октября 1922 г. сразу на четырех курсах. Если преподавательский корпус был сформирован, то учебников и учебных пособий катастрофически не хватало. При содействии профессоров студенты начали издавать тексты лекций. На факультете также велась активная научная работа – факультет издавал научные труды по праву, философии, социально-экономической и политической истории России и Чехословакии. По тем же причинам, что и Русский педагогический институт, Русский юридический факультет был закрыт в 1929 г. За период существования факультета дипломами об окончании этого заведения были удостоены 384 человека. К званию доцента были подготовлены 16 человек, активно готовились докторские диссертации<sup>16</sup>.

Наиболее долговременным русским высшим учебным заведением, просуществовавшим 16 лет, был Русский народный университет в Праге, торжественное открытие которого состоялось осенью 1923 г., как чешско-русское просветительное учреждение. Учебная деятельность университета начиналась скромно – с устройства публичных лекций и организации курсов иностранных языков. В дальнейшем его деятельность была расширена.

На своем первом этапе это учреждение находилось под контролем Земгора, державшего финансы университета и пытавшегося с помощью управляющего делами университета П.Д. Климушкина вмешиваться в учебный процесс. Например, таким научным авторитетам, как акад. П.Б. Струве или проф. Н.О. Лосский, предложили читать лекции более популярно, делая их доступными для широкой публики<sup>17</sup>. Неутомимая борьба проф. М.М. Новикова, неоднократно обращавшегося с просьбой о выведении университета из ведения Земгора в Министерство иностранных дел и Министерство народного просвещения, только через два года увенчалась успехом. В 1925 г. университет стал независимым русско-чешским научно-просветительским центром, а впоследствии был переименован в Русский свободный университет в Праге.

Ректором университета все годы был проф. М.М. Новиков. В управление университетом входили выдающиеся чешские деятели (знаменитый ботаник проф. Б. Немец, известный славист проф. Й. Поливка) и представители русской науки и культуры – проф. Е.В. Спекторский, проф. А.А. Кизеветтер, проф. В.В. Лепешкин, проф. Н.С. Тимашев<sup>18</sup>.

Прототипом университета было решено сделать Московский городской народный университет им. А. Шанявского. По этому поводу М.М. Новиков отмечал: «Подобно тому, как в этом университете популяризаторская деятельность совмещалась с серьезной научно-исследовательской работой, мы также старались охватить все сферы и все степени науки и искусства»<sup>19</sup>.

В университете было организовано пять отделений: отделение общественных наук во главе с проф. Н.С. Тимашевым; историко-философское отделение во главе с проф. А.А. Кизеветтером; отделение естественных и прикладных наук во главе с проф. Н.М. Могиланским; отделение по изучению Чехословакии – во главе с проф. Й. Поливкой; отделение курсов русского и иностранного языков во главе с проф. Е.И. Лацким. На первых четырех отделениях велась научно-просветительская работа. Их деятельность выражалась в организации научно-популярных лекций, в среднем около 50 в год. Они были систематизированы в небольшие тематические курсы по 6–8 часов. Примерно такое же количество учебных часов отводилось для занятий в семинариях и кружках, отличавшихся от лекций углубленным теоретическим (в семинариях) и прикладным (в кружках) характером. Под руководством преподавателей слушатели готовили доклады и участвовали в их обсуждении.

В состав университета входило Философское общество (председатель – проф. И.И. Лапшин), имеющее свое правление и действующие семинары и кружки. I. *По отделению общественных наук*

было организовано несколько семинариев: семинарий «Новое в нашей жизни» – руководитель проф. М.А. Циммерман; семинарий «Новое в экономической жизни» – руководитель проф. Д.И. Иванов; общественно-экономический кружок – руководитель проф. В.Э. Бурнст; кружок по изучению международных отношений – руководитель проф. М.А. Циммерман. II. *По историко-философскому отделению* были организованы: семинарий по изучению Достоевского – руководитель проф. А.Л. Бем; семинарий по изучению Толстого – руководитель проф. Е.И. Лацкий; кружок Ревнителеев русского слова – руководитель проф. С.В. Завадский; кружок по психологии творчества – руководитель проф. И.И. Лапшин. III. *По отделению естественных и прикладных наук* был организован семинарий по общим вопросам естествознания – руководитель проф. М.М. Новиков<sup>20</sup>.

Научно-исследовательская работа велась в рамках Философского общества, а также в целом ряде специальных семинариев и кружков. Среди них: семинарии по геополитике и философии права (проф. А.Н. Фатеев); по истории экономического быта (проф. П.А. Остроухов); по русскому языку и литературе (А.Л. Бем), по изучению современной России (ряд руководителей по отдельным проблемам); по изучению мировой войны (генерал В.В. Чернавин), по изучению сельской России (К.Р. Кочаровский), по хозяйственному быту (проф. С.Н. Прокопович), по этнографии (проф. Н.М. Могилевский)<sup>21</sup>.

Обучение в Народном университете строилось *по трем ступеням*. *Нижшая ступень* напоминала программы российских начальных школ и ставила цель – искоренить неграмотность среди взрослых. Неграмотные казаки и крестьяне, проживавшие в Праге и ее окрестностях, были приглашены организаторами университета к обучению на бесплатных курсах. *Вторая ступень* – среднее образование – была представлена рядом курсов. Особый успех имели курсы иностранных языков, помогавшие многим русским эмигрантам приспособиться к новой жизни. Успехом пользовались и курсы русского языка для чехов. Кроме того, были образованы специальные курсы русского языка для чиновников МИД и чешских студентов<sup>22</sup>. Практическая необходимость приводила к организации курсов счетоводов, торговой корреспонденции, стенографии, сестер милосердия. Как отмечал ректор М.М. Новиков, «переходной формой между средним и высшим уровнем образования были популярные лекции по различным отраслям знаний»<sup>23</sup>, которые, примерно 200 лекций в год, устраивались в различных городах Чехословакии. Помимо лекций, преподаватели университета организовывали вечера, на которых обсуждались наиболее интересные проблемы

науки и искусства. *Третья ступень* соответствовала высшему образованию.

Помимо научно-просветительской и учебной деятельности университет ставил цель «культурного сближения между чешским и русским народами». Университет выступил организатором исторических концертов (первая часть которых посвящалась лекции о ком-либо из выдающихся русских композиторов, а вторая – камерному исполнению его произведений), литературных вечеров, торжественных собраний по случаю знаменательных дат истории России или годовщины выдающихся русских людей. Как отмечал ректор университета М.М. Новиков: «Таким образом, непрестанно удерживалась и крепилась духовная связь с нашей далекой родиной, с ее умершими и еще жившими тогда созидателями в области культуры. Забота дел Народногo университета заключалась в том, чтобы питаться корнями своего отечества»<sup>24</sup>. В русле этих усилий с января 1924 г. по январь 1930 г. в академическом духе были организованы празднования годовщин основания Московского университета.

В конце 1933 г. университет организовал два новых отделения. В это время он остался почти единственным русским научно-просветительским учреждением в Праге. По инициативе В.Ф. Булгакова, бывшего секретаря Л.Н. Толстого, университет выступил организатором Русского заграничного музея, как хранилища и центра изучения истории культуры и быта русского зарубежья. Музей был открыт в замке Збраслав в пригороде Праги. В нем имелись отделения: художественное, архитектурное, истории эмиграции, русской старины с отделом автографов и фотографий. При музее была библиотека редких книг о России<sup>25</sup>.

Вторым отделением было Научно-исследовательское объединение, возникшее в 1933 г., «главная цель которого заключалась в усилении ученой деятельности университета, тем более лекционная работа к этому времени, в связи с рассеянием учащейся молодежи из Праги, ослабела»<sup>26</sup>. Университет получил наименование «свободный» и активно приступил к научной работе, так как включал в свои ряды большинство русских ученых, проживающих в Чехословакии. Вскоре стали выходить «Записки научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге». Было выпущено шесть томов «Записок» и 43 брошюры, которые составили продолжение тех пяти томов «Научных трудов университета», которые под общей редакцией М.М. Новикова выходили с 1928 г. на русском и иностранном языках.

После захвата Чехословакии нацистами университет был переименован в Русскую свободную академию, но, как писал его бывший ректор, «перестал быть тем, чем он прежде был»<sup>27</sup>.



Помимо Праги высшие учебные заведения были открыты в Париже, который нередко называли «столицей эмиграции». Здесь было основано семь высших учебных заведений, которые принимали студентов из всей русской диаспоры. По официальному статусу и уровню преподавания на первом месте стояли русские отделения, открытые в 1921 г. на трех факультетах (юридическом, историко-филологическом и физико-математическом) Парижского университета – Сорбонны. К преподаванию были привлечены больше 40 русских ученых, читавших лекции не только русским, но и французским студентам. Среди них: на юридическом факультете – профессора Б.Э. Нольде (международное право), В.Н. Сперанский, П.П. Гронский (государственное право), В.Б. Эльяшевич (гражданское право), М.В. Бернацкий, А.М. Михельсон (финансовое право), Д.М. Одинец (история государственных учреждений), В.Д. Кузьмин-Караваев (уголовное право) и другие. На физико-математическом факультете – профессора Д.П. Рябушинский, С.Н. Виноградский, Э.Г. Когбетлианц и другие. На историко-филологическом факультете – профессора Н.К. Кульман (русская литература), А.В. Карташев (история русской церкви), М.Л. Гофман (пушкинист) и другие<sup>28</sup>.

В 1925 г. был открыт Франко-русский институт (высшая школа социальных, политических и юридических наук), дипломы которого были приравнены к дипломам французских факультетов. Председателем был известный французский социолог Гастон Жез, председателем совета профессоров – П.Н. Милюков. Этот институт, продолжая традицию первых лет эмиграции, ставил своей целью «подготовку молодых кадров для общественной деятельности на родине». Однако этой цели не суждено было осуществиться, и выпускники института «осели во Франции, став французами»<sup>29</sup>.

В это же время Земско-городским советом был открыт Русский коммерческий институт в Париже. Руководство института отказалось от концепции «возвращения на родину» и ориентировало своих слушателей на работу во французской промышленности и торговле, ведя преподавание в основном на французском языке. Преподавательский состав института составляли профессор А.П. Марков, Л.Г. Барац, М.В. Бернацкий, К.О. Зайцев, Я.М. Шефтель, А.А. Титов, П.Н. Апостол, В.Ф. Сологуб, А.М. Михельсон и другие. Основными предметами этого института были: бухгалтерский учет, торговое право, банковское дело, экономика, география, маркетинг, экономика России. Наряду с зарубежными изданиями в институте учились и по русским учебникам (например, по экономической географии).

Особое место среди высших учебных заведений занимала Русская консерватория им. С.В. Рахманинова в Париже, созданная известным композитором и дирижером Н.И. Черепниным по образцу и подобию Московской и Петербургской консерваторий. Выдающиеся русские профессора и музыканты вели занятия по классам: рояля, скрипки, виолончели, пения, духовых инструментов, теории музыки, вокального ансамбля, дикции, декламации, балетной студии. Существующее до сих пор знаменитое учебное заведение в те далекие времена было не только учебным, но и культурным центром русской эмиграции.

Американская YMCA в 1921 г. основала в Париже Русскую политехническую школу, которая в 1931 г. была преобразована в Русский высший технический институт. Председателем его был проф. П.Ф. Андерсон, помощником – проф. П. Паскаль. В Совет института входили профессора П.Ф. Козловский, Н.Т. Беляев, Д.П. Рябушинский и другие. Институт, имевший заочные курсы, помог многим эмигрантам приобрести нужную техническую специальность. Заочная форма обучения оказалась достаточно удобной для студентов, выпускники были востребованы, и институт просуществовал до 1962 г.<sup>30</sup>

В 1921 г. Земско-городской совет совместно с Русской академической группой открыли Русский народный университет, в составе которого были разнообразные отделения: электротехническое, иностранных языков, автомобильное, прикладного искусства, радио, художественной вышивки, кройки и шитья, чертежные курсы. При Народном университете работали общеобразовательный отдел, музыкальная школа, были организованы лекции по русской культуре и образовательные экскурсии<sup>31</sup>.

На Сергиевском подворье (на частные эмигрантские пожертвования со всего света) открылся Православный богословский институт. Преподавателями института были видные философы и богословы, авторы многих трудов: профессора А.В. Карташев, О.С. Булгаков, В.В. Зеньковский, Г.В. Флоровский, С.Л. Франк, В.Н. Ильин, Г.П. Федотов и другие.

Кроме того, были открыты (хоть и не дававшие никаких дипломов) Высшие военные курсы генерала Генерального штаба Н.Н. Головина.

Таким образом, оказавшись за пределами России, русская интеллигенция предприняла гигантские усилия по созданию условий для продолжения высшего образования молодежи. Высшие учебные заведения русского зарубежья переняли модель образования дореволюционной России с целью сохранения и преумножения русской культуры. Преподавание в вузах первоначально было на-

целено на подготовку молодежи к будущему служению России. Однако вскоре первоочередной задачей стала проблема адаптации выпускников к условиям жизни за рубежом без иллюзий на возвращение. С середины 1930-х годов русская высшая школа начала готовить специалистов для тех стран, где оказались эмигранты, и сыграла большую роль в подготовке квалифицированных кадров различных отраслей экономики и культуры.

Примечания

- 1 Вестник Русского национального комитета. 1923. № 7. С. 31.
- 2 Студент. № 2. С. 9–13. Цит. по: Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения) / Авт. коллектив: Е.И. Пивовар, Н.П. Герасимова и др. М., 1994. С. 222.
- 3 *Костиков П.Е.* Не будем проклипать изгнание... М., 1990. С. 222.
- 4 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5760. Оп. 1. Д. 64. Л. 4–7.
- 5 Студент. 1922. № 2. С. 11. Цит. по: Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. С. 93.
- 6 Там же.
- 7 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5765. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3.
- 8 Там же. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 539. Л. 17.
- 9 Там же. Ф. 5773. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
- 10 Там же. Л. 7–8.
- 11 Там же. Л. 12.
- 12 Там же. Л. 82.
- 13 Там же. Л. 100.
- 14 Студенческие годы. 1922. № 1. С. 23. Цит. по: Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. С. 101.
- 15 Русские в Праге. 1918–1928. Прага, 1928. С. 84.
- 16 Там же. С. 84, 87.
- 17 *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 336–337.
- 18 Русские в Чехословакии. Прага, 1929. С. 96.
- 19 *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 339.
- 20 Русские в Чехословакии. С. 96–98.
- 21 *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 101.
- 22 Русские в Чехословакии. С. 99.
- 23 *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 342.

М.Б. Буланова

<sup>24</sup> Там же. С. 345–346.

<sup>25</sup> *Ковалевский П.Е.* Указ. соч. С. 101.

<sup>26</sup> *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 361.

<sup>27</sup> Там же. С. 363.

<sup>28</sup> *Гуль Р.* Я унес Россию. М., 2001. Т. II. Россия во Франции. С. 103.

<sup>29</sup> Там же.

<sup>30</sup> Там же. С. 104–105.

<sup>31</sup> *Ковалевский П.Е.* Указ. соч. С. 90.



Л.Н. Вдовиченко

## ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ МЕЧТЫ КАК ФОРМЫ ИДЕАЛА

В статье рассматриваются механизмы формирования социальных и индивидуальных идеалов, осознаваемых индивидами и социальными общностями как мечты. Выявляются различия в мечтах советского и постсоветского периодов, выявляются социальные причины и основания для эволюции социальных идеалов и желаемых образов. Особое внимание уделяется современным проектам будущего России.

*Ключевые слова:* мечта, идеал, социальные представления, ценности, элита, образ будущего.

Мечта как форма осознания и представления идеалов является одним из самых древних и вместе с тем до сих пор весьма актуальных феноменов.

Во-первых, она позволяет человеку осознать свои идеалы и представить их в виде желаемого образа. Во-вторых, формулирование желаемого образа позволяет провести различие между тем, что есть, и тем, что желательно достичь. Наконец, самый продвинутый мечтатель задает вопрос: «Как из того, что есть, перейти к тому, что желательно?» То есть формулирование мечты может служить основой стратегического планирования.

До 1991 г. можно было фиксировать два уровня формулирования мечты. На первом уровне, считавшемся тогда главным, определяющим, мечта структурировалась на основе марксистско-ленинской идеологии. Поэтому, так сказать, большой мечтой для наших граждан было построение коммунизма. Причем самым общим в мечте о коммунизме было представление, что это будет такое общество, где будут удовлетворяться все потребности человека, т. е. осуществляться все его мечты. Конечно, при более глубоком пред-

ставлении потребности ограничивались до тех, которые разумны, не наносят вред окружающим людям и среде. Например, потребность осушить все реки или уничтожить все пашни не включалась в число достойных удовлетворения при коммунизме.

На втором, более низком уровне формулировались индивидуальные мечты людей. Например, стать капитаном дальнего плавания, полететь в космос и т. д. На этом уровне также была система оценки, так сказать, «качества мечты». Существенную роль в системе оценки качества мечты играли существовавшие тогда идеалы. Эти идеалы могли носить характер признанных, официальных, иногда даже зафиксированных в документах (например, в Кодексе строителей коммунизма и т. п.).

Двухуровневая (или двухслойная) модель мечты отражала существовавшую тогда иерархию источников формирования контуров мечты: верхний уровень, олицетворявший государственную власть с официальной идеологией. И личностный, который, несмотря на громкие слова, понимался как во многом производный, нижний уровень. Между этими двумя уровнями находились средства массовой информации, система образования, искусство (прежде всего литература), которые участвовали в формировании индивидуальной мечты каждого человека в «правильных контурах», соответствующих государственной идеологии.

После 1991 г. рухнула прежняя система идеологии и такая ее проекция, как желаемый образ будущего. Перестали воспроизводиться на верхнем уровне и контуры «официальной мечты». Что касается индивидуального уровня формирования своей, личной мечты, то он тоже претерпел значительные изменения. Во-первых, у большинства граждан России сократился интервал прогнозирования своего будущего, люди стали в большей мере жить сегодняшним днем. Поэтому мечта либо вытеснялась из сознания сиюминутными потребностями, либо относилась к ближайшему периоду. С другой стороны, изменились не только ее временные характеристики, но и содержание. Она стала носить прагматичный характер. Например, заработать больше денег, купить квартиру (дом), автомобиль и т. п. С верхнего уровня не поступало никаких направляющих воздействий на процесс формирования индивидуальных представлений о контурах мечты.

Человек «пропускает» всю окружающую его реальность через призму желаемого и сущего. Механизмы осознания, стереотипы поведения в значительной мере определяются соотношением с желаемым, с мечтой. Очень часто бывает, что тот, кто в большей мере ориентируется на мечту, вместо того, чтобы обустроить реально существующий мир, ждет, что мечта каким-то чудом сбудет-

ся. Однако более конструктивным является подход, при котором между желаемым (мечтой) и сущим ищутся пути перехода из одного состояния в другое и выстраивается система мер, позволяющая осуществить этот переход.

В середине 90-х годов XX в. со стороны некоторых групп новой российской элиты (в том числе и официальных кругов) начал проявляться интерес к формированию желаемого образа России и поиску объединяющих идей, которые позволили бы восполнить пробел, возникший в результате отказа от марксистской идеологии. Как справедливо отмечал известный русский философ А.С. Панарин, «Россия – это сплетение ценностей и взаимодействие на основе духовности».

Естественно возник вопрос о том, есть ли какие-то базовые ценности, которые сохраняются в сознании большого числа россиян независимо от смены строя, политического режима, экономической ситуации и конкретных политических лидеров. Есть ли в современной России какое-то взаимопроникновение ценностей различных социальных групп, сохраняются ли базовые ценностные архетипы у разных политических ориентаций.

Изучение результатов проводившихся в 90-е годы ВЦИОМ опросов, в которых в качестве респондентов участвовали представители политической, экономической и интеллектуальной элиты, позволило сделать вывод о начале формирования у них общего ядра представлений о желаемом будущем России. Хотя выбор стратегии развития и определение образа будущей России оставались в поле зрения различных социальных слоев российского общества, особый интерес эта тема вызывала и вызывает у представителей элитарных групп. Одна из причин этого интереса кроется в том, что элитарные группы понимают важность закрепления в общественном сознании именно своего представления об образе будущего России. В связи с этим становится понятной конкуренция, развернувшаяся между сторонниками различных образов будущей экономической, политической и социальной системы России. Массовая поддержка своей модели будущего развития этих сфер рассматривается элитарными группами как существенное преимущество в борьбе за расширение своего влияния в российском обществе.

Несмотря на пеструю картину элитарных представлений о будущем России, во второй половине 90-х годов общая ситуация стала разворачиваться в сторону формирования общенационального или общероссийского консенсуса по поводу ключевых, неконъюнктурных элементов, которые позволили определить контуры мечты. Для выявления этих контуров было проведено специальное исследование, результаты которого были отражены в работе [Вдовиченко и др.]<sup>1</sup>.

При всем многословии описания предпочтительного образа будущего России, в каждой из сфер жизнедеятельности общества (политической, экономической, социальной) явно просматривался набор основных стереотипов. В видении образа будущей политической системы он характеризовался следующими вариантами: «демократия западного типа», «авторитарный режим», «вариант советской власти» и, наконец, «особая система, соответствующая историческому прошлому России». Сравнение данных нескольких опросов представителей элиты показало устойчивую тенденцию повышения поддержки «особой системы, соответствующей историческому прошлому России» (41% поддержки респондентов). Это происходило за счет уменьшения популярности крайних, противостоящих друг другу вариантов «советской власти» и «демократии западного типа». При этом интересно, что наблюдалось падение популярности почти в два раза варианта «авторитарного режима»<sup>2</sup>.

Таким образом, в качестве средней точки зрения, которая в наибольшей степени разделялась различными элитарными группами, вырисовывалась «самобытная политическая система, характерная только для России». Следует обратить внимание, что такая позиция была выявлена и опубликована в 1997 г. задолго до появления концепции «суверенной демократии».

При выявлении желаемого образа будущей экономической системы России была обнаружена аналогичная тенденция к стягиванию основных предпочтений элиты от крайних вариантов к среднему: наибольшую поддержку у респондентов получила «смешанная» экономика: сильное государственное регулирование с ограниченным частным сектором (56%). При этом существенно снизилась поддержка двух крайних вариантов «капиталистической экономики» (до 22%) и экономики «советского типа» (до 7%). Интересно было сравнить эти данные с первыми замерами мая 1991 г., когда в поддержку «капиталистической экономики» высказывалось 57,41%, а экономики «советского типа» – 24,07% респондентов. Это подтвердило гипотезу исследования о том, что при движении от начала к концу 1990-х годов у представителей российской элиты наблюдался отход от крайних непримиримых вариантов к компромиссному видению экономического будущего России.

В желательном образе экономики выкристаллизовывается некое ядро, в котором находит свое место элемент предпринимательства, деловой инициативы. То есть наблюдается перелом сознания: от полного отвержения предпринимательства в сторону признания некоторой пользы предпринимательства и рынка, но не в той форме, как это было в эпоху первоначального накопления капитала. Само понятие «капитализм» в 1990-е годы еще вызывает у



значительной части населения отрицательное отношение. Но когда речь заходит о рынке, предпринимательстве, самостоятельной инициативе, отношение меняется в лучшую сторону.

Аналогичная тенденция формирования зачатков общего видения желательного будущего наблюдалась в 1990-е годы и в отношении к социальной системе. В этой сфере имело место устойчивое повышение популярности «средней между социализмом и капитализмом социальной системы с минимумом социальных гарантий» (48% респондентов высказались за этот вариант). Близкими к такому варианту являлись «социально ориентированный капитализм» (21%), а также «система с социальной справедливостью» (11%). Примечательным являлось уменьшение популярности «капитализма европейского типа» (до 10%), низкий рейтинг вариантов «системы, сходной с советской», а также «общинной системы» (по 5% поддержки у каждой).

Предпринятое нами в 1997 г. трехмерное моделирование представлений о будущем образе экономики, политической и социальной систем позволило выделить наиболее популярное видение представителями нашей элиты будущего России, своеобразные контуры «российской мечты». Они заняли срединное положение между радикальными стереотипами, условно говоря, «прозападной» и «просоветской» ориентации. Желательный образ будущей России тогда описывался следующим образом: **«Процветающая Россия» – это общество с особой политической системой, соответствующей ее историческому прошлому, смешанной экономикой и социальными гарантиями населению.** Такой многомерный анализ также выявил не лежащую на поверхности тенденцию к расширению базы для согласия в выборе оптимальной стратегии развития России по пути процветания.

Прошло более 10 лет после работы над формированием контуров российской мечты. Конечно, ситуация в России претерпела существенные изменения. В некоторых соседних с ней государствах также были предприняты попытки определить желаемый образ будущего своей страны. Так, например, была подготовлена интересная работа «Казахстанская мечта», проведены и другие подобные исследования.

Конечно, интересно сравнить ситуацию в конце первого десятилетия нового века с предыдущим. Остался ли интерес к данной теме? Ведутся ли исследования на эту тему? Происходит ли публичное позиционирование мечты?

В последнее время усилилась активность различных исследовательских, экспертных организаций по анализу существующей ситуации и формированию образа будущего России. В независи-

мом экспертном докладе «Модернизация России как построение нового государства», подготовленном в 2009 г. группой российских исследователей, отмечалось, что в сегодняшней России процесс деградации человеческого потенциала ощутим очень остро. Растет износ прежних систем социализации, следствием чего является наркотизация и алкоголизация населения, беспризорность, криминализация и архаизация бытовых укладов, высокая смертность, дефицит социального доверия и солидарности и т. д.

Институт современного развития (ИнСоР), который считается «мозговым трестом» президента (его попечительский совет возглавляет Д.А. Медведев), презентовал 3 февраля 2010 г. доклад «Россия XXI века: образ желаемого завтра». Во-первых, это событие подтверждает нашу гипотезу о том, что контуры мечты могут формироваться сверху. Во-вторых, место марксистской идеологии, которая играла до 1991 г. ведущую роль в формировании «официальной» мечты, не могло долго оставаться незанятым. Раз есть потребность в воспроизводстве содержимого этой ниши общественного сознания, она рано или поздно находит источник удовлетворения.

Характерно, что доклад ИнСоРа написан в жанре полуутопии. С одной стороны, его авторы предлагают взглянуть на будущую Россию с уже решенными проблемами. С другой – в докладе присутствует и нормативистский подход, долженствование. В частности, авторы доклада пишут, что **должен сделать** президент, чтобы обеспечить переход к светлому будущему. По мнению экспертов, страна попала в «историческую ловушку», и ей предстоит совершить «модернизационный рывок» в «условиях, в которых слишком многое располагает к инерции и загниванию» (начиная с конъюнктуры на сырьевых рынках и заканчивая «настроениями в политике и уверенностью власти в своей способности управлять массовым сознанием»). Чтобы миновать цивилизационную развилку «в правильном направлении и без необратимых потерь», **необходимо достичь** «стратегического согласия» в обществе – от этого зависит, удастся ли России стать страной, «современной во всех отношениях».

Авторы доклада полагают, что «упустить эту возможность было бы непростительно: при глубине, скорости и необратимости происходящих в мире изменений такой шанс может не представиться больше никогда».

Эксперты полагают, что особенное значение в нынешней ситуации приобретают **«модели, показывающие, какой мы хотели бы видеть свою страну»**. Это как раз является попыткой позиционирования мечты на верхнем уровне. Авторы доклада, проведя ана-

лиз современной ситуации в стране, предлагают для публичного обсуждения собственный проект обустройства России. При этом подчеркивают, что «попытки проведения институциональных реформ наталкиваются на хорошо организованное сопротивление. Ситуация **требует** неординарной политической воли – не мирных увещеваний, но жесткого и системно налаженного противодействия сопротивлению».

В отсутствие социального консенсуса в ценностях, мировоззрении и политических взглядах эксперты тем не менее считают возможным обрисовать контуры желаемого будущего для России. Путем, который ей позволит перейти из неприглядного настоящего в светлое будущее, они считают процесс модернизации. Отправную точку для процесса модернизации они видят в «преодолении избыточной зависимости от экспорта сырья с выходом в экономику знаний, наукоемких производств, высоких технологий и интенсивных инноваций». При обсуждении доклада специалисты из различных центров и фондов высказали противоречивые мнения о его содержании.

Так, например, член научного совета Московского центра Карнеги Н. Петров в качестве достоинств представленного подхода назвал то, что «**жанр желаемого** позволяет не строить каких-то скучных инерционных прогнозов, а быть максимально свободными». Он также отметил, что построения такого рода находятся в рамках тенденции, которая стала проявляться в последнее время в среде российских интеллектуалов и пользоваться возрастающим интересом у российской элиты: «Важно, что сейчас зреет в политических элитах. Я вижу проявление новых веяний и на Госсовете, и в докладах ИнСоРа, и в заявлениях Миронова насчет правительства – зреет понимание того, что нынешняя политическая система старомодна. Что она не соответствует тем задачам и вызовам, которые стоят перед страной, и должна существенно модернизироваться. Доклад дает старт широкой общественной дискуссии. Раньше они писали доклады, клали их под сукно и имели дело с очень ограниченным кругом экспертов. А теперь, как я понимаю, результаты исследования будут презентоваться достаточно широко. Как вы бы ни относились к конкретным идеям документа, сам факт того, что начинается широкая дискуссия по этим вопросам, кажется мне хорошим».

Активизация процесса формирования и позиционирования контуров мечты на экспертном уровне, приближенном к официальной власти, уже имеет свои последствия, что можно отметить как положительный момент. Изменения в политической системе действительно будут происходить. Но эти изменения, по мнению

Л.Н. Вдовиченко

В.В. Путина и Д.А. Медведева, вызваны не чрезвычайной ситуацией, а связаны со стабильным развитием национальных демократических институтов. Например, расширение участия партий в политическом процессе («демократия участия») теперь произойдет и на региональном уровне. Соответствующий законопроект, предложенный Д.А. Медведевым, уже принят Государственной Думой. Как было отмечено в докладе рабочей группы Государственного Совета, прошедшего 22 января 2010 г., «администрирование должно постепенно уступать место содержательному диалогу, политическим методам взаимодействия региональных властей с партиями».

Таким образом, контуры «официальной российской мечты» будут сейчас активно формироваться «сверху» и позиционироваться для широких масс населения особенно по мере приближения предвыборных кампаний в регионах, а затем в Государственную Думу в 2011 г. и президентских выборов 2012 г.

### Приложение<sup>3</sup>

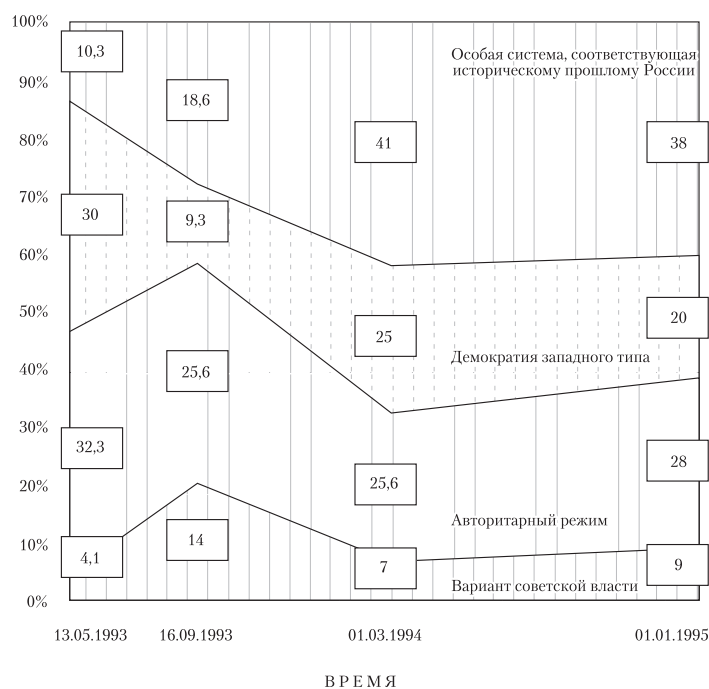


График 1. Политическая система

Позиционирование мечты как формы идеала

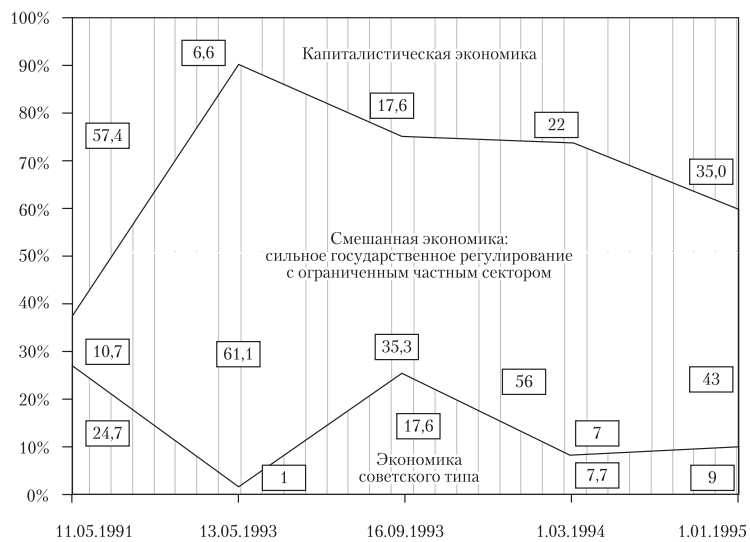


График 2. Экономическая система

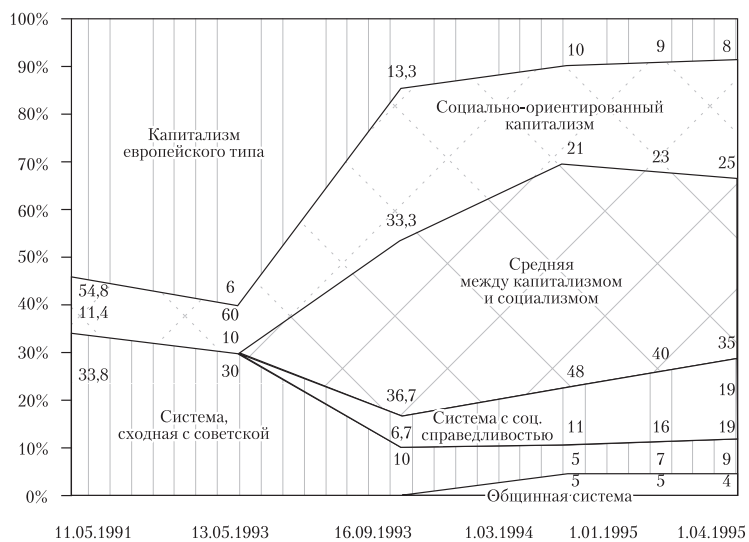


График 3. Социальная система

Л.Н. Вдовиченко

ЭКОНОМИКА	ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА	СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА
Капиталистическая экономика — 22 %	Демократия западного типа — 25 %	1. Капитализм европейского типа — 10 % 2. Социально-ориентированный капитализм — 21 %
Смешанная экономика: сильное гос. регулирование с ограниченным частным сектором — 58 %	«Прогрессивная Россия»: особая система, соответствующая ее историческому кризису — 41%	Средняя между капитализмом и социализмом социальная система с минимальными социальными гарантиями — 48 %
Экономика советского типа — 7 %	1. Авторитарный стиль — 17 % 2. Вариант советской власти — 7 %	1. Система социальной справедливости — 11 % 2. Система, связанная с советской — 5 % 3. Общинная система — 5 %

Таблица 4  
Контурь «российской мечты»

Примечания

- <sup>1</sup> Вдовиченко Л.Н., Гуриев М.А., Кучкаров З.А., Малахов А.И. ИДЕЯ – 150. М., 1997.
- <sup>2</sup> Там же. С. 10.
- <sup>3</sup> Все приводимые графики были опубликованы в: Вдовиченко Л.Н., Гуриев М.А., Кучкаров З.А., Малахов А.И. Указ. соч. С. 11–15.



Ю.Е. Кривенкова

## ИННОВАЦИИ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассмотрены, проанализированы инновационные процессы, происходящие в дошкольном образовании, выделены и систематизированы основные факторы, наиболее активно влияющие на его развитие за последние 15 лет. Отобраны 10 образовательных программ, в которых выделены инновационные составляющие. Рассмотрены инновационные трансформации в системе дошкольного образования и выявлены причины, сдерживающие этот процесс. Выделены основные и дополнительные условия успешного внедрения инноваций в дошкольном образовании.

*Ключевые слова:* детский сад, инновационный процесс, семья, вариативность, предшкольная подготовка, дефицит ДОУ.

Социальные, экономические и идеологические трансформации, происходящие в обществе в последние 15 лет, внесли существенные изменения в систему образования и воспитания подрастающего поколения. Эти трансформации ведут к процессам реконструкции и инновации в системе и содержании дошкольного образования.

Инновационный процесс является одним из распространенных социальных процессов, он связан с переходом в качественно иное состояние, сопровождающееся тщательным пересмотром устаревших положений и норм, формированием новых групповых общностей. Инновационная деятельность – комплекс принимаемых мер по обеспечению инновационного процесса на том или ином уровне образования, а также сам процесс. К основным функциям инновационной деятельности относятся изменения компонентов педагогического процесса: смысла, целей, содержания образования, форм, методов, технологий, средств обучения, системы управления и т. п.

Инновации в дошкольном образовании, по нашему мнению, – это создание социально-педагогических новшеств, возникающих и поддерживаемых в детских образовательных учреждениях, институтах внесемейной социализации и семье, их оценка и освоение педагогическим сообществом, использование и применение на практике. В качестве факторов возникновения инноваций мы выделяем, прежде всего, следующие: за последние десятилетия международным сообществом принят ряд документов, в которых провозглашена приоритетность прав детей в обществе, обоснованы направления этой политики. Среди них – «Конвенция ООН о правах ребенка» (1989 г.)<sup>1</sup>. Основная идея Конвенции – это обязательное обеспечение интересов и прав детей, создание необходимых мер для выживания, развития, защиты и обеспечения активного участия подрастающего поколения в жизни общества.

Доступность дошкольного образования – норма, провозглашенная современным российским государством, гарантирующим общедоступность и бесплатность дошкольного образования в муниципальных образовательных учреждениях (ст. 43 Конституции РФ)<sup>2</sup>. Однако существуют барьеры разного порядка, выступающие ограничениями реализации принципов государственной политики в области образования. Ниже мы покажем, как эти ограничения снижают успешность социализации детей, мобильность родительской общности и с помощью каких трансформаций системы образования общество пытается решать эту проблему.

Прежде всего, рассмотрим инновации в содержании образования. Важность и значимость дошкольного образования обусловлена тем, что только в обществе сверстников через грамотно организованные специфические виды детской деятельности – игру, конструирование, изобразительную деятельность, наблюдение и экспериментирование – у ребенка дошкольного возраста формируются базисные социальные качества – мышление, память, внимание, воображение и речь, которые в начальной школе и на последующих ступенях обучения позволяют ему успешно обучаться по любой программе, усваивать любую информацию.

Дошкольные учреждения, осуществляя традиционное для нашей страны педагогическое сопровождение семейного воспитания, содействуют развитию совместной деятельности самих семей. Для этого используются такие средства, как создание родительских общественных объединений, семейных клубов (на базе образовательных учреждений, по месту жительства); формирование и развитие системы взаимной помощи семей в воспитании детей и т. д. По мнению исследователя И.А. Дядюновой, в последние годы наметилась тенденция перехода от опосредованных форм взаимодействия к



формам непосредственного, развивающего взаимодействия<sup>3</sup>. Благодаря общению с педагогами и участию в жизни детского сада родители приобретают опыт взаимодействия как со своим ребенком, так и с коллективом специалистов. В частности, одной из новых форм является семейный клуб. В нем создаются предпосылки для возникновения субъект-субъектных отношений: ребенок вступает в различные виды взаимодействия, осваивает разнообразные социальные роли, интериоризируя общественный опыт, включается в деятельность, в том числе творческого характера, активно реализуя и преобразуя себя.

В рамках семейного клуба наиболее полно можно осуществить взаимодействие детских дошкольных учреждений и семьи во всех формах, что позволяет рассматривать его как важное средство успешной социализации ребенка, как фактор его социальной поддержки, имеющий мощный социальный ресурс. Это одна из моделей взаимодействия дошкольного образовательного учреждения и микросоциума, работа которого направлена на формирование позитивного влияния на личность посредством положительного примера родителей; на развитие социальных инициатив родителей. Клуб позволяет выступить педагогам и родителям союзниками, помогает лучше узнать ребенка, увидеть друг друга (в выгодном свете) в разных ситуациях, понять индивидуальные особенности детей, сформировать ценностные жизненные ориентиры, преодолеть негативные проявления в поведении.

Условия успешности инновационного процесса содержания дошкольного образования, на наш взгляд, следующие. Обращение к личностно-ориентированной педагогике, отход от жестко регламентированных форм воспитания и обучения детей характеризуют общие тенденции перестройки дошкольного образования. Гуманизация современного образования связана, прежде всего, с изменением отношения к воспитанию, в центре которого находится ребенок.

Закон РФ «Об образовании» закрепил право дошкольных учреждений работать по разнообразным программам<sup>4</sup>. Более десяти лет эти учреждения России функционируют в условиях свободного выбора образовательных программ. ДОУ сегодня официально работают более чем по 40 образовательным программам: комплексным, парциальным, дополнительным. Педагогам это позволяет проявлять творчество, более смело использовать инновации, а детям – получить комфортную среду обитания, уважение их интересов и признание ценности дошкольного периода жизни.

При создании современных программ авторы стремятся привнести новые идеи, разработать содержание и методы, поз-

воляющие наиболее эффективно организовать педагогический процесс.

Для анализа инноваций дошкольного образования нами были отобраны 10 программ, созданных после 2000 г. Это программы: «Из детства в отрочество» (2005 г.), комплексная и охватывает возраст от 1 года до 7 лет; «Предшкольная пора» (2005 г.), предназначенная для подготовки детей к школе, которые не посещали (не посещают) дошкольное учреждение; «Дружные ребята» (2002 г.), посвященная нравственному воспитанию ребенка в детском саду; «Оберег» (2003 г.), предназначенная для комплексного изучения фольклора в детском саду; «Речеветик: парциальная программа комплексного развития коммуникативно-познавательных речевых способностей дошкольников» (2000 г.); «Я, ты, мы» – программа социально-эмоционального развития ребенка; «Играя – развиваем» (2002 г.) по формированию игровой и мыслительной деятельности у детей со специальными потребностями; «Ступеньки» (2005 г.) – комплексная коррекционно-развивающая программа для детей раннего и младшего возраста; «Первые шаги» (2007 г.), для детей раннего возраста; «Ступеньки детства» (2007 г.), направленная на решение важнейшей социально-педагогической проблемы – преемственности в обучении и развитии детей на дошкольной и школьной образовательных ступенях.

В ходе нашего анализа выявлены следующие направления инноваций в программах.

1. Создание программ по одному из приоритетных направлений развития дошкольного образования – образованию детей старшего дошкольного возраста, или «предшкольному образованию», что должно обеспечить равные стартовые возможности для детей из разных социальных групп и слоев населения.

2. Появление новых программ для работы с детьми в ДОУ компенсирующего и комбинированного вида, что позволяет осуществлять коррекционную работу в точном соответствии с возрастными и психофизическими особенностями и потребностями развития воспитанников таких детских садов.

3. В программах, созданных в последние годы, сложилась положительная тенденция представлять в их составе учебно-методические комплекты (образовательную программу, пособия, хрестоматии, настольно-печатные игры, аудио- и видеопособия), что способствует их успешному внедрению в практику.

Внедрение разнообразных образовательных программ весьма перспективно для системы дошкольного образования в целом. Бесспорным достоинством является то, что вариативность современного дошкольного образования позволяет реагировать на потреб-

ности общества. Разнообразие образовательных услуг, предлагаемых дошкольными учреждениями, отвечает возросшим запросам родителей. У родителей тоже появляется выбор. Информация о «новаторстве» и «застое» в детских садах распространяется достаточно быстро, что поддерживает здоровую конкуренцию в системе образования.

Выше мы дали краткий анализ новых программ дошкольного образования, внедряемых в детских садах. Однако в реальности именно в сфере дошкольной, т. е. в сфере подготовки к школе, возникает несколько парадоксальных нововведений.

В этой связи полагаем необходимым обратить внимание на очевидное противоречие, имеющее место сегодня, между продекларированными принципами гуманизации дошкольного образования и широким, практически повсеместным распространением раннего педагогического насилия. Современная система школьного образования, являясь институтом социализации, предъявляет свои требования к дошкольнику, предлагая взамен элитное обучение как одну из основных ценностей современного общества. Последствия и реальную пользу этого предложения могут оценить только сами родители. Если семья не принимает данное условие и не вписывается в социальное пространство, то за этим может последовать «социальное исключение», а в перспективе индифферентное отношение системы к ним вообще. Вследствие этого родители из лучших, как им кажется, побуждений стремятся заставить ребенка во всем соответствовать представлениям взрослого мира. Сегодняшняя подготовка детей к школе делает упор в основном на изучение отдельных предметов. В то же время практически отсутствует физическая подготовка, несмотря на общий фон ослабления здоровья детей, сокращается число логопедических групп при возрастании потребности в них. Незначительное место занимает эстетическая подготовка. Происходит очевидное сужение мира детской игры. Социологом Е.Г. Зимой определена статистическая регулярность дошкольного образования. Целенаправленно готовят будущих первоклассников к школе 53 % родителей<sup>5</sup>.

Перейдем к рассмотрению инновационных трансформаций в системе дошкольного образования.

Дошкольное образование рассматривается сегодня как один из факторов укрепления и сохранения здоровья детей, а также улучшения демографической ситуации в Российской Федерации. С этой точки зрения увеличение рождаемости невозможно без предоставления гражданам России, в особенности женщинам, твердых социальных гарантий возможности устройства маленького ребенка в дошкольное образовательное учреждение (ДОУ), с тем чтобы жен-

щина-мать могла по истечении отпуска по уходу за ребенком в соответствии со своими желаниями вернуться к полноценной трудовой деятельности. Для реализации демографических задач система дошкольного образования должна стать общедоступной и место в дошкольном образовательном учреждении должно быть предоставлено ребенку в реальные сроки.

Многообразие задействованных форм дошкольного образования позволило на 1 сентября 2008 г. существенно увеличить показатель охвата детей-дошкольников в возрасте от 3 до 7 лет до 72,3%.

При этом лучшие показатели удовлетворения потребности населения в услугах дошкольного образования достигнуты в Северо-Западном, Центральном и Приволжском федеральных округах (90,7, 87,3 и 86,8% соответственно), самые низкие – в Сибирском и Южном федеральных округах (71,6 и 74,9% соответственно)<sup>6</sup>.

Несмотря на указанные положительные тенденции в развитии системы дошкольного образования, показатели очередности в дошкольные образовательные учреждения остаются высокими. В списках детей, нуждающихся на сегодняшний день в устройстве в образовательные учреждения, реализующие основную общеобразовательную программу дошкольного образования, числятся на 1 сентября 2008 г. 1,5 млн человек. Однако структура очереди неоднородна. 26,3% детей в указанных списках – это дети в возрасте от рождения до 1,5 лет, которым детский сад реально понадобится через 1–1,5 года. Еще 41,5% числящихся в очереди – дети в возрасте от 1,5 до 3 лет. Таким образом, неполное удовлетворение потребности населения в услугах дошкольного образования рождает ажиотажный спрос на места в дошкольных образовательных учреждениях. Лучше всего спрос на дошкольное образование удовлетворен сегодня для детей старшего дошкольного возраста: охват таких детей разными формами дошкольного образования в целом по России составляет 76,1%, а в общей очереди нуждающихся в местах в ДООУ детей в возрасте от 5 до 7 лет только 7,9%<sup>7</sup>.

Система дошкольного образования в настоящее время стремится удовлетворить и разнообразные образовательные потребности населения, и учесть новые педагогические воззрения ученых и практических работников. Существуют разные виды и типы государственных ДООУ, сеть негосударственных учреждений, домашние детские сады, комплексы «начальная школа – детский сад», группы для дошкольников на базе школ. Происходит интеграция воспитания здоровых детей и детей с некоторыми проблемами физического развития, создаются дошкольные группы, работающие в условиях двуязычия. В 2001 г. была разработана и внедрена модель Российской лекотеки, системы психолого-педагогического сопро-

вождения семей, воспитывающих детей с проблемами развития. Деятельность Лекотеки основана на гуманистическом подходе к воспитанию и направлена на поддержку усилий родителей по развитию личности ребенка, налаживание эффективного общения ребенка с другими членами семьи, гармонизацию родительско-детских отношений, формирование предпосылок к обучению.

В связи с дефицитом мест в дошкольных образовательных учреждениях проблема общедоступности дошкольного образования решается частично за счет использования внутренних резервов системы образования, в том числе развития различных форм дошкольного образования, а также более гибкой системы режимов пребывания детей в ДОУ. Одновременно с дошкольными учреждениями полного дня активно внедряются в практику работы дошкольных образовательных учреждений группы кратковременного пребывания детей. В субъектах Российской Федерации функционируют несколько видов групп кратковременного пребывания. Большой популярностью среди родителей пользуются группы адаптации (для детей раннего возраста), группы развития, группы «Будущий первоклассник», группы для детей-инвалидов. В субъектах Российской Федерации в настоящее время накоплен значительный опыт организации групп кратковременного пребывания разной направленности. В целом по Российской Федерации на 1 сентября 2007 г. группы кратковременного пребывания детей организованы более чем в 4 тысячах дошкольных образовательных учреждениях (9% от общего количества ДОУ)<sup>8</sup>.

Мы полагаем, что описанные структурные инновации в системе дошкольного образования снимают лишь некоторые из барьеров – организационные, экономические, психоэмоциональные и физические барьеры, связанные со здоровьем ребенка. Таким образом, наибольшие проблемы сосредоточены в сфере преодоления институциональных и социокультурных барьеров.

В части обеспечения финансовой доступности дошкольного образования для различных категорий населения Российской Федерации приняты поправки к Закону Российской Федерации «Об образовании» (Федеральный закон от 5 декабря 2006 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной поддержки граждан, имеющих детей») по вопросам установления предельного размера родительской платы за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Кроме того, с 1 января 2007 г. (Федеральный закон от 5 декабря 2006 г. № 207-ФЗ) введена новая форма материальной поддержки семей, воспитывающих детей дошкольного возраста, – компен-

сация части родительской платы за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях<sup>9</sup>.

Принципиальная новизна заявленной формы материальной поддержки – компенсации – заключается в том, что впервые поддерживается не учреждение, не образовательная программа, а получатели услуг, предоставляемых образовательным учреждением, родители детей дошкольного возраста.

Отсутствие в дошкольных учреждениях государственного и негосударственного типа единого учебно-воспитательного стандарта привело к появлению и широкому распространению частной подготовки ребенка к школе. При этом очевидно, что специалист-профессионал формирует акцентированную установку в сознании ребенка на основную роль первоначальных учебных, психологических и социальных знаний, умений и навыков. При этом у родителей складывается убеждение, что школа возлагает на них социальную ответственность за качественную подготовку к принятию ребенком статуса школьника. Данный стереотип позволяет частным педагогам заявлять о себе как носители неотъемлемой составляющей в формировании личности будущего первоклассника.

Сегодня частная подготовка к школе характеризуется постоянно прогрессирующей коммерциализацией данной услуги. Отсутствие соответствующей аналитической информации по данному вопросу, и в особенности о воздействии частной подготовки к школе на систему образования и на происходящие в этой связи социальные перемены, недооцениваются государственными органами, занимающимися разработкой политики в области образования.

Сложности внедрения инноваций связаны, по нашему мнению, со следующей ситуацией. Эффективность педагогической работы дошкольного учреждения в связи с переходом на новую для него программу определяется профессиональной готовностью коллектива к инновационной деятельности. Пересмотр собственных педагогических установок, формирование нового мышления, самовоспитание – процесс сложный и длительный, следует отметить, что его темп значительно отстает от темпа распространения информации о новых программах и их внедрения в практику работы. Наряду с другими возникает еще одна важная задача – «учиться в любом возрасте» – и новым технологиям, и новому восприятию реалий сегодняшнего дня, и оценке новых подходов в современном образовании, и рефлексии своих профессиональных достижений. Таким образом, дополнительными условиями успешного внедрения инноваций должны быть признаны следующие: 1) подготовка благоприятных экономических оснований; 2) обеспечение эффективной демонстрационной поддержки воспитателей-новаторов;

3) активное практическое использование примеров успешного применения новинки, учитывающее когнитивные возможности потенциальных последователей.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что понятие «инновационные изменения» вполне применимо к основным уровням существующей дошкольной образовательной системы. На организационном уровне – это перепрофилирование «обычных» детских садов в различные виды дошкольных образовательных учреждений (ДОУ) с целью более полного учета возможностей детей, а также обеспечения преемственности дошкольного и общего среднего образования за счет связи со школами, в которые перейдут дети из детского сада.

На содержательном, программно-методическом уровне – это внедрение вариативных программ с использованием инновационных методов программного, оргуправленческого и научно-методического обеспечения деятельности ДОУ. Сегодня в учебных планах («сетках») ДОУ широкое распространение получили новые занятия («Экология», «Иностранный язык» и другие), интенсивно разрабатываются «сквозные», интегрированные программы и здоровьесберегающие образовательные технологии. Возрастает значимость психологического сопровождения образовательного процесса.

На социальном уровне – это активное создание принципиально нового института «дошкольное образование», способного удовлетворять образовательные (и внеобразовательные) потребности различных социальных групп. Растущая сеть негосударственных дошкольных образовательных учреждений доказала свою жизнестойкость и востребованность за счет способности своевременно и адекватно реагировать на запросы этих групп и общеобразовательной школы.

Анализ развития сферы дошкольного образования за последние 15 лет свидетельствует о его социальной синхронности процессам, происходящим в целом в стране.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Международная Конвенция ООН «О правах ребенка» // Справочник по дошкольному образованию. М.: Изд-во «Скрипторий 2003», 2009. С. 24–25.
- <sup>2</sup> Конституция Российской Федерации. М.: Элит, 2004.
- <sup>3</sup> Дядюнова И.А. Семейный клуб как форма взаимодействия семьи и дошкольного образовательного учреждения // Всероссийская социологическая конференция «Образование и общество». Москва,

Ю.Е. Кривенкова

20–22 октября 2009 г. М.: ИС РАН; РОС, 2009 (Диск CD. ISBN 978–5–89697–165–8).

- <sup>4</sup> Закон РФ «Об образовании» // Справочник по дошкольному образованию. С. 30–43.
- <sup>5</sup> *Зима Е.Г.* Новые социальные практики дошкольного детства в современных условиях развития российского образования // Всероссийская социологическая конференция «Образование и общество».
- <sup>6</sup> *Скорлутова О.А.* Состояние и перспективы развития системы дошкольного образования в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образования Московской области. URL: [http://mo.mosreg.ru/dosh\\_korobrazovahie/](http://mo.mosreg.ru/dosh_korobrazovahie/) (дата обращения: 18.10.2009).
- <sup>7</sup> Там же.
- <sup>8</sup> Там же.
- <sup>9</sup> Справочник по дошкольному образованию. С. 676.



Е.А. Колосова

## ДИНАМИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРАДИЦИОННЫХ И ИННОВАЦИОННЫХ ПРАКТИК ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

В статье приводятся первые результаты пилотного исследования «Юный читатель-2010», проведенного на базе Российской государственной детской библиотеки. В ходе исследования ставились задачи по выявлению жанрово-тематических предпочтений современных московских младших школьников, рассмотрение каналов и способов получения информации о книгах у детей. Делается попытка обозначить динамику распространения инновационных практик чтения (в данном случае среди детей), таких как чтение в Интернете, чтение с экрана, чтение со специальных устройств типа КПК, Букридеры и т. п.

Исследование дало некоторое представление о том, что на сегодняшний день представляет собой чтение младшего школьника, чтение ли это по школьной программе или ради удовольствия, ведут ли современные дети записи по прочитанным книгам, насколько хорошо они знают предпочтения собственных родителей в детском возрасте и многое другое.

*Ключевые слова:* практики чтения, традиция, инновация, детское чтение.

Проблема взаимодействия ребенка со взрослыми организаторами чтения усложняется с каждым днем. Это связано с тем, что подрастающее поколение может пользоваться в основном теми достижениями книжной культуры, которые им предоставляют взрослые. В то же время современные дети создают собственную субкультуру, отличную от культуры старшего поколения. Не принимая всерьез наставления взрослых, считая их во многом устаревшими, дети опережают родителей, библиотекарей и педагогов в освоении новых информационных технологий, иностранных языков, западной музыкальной культуры, основ рыночной экономики и т. д.

Взрослые же – издатели, библиотекари, работники книжной торговли, педагоги, родители – отстаивают собственные культурные позиции. В процессе отбора литературы и формирования круга чтения своего ребенка они в основном руководствуются своими представлениями о полезных или вредных книгах, необходимости санкционирования тех или иных сторон читательской деятельности. Современные родители единодушно признают благотворное влияние раннего чтения для детей.

Ценность детского чтения осознается большинством взрослых, поскольку они являются представителями культуры, воспитанной на печатной литературе. Родители, как могут, пытаются следить за чтением своих детей, но в своих рекомендациях остаются весьма консервативными. Таким образом, представления родителей о значении и роли детского чтения находят свое отражение в их взглядах на то, какого рода литературу должны читать дети, но в гораздо меньшей степени влияют на конкретные списки «обязательных» книг и практически не влияют на собственные литературные предпочтения детей<sup>1</sup>.

В январе–феврале 2010 г. было проведено пилотное исследование на базе Российской государственной детской библиотеки на тему «Юный читатель-2010», основной целью которого было выявление динамики в отношении воспроизводства так называемых традиционных практик детского чтения и наметившейся тенденции распространения инновационных. Под читательскими практиками понимается совокупность принятых в культуре (традиционных/инновационных) способов деятельности, навыков обращения с различными предметами – людьми, вещами, книгами, информацией, символами, языком, временем и пространством, базирующиеся на коллективных представлениях, ожиданиях и стандартах. Читательские практики следует разделять на воспитательные, образовательные и самообразовательные.

В опросе (использован метод полуструктурированного интервью) приняли участие 100 посетителей библиотеки (РГДБ) в возрасте от 7 до 11 лет, учащиеся начальной школы (40 мальчиков, 60 девочек). 45% опрошенных – ученики общеобразовательных школ города Москвы, 30% – посещают школу с углубленным изучением языка, 10% – учащиеся гимназий, 5% – школы-интерната. Оставшиеся 10% равномерно распределились среди школьников НОУ (негосударственного образовательного учреждения), частной школы, прогимназии, центра образования, православной школы, лицея.

Состояние чтения детей и подростков сегодня – острая проблема для всех, кто в той или иной мере занимается развитием подрастающей личности: родителей, воспитателей, педагогов, библиоте-

карей. Сегодня оно претерпевает значительные изменения, связанные с мировыми тенденциями в чтении в контексте изменения медиасреды и информационного пространства. Вместе с тем именно подрастающее поколение, в сравнении со взрослыми, гораздо больше ориентировано на активное использование ресурсов и возможностей Интернета. Развитые страны мира активно используют Интернет для поддержки и популяризации чтения в новой электронной среде. В России этот процесс только начинается, в силу чего особенно необходимо изучение данной проблемы.

В рамках исследования в РГДБ блок вопросов был посвящен отношению детей младшего школьного возраста к компьютеру, Интернету и практике чтения электронных ресурсов. 65% опрошенных пользуются Интернетом, преимущественно дома. В равной степени пользуются Интернетом ученики вторых, третьих и четвертых классов, тогда как первоклашки чаще отвечали отрицательно. Из тех, кто пользуется Интернетом, 33% не видели информацию о книгах в Сети, 17% видели информацию о книгах на сайтах детских библиотек, в том числе РГДБ, 5% – на сайтах книжных издательств («Стрекоза», «Самовар» и пр.).

В отношении непосредственного чтения электронных текстов данные следующие: чтение в Интернете практически не встречается среди детей младшего школьного возраста. 82% опрошенных никогда не читали книги из Сети. 11% из тех, кто все-таки читают такие книги, делают это с экрана компьютера, 4% – распечатывают текст на бумагу, 2% – используют специальные девайсы (специальные устройства для чтения электронных текстов).

Информацию о книгах в Интернете половина опрошенных детей не встречает, поэтому необходимо вплотную заниматься компьютерной грамотностью младших школьников, поскольку компьютеры и Интернет становятся неотъемлемой частью нашей жизни в более старшем возрасте. Стоит уделять внимание не только обучению работы в Сети, грамотному поиску информации в Интернете, но и самим взрослым отобрать наиболее информативный и качественный контент, которым дети смогут пользоваться без особого вреда, создавать списки так называемого «позитивного контента» и выкладывать на сайтах, доступных для детей. Отношение к использованию новых информационных технологий носит у детей на сегодняшний день скорее прагматичный характер: они «добывают», «скачивают» информацию, она воспринимается как ничья: она калейдоскопичная, рваная, ею легко управлять – выдергивая, нарезая, склеивая.

В отношении традиционных практик детского чтения картина выглядит вполне удовлетворительно. 93% опрошенных читают до-

ма, 26% – в школе, 14% – в транспорте, 11% – в библиотеке. В каникулы 12% опрошенных не читают вообще. Но при этом больше половины читают книги, которые интересны им самим, и треть читает книги по школьной программе.

Респондентов можно поделить условно на три равные группы: тех, кто читает 1 книгу в месяц, тех, кто читает 2 книги в месяц, тех, кто читает 3 книги в месяц – по 20% опрошенных. Более 30% респондентов выбрали вариант «больше трех книг в месяц». Тогда как ответ «менее одной книги в месяц» был выбран не более 5 раз. И это при том, что на вопрос о том, прочитал ли ты хотя бы одну книгу за последний месяц, только 64% ответили «да», 36% – «нет».

При этом в домашней библиотеке у большинства опрошенных от 50 до 300 книг (детям предлагалось написать количество книжных шкафов в доме), т. е. у 44% опрошенных в доме насчитывается всего один книжный шкаф, у 23% – более 1000 книг, 20% имеют дома от 300–500 книг. Домашние библиотеки не такие большие, как, скажем, 30–40 лет назад, но утверждать, что они совершенно ушли в прошлое, на наш взгляд, преждевременно. Положительная тенденция подтверждается и тем, что, несмотря на то, что половина опрошенных в поиске интересующей книги пользуются домашней библиотекой или обращаются в городскую библиотеку (районную, областную, государственную), порядка четверти респондентов покупают книги в магазине, т. е. пополняют свою домашнюю библиотеку.

И все же среди основных причин, обуславливающих кризисные явления детского чтения, – изменение структуры и содержания семейного досуга, характера внутрисемейного общения. Дети перестали видеть в семье образцы и примеры вдохновляющего читательского поведения.

И даже несмотря на то, что 41% прислушиваются в первую очередь к совету родителей, 19% указывают друзей в качестве основных советчиков по выбору книг, 10% – библиотекарей, 9% называют сами себя и, наконец, 8% – указали, что «никто» им не советует, какую книгу почитать. На вопрос о том, с кем ребенок обсуждает прочитанные книги, на первом месте оказались сверстники (друзья) – 43%, далее родители. 24% ни с кем не обсуждают прочитанное. 6% опрошенных обсуждают прочитанное в Интернете (2, 4-й классы).

Записи по прочитанным книгам ведут чуть менее половины опрошенных, в основном по просьбе учителей или по собственному желанию, так как им «нравится записывать свои мысли», крайне редко дети делают это по рекомендации родителей. В современных семьях больше всего читают мамы, так ответили 52% опрошенных.

Бабушек и пап отметили 32% опрошенных, самих себя отметили 6%. 10% ответили, что в их семьях мало читают.

Также важно, насколько дети знакомы с детскими предпочтениями собственных родителей. 64% опрошенных не знают книжку (или жанр), которая в детстве была самой любимой у их мамы, и 70% не знают о литературных предпочтениях в детстве своего папы. Треть опрошенных знает название любимой книги папы и мамы в их детстве. 32 ребенка читали книги, которые нравились в детстве их родителям, и всем из них (за исключением одного) они понравились. Среди названных – «Мойдодыр», «Тимур и его команда», «Волшебник Изумрудного города», «Белый клык», «100 лет одиночества», «Три мушкетера», «Президент каменного острова», «Незнайка», «Крошечка-Хаврошечка», «Приключения Т. Сойера», «Пеппи Длинный чулок», «Два капитана», «Чук и Гек», «12 стульев», «Приключения Гулливера», «Белый Бим черное ухо», «Эмиль из Леннеберга», «Урфин Джус и его деревянные солдаты», журнал «Мурзилка».

Массовый отказ взрослого населения от читательской деятельности девальвировал ее в глазах детей. В отсутствие доказательных обыденных примеров собственного чтения взрослые, побуждающие ребенка к чтению, выглядят неубедительно. Преподавание литературы в школе, программный репертуар, методики его освоения также зачастую вызывают у детей отторжение от чтения. Учитель сегодня перестает быть транслятором традиции чтения, самой идеи чтения, вдохновляющим образцом читательского поведения.

И все-таки, проводя исследование по чтению, нельзя было не спросить о жанровых предпочтениях у самих детей. Так, лидирует и у мальчиков, и у девочек позиция «о природе и животных» (42%), далее предпочтения несущественно различаются: у мальчиков: приключения, фантастика, фэнтези, о войне и о путешествиях; у девочек: сказки, приключения, фантастика, фэнтези, о путешествиях, стихи. Таким образом, если представители обоих полов равнодушны к фантастике и приключениям, мальчики обращаются также к военной тематике, а девочки в большинстве своем воспитываются в раннем школьном возрасте на сказках и стихах.

Также был задан вопрос о том, какая форма подачи информации наиболее привлекательна для ребенка. На первом месте стоят книги (68%), на втором – журналы (43%) и только на третьем – учебники (25%). Газеты выбрал 1 опрошенный (мальчик). Энциклопедии выбрали 15%, в равном соотношении среди мальчиков и девочек.

На вопрос о том, читают ли дети младшего школьного возраста книги, журналы, газеты для взрослых, 73% ответили, что не читают. Из тех, кто ответил на данный вопрос положительно, к журналам обращаются в два раза больше, чем к художественным произведениям, и меньше всего к газетам. Это свидетельствует о том, что дети заимствуют эти источники информации у родителей (среды названий в основном бульварные издания и новостные материалы), которые пользуются наибольшей популярностью среди родителей младших школьников.

Респондентам был задан вопрос, дарят ли они книжки своим друзьям. 68% ответили, что дарят, 6% ответили, что собираются это сделать (абсолютное большинство девочки). И на вопрос о том, хотят ли они сами получить книгу в подарок, 73% ответили положительно, при этом каждый второй называл конкретную книгу, как правило, из недавно вышедших. Остальные обозначали область знаний или рубрику, в которой может оказаться интересная им книга.

Респондентам были предложены способы отбора книг – так, 33% выберут книгу, если им понравилось название (в основном 8-летние), еще 33% выберут книгу из серии книг, которую они уже читали или читают (10, 11-летние), 24% – выберут книгу, если знают автора (10-летние), 20% – возьмут книгу, если им просто понравилась обложка (8-летние). Наконец, 16% выберут книгу, если узнали о ней в Интернете (8, 9, 10-летние). Очевидно, что самые маленькие предпочтут книгу, если она им понравится визуально (обложка, удачное название), тогда как чем старше ребенок, тем более тщательно он подходит к выбору книги (ориентируется на знакомую серию, автора и на информацию о книге в Интернете).

В чтении дети распознают в основном инструментальную функцию, используя его как средство тренировки и оттачивания нужных интеллектуальных свойств и качеств: быть умным, грамотным, пополнять свой словарный запас, развивать память, технику чтения, фантазию. И все-таки устойчивая группа детей предпочитает чтение для интереса, для удовольствия, для того, чтобы учиться добру, дружбе и пр. 16% опрошенных затруднились ответить на вопрос, о том, зачем нужно детям читать.

Конфликт современных детей с книжной культурой, конечно, в немалой степени обусловлен резким изменением цивилизационно-техногенных условий их жизни. Однако немалая нагрузка лежит и на социуме, в котором воспитывается ребенок. Постепенное, но неуклонное разрушение социальной среды, стимулирующей чтение, предопределило массовое отторжение от книги и чтения в XXI в.

Но динамика воспроизводства традиционных практик свидетельствует о том, что ситуация не критична (во всяком случае, для младшего школьного возраста), а используемые новые технологии призваны скорее усовершенствовать, дополнить и в некоторой степени облегчить процесс чтения, но не заменить его на развлечения в чистом виде.

Примечания

---

- <sup>1</sup> *Колосова Е.А.* Практики семейного чтения в современной России // Социолог и психолог в библиотеке: Сб. статей и материалов. VII / Ред. сост. М.М. Самохина. М., 2010. С. 215.

В.И. Горбачева, Д.В. Мальцева

### МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОТЦОВСТВА

В статье рассматриваются теоретико-методологические подходы в отечественной и зарубежной социологии к анализу современного отцовства. Отцовство представляется сложным социальным феноменом, изучается как социальный институт и как повседневные поведенческие практики, реализуемые современными мужчинами по отношению к детям. Проведена типология отцовства. Комплексность и многогранность понятия приводят к тому, что исследователи подчеркивают вариативность отцовства, его зависимость от социокультурной составляющей.

*Ключевые слова:* отцовство, вовлеченность и ответственность отцов, социальное конструирование отцовства, структурная модель отцовства.

Сравнительный анализ научных публикаций отечественных и зарубежных авторов, посвященных родительству, материнству, отцовству, позволяет сделать вывод о недостаточном количестве исследований, в которых основное внимание уделяется моделям и практикам родительского поведения мужчин.

Научное осмысление отцовства необходимо начать с построения его концептуальной модели, которая может быть использована как для теоретических исследований, так и в практической деятельности. Ввиду того что единого представления о теоретической модели отцовства до сих пор не достигнуто, проведем интерпретацию понятия и рассмотрим структурные компоненты, характеризующие отцовство и выделяемые различными исследователями.

Английское «fatherhood» обозначает «социальный институт, систему прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как родителю и коренящихся в норма-



тивной системе культуры и в структуре семьи»<sup>1</sup>. «Fatherhood» генерирует другие – властные – социальные и символические отношения и определяет тот набор социальных практик и ожиданий, которые институционализируются с помощью религии, политики, закона и культуры<sup>2</sup>. С помощью этого институт отцовства связывает конкретного ребенка с конкретным мужчиной для того, чтобы гарантировать ему место в социальной структуре.

Английское «fathering» обозначает «деятельность, связанную с выращиванием и воспитанием детей»<sup>3</sup>, практики которой на самом деле более текучи, изменчивы и разнообразны. Изучение отцовства как социального института подразумевает анализ социокультурных норм (что общество в принципе ожидает от отца), тогда изучение отцовства как практики подразумевает анализ того, что фактически делают и чувствуют конкретные отцы. «Fathering» обращается больше к тому, что мужчины делают совместно с детьми и для них. Несмотря на то что женщины были главными, кто заботился о маленьком ребенке *во всех* культурах, исторически отцовская вовлеченность варьировала от отсутствия всякого взаимодействия до активного участия в различных аспектах заботы о ребенке.

Если разделить мнение ЛаРоссы по поводу реальности наступления «нового отцовства», то можно заключить, что именно «fatherhood» – отцовство как социальный институт, связанный с общественными ожиданиями – претерпевает значительные изменения в настоящее время, тогда как изменения в «fathering» – реальных практиках – не являются пока общепринятыми в структуре деятельности современных отцов.

Понимая отцовскую роль как «культурное целое ценностей, отношений, ответственности, знаний, умений, навыков, поведения, навязываемого обществом»<sup>4</sup>, Хироко Ивата (Hiroko Iwata) выделяет в ней поведенческие и вытекающие из них аспекты, каждый из которых рассматривается по степени влияния на ребенка, мать, семью и самого отца. При этом автор выделяет следующие составляющие отцовской роли: социальный статус отца, динамика и набор функциональных возможностей статуса, культурная целостность ценностей, отношения и поведения.

Российские психологи Ю.В. Евсеенкова и Н.В. Дмитриева рассматривают **феномен отцовства как комплексное образование**, в котором можно выделить структурные элементы. Для того чтобы обобщить все феномены и факторы, влияющие на развитие, особенности и важнейшие аспекты отцовства, авторы разработали **структурную модель отцовства**.

В структуру отцовства вошли следующие компоненты: **потребностно-эмоциональный**, включающий биологические, социальные

В.И. Горбачева, Д.В. Мальцева

аспекты мотивации, потребность в контакте, эмоциональные реакции, переживания; **операциональный** – осведомленность и умения, операции по уходу за ребенком и общение с ним; и **ценностно-смысловой** – отношение отца к ребенку, включая экзистенциальные переживания.

Кроме того, в данную структуру включается интегральный сквозной компонент – **оценочный**, в который входят: во-первых, самооценка мужчины, принятие–непринятие роли отца, рациональная и эмоциональная оценка себя как отца, оценка своего ребенка; во-вторых, социальная оценка окружающих, базирующаяся на принятых в данном конкретном обществе социальных стереотипах и предписаниях по выполнению роли, требованиях, которые необходимо соблюдать для соответствия статусу. Социальная оценка является базой для формирования собственной оценки, так как через социальные стереотипы формирует образы идеального Я.

Таблица 1

Структурная модель отцовства Ю. Евсенковой – Н. Дмитриевой

Ценностно-смысловой блок	Отношение отца к ребенку. Экзистенциальные переживания Ценность ребенка для отца	ОЦЕНКА	Самооценка
Операциональный (поведенческий) блок	Знания и представления о потребностях ребенка. Конкретные отцовские практики: умение общаться и ухаживать за ребенком		
Потребностно-эмоциональный блок	Биологические и социальные мотивации, чувства к ребенку, потребность в контакте с ним. Эмоциональное отношение и близость к ребенку		Социальная оценка

Отцовство является сложным образованием, в структуре которого выделены принципиально важные компоненты. Мужское поведение в контексте различных блоков влияет на реализуемые родительские практики, ребенка, мать, самого отца и семью в целом.

**Основные факторы, влияющие на модель отцовства.** Сочетание компонентов выделенной структуры создает различные моде-

ли отцовского поведения. В реальной жизни дети растут в различных типах семей, в которых социальные и культурные ожидания общества переплетаются с жизненными устремлениями родителей. На конкретные отцовские практики влияет ряд факторов, в результате чего реально существующие модели могут существенно варьировать.

При объяснении факторов, влияющих на процесс становления отцом, Снэри (Snarey) использовал понятие *генеративности*, которая формируется у взрослых, «зрелых» мужчин. Введенный Э. Эриксоном в 1968 г. термин означает «определенную ступень в развитии мужчины, когда задачей становится забота о последующем поколении, стремление к передаче своего жизненного опыта»<sup>5</sup>. Согласно этой теории, мужчины стремятся к тому, чтобы следующее поколение было более удачливым, предоставляя им обеспечение, руководство и необходимый контроль.

У. Марсильо (W. Marsiglio) выделяет следующие **теории отцовства**, анализирующие процесс принятия отцовской роли:

а) теория жизненного пути («life course framework») У. Марсильо (1995): исследует, как опыт отцовства изменяется в различные периоды жизни. Траектория жизненного пути состоит из набора взаимосвязанных и переходящих друг в друга ролей, изменяющихся под воздействием различных событий и переходов в течение всей жизни. Однако сами жизненные траектории не возникают в вакууме, а формируются в определенных социальных ситуациях. Раса, класс и гендер – три основных компонента социальной структуры, влияющие на жизненный курс. Модели образования семей черных и белых, имеющих различный доступ к социальным ресурсам и обладающих различными культурными идентичностями, будут различны. Таким образом, расовые и классовые различия влияют на жизненный курс и, соответственно, отцовские практики отдельного мужчины<sup>6</sup>;

б) социальная описательная теория: подчеркивает, что отцы усваивают культурные образцы отцовской роли. Отцовство подразумевает *предписанное поведение*, которое, как ожидает данная культура или общество, должен усвоить представитель конкретной роли;

в) теория социальной идентичности (М. Лам, 1985): сосредоточивается на том, как мужчины воспринимают идентичность отца в контексте других принадлежащих им социальных ролей;

г) концепция «возрастающего содействующего родительства» Бельски (1984) предполагает, что вовлеченное отцовство детерминировано персональными характеристиками родителя, социальным контекстом, в котором происходят родительско-детские отно-

шения (удовлетворенность браком, заработок), характеристиками ребенка (возраст, пол, темперамент)<sup>7</sup>.

Помимо этого, существуют еще и личные, культурные барьеры, барьеры отношений, а также юридические препятствия, которые влияют на присутствие отца в жизни детей. Американский социолог Доэрти (Doherty) на первый план выдвигал индивидуальные факторы отца, матери и ребенка, факторы отношений матери и отца и влияния окружающей среды. Дж. Плек, Коунески и Э. Эрикссон (Pleck, Kouneski, Erickson) выделяли такие факторы, как мотивация, умения и уверенность отца в себе, поддержка со стороны матери ребенка, институциональные практики со стороны общества. Следует отметить, что отец также присутствует в жизни ребенка через экономическую поддержку и юридическое признание ребенка (для детей, рожденных вне брака).

Таким образом, более глубокое изучение взаимосвязи факторов, влияющих на специфику отцовства, является целесообразным. Ю. Евсенкова и Н. Дмитриева выделяют четыре фактора, влияющие на формирование и проявление трех ранее выделенных блоков в структуре отцовства:

1) отношения и ожидания матери по отношению к отцу своего ребенка, формируемые в том числе и средовыми влияниями;

2) специфика взаимоотношений матери с отцом (брачный статус, личные взаимоотношения, конфликты супружеской диады, развод);

3) фактор ребенка (его отношения и ожидания по отношению к отцу, формируемые в данной социальной среде, а также особенности его развития – отклонения в развитии, проблемы со здоровьем, девиации в поведении);

4) широкий социальный контекст данной культуры и общества.

Таким образом, авторы представляют следующую **модель социальных влияний на отцовство** (рис. 1).

Факторы в данной модели рассматриваются как диалоговые, т. е. одни могут возместить другие (высокая идентификация роли, постоянная занятость, высокий доход отца подавляют направленные на него отрицательные ожидания матери).

Таким образом, отцовство необходимо рассматривать как сложный структурный феномен, который зависит, по мнению Вал Гиллис<sup>8</sup>, от следующих факторов.

**Во-первых, это персональные факторы, обусловленные личностью отца.** Выделяются психологические факторы (темперамент, мотивация, место отцовства в структуре мужской идентичности, ценности отцовства, уверенность в себе, опыт межличностного общения, эмпатия и сензитивность, вовлеченность в религиозные общества).

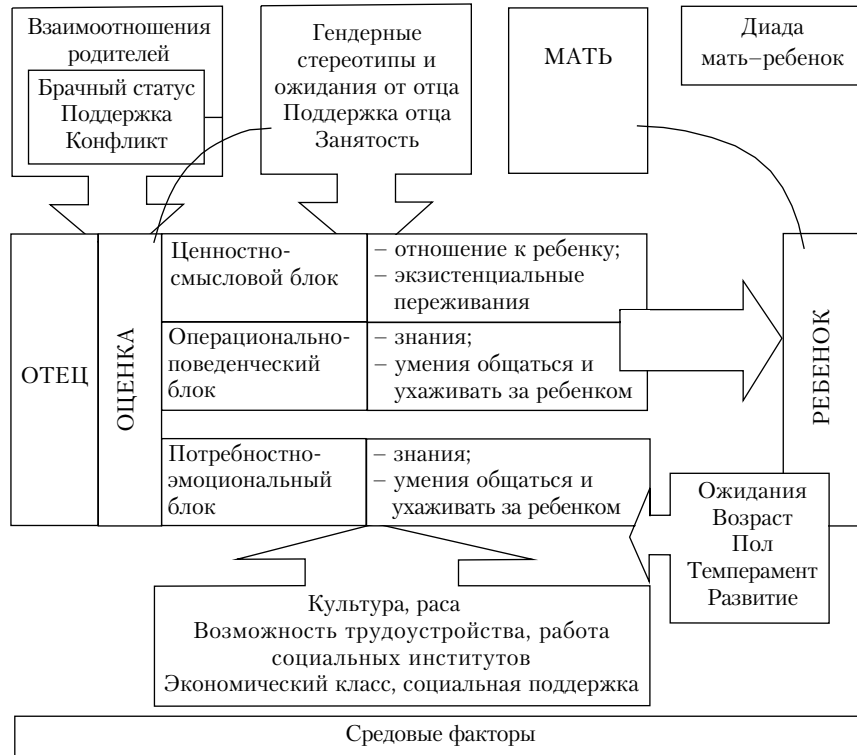


Рис. 1. Модель социальных влияний на отцовство

Биологические факторы (физическое и душевное здоровье, интеллект, рассудок); как возраст отца, так и возраст становления отцом; его умения, навыки, знания.

**Во-вторых, экологические факторы.** К ним относятся жизненный путь мужчины и его экономические возможности, культурное мировоззрение, различия в жизненной среде и исполняемых отцом ролях. Отец может быть биологическим либо социальным (приемный, отчим); проживать совместно или отдельно от ребенка; быть безработным или занятым полностью или частично (единственный кормилец, главный кормилец, со-кормилец, приносящий несущественный доход, экономически не поддерживающий отец); главным, кто ухаживает за ребенком, активным со-родителем либо частично или полностью отстраненным от прямого общения с ребенком, сожительствующим с матерью ребенка, женатым, разведенным, женатым снова, вдовцом.

**В-третьих, средовые факторы**, которые включают этничность, культуру, субкультуру, этнические и культурные стереотипы, идеологию отцовства и маскулинности, диктующие разные модели доступности и присутствия. Широкий социальный контекст данной культуры и общества, экономические условия, рынок рабочей силы, институциональные практики и социальная политика (государственная поддержка детей и родителей, сложности признания юридического отцовства, изменения в общественной политике) определяют реальное поведение мужчин.

**В-четвертых, социальная поддержка ближайшего окружения**, на которую влияет как история взаимоотношений с собственными родителями, так и качество и природа семейных отношений, история и характер взаимоотношений с матерью ребенка (отношения и ожидания матери, ее поддержка отца, степень занятости). Дружеские сети.

Отцовство сильнее, чем материнство, зависит от супружеских отношений, т. к. стандарты и ожидания в отношении отцовства более переменчивы и размыты, более снисходительны, чем для матерей. Основной внутрисемейной детерминантой ответственного отцовства является поддерживающий совместный брак<sup>9</sup>.

**В-пятых, качества ребенка:** пол, порядок, в котором родились дети, персональные факторы – темперамент ребенка, здоровье и возможности развития.

Различное сочетание этих факторов по-разному влияет на отцовские практики, которые в результате рожают различные модели отцовства. Анализ конкретных практик происходит через изучение *отцовской вовлеченности*.

**Компоненты отцовской вовлеченности.** Наиболее часто используемая концептуальная модель отцовской вовлеченности – «четырёхфакторная модель вовлеченности отца» М. Лама и Дж. Плека. М. Лам выделил следующие компоненты: *взаимодействие* (непосредственный контакт отца и ребенка один на один, совместное проведение свободного времени), *доступность* (теоретическая возможность ответа на просьбы ребенка при одновременной занятости в другой деятельности); *ответственность* (стремление к благополучию детей, знание и исполнение их потребностей)<sup>10</sup>. Впоследствии М. Лам, Дж. Плек, Э. Чарнов и П. Левин дополнили данную модель таким компонентом, как *обязательства* – степень, в которой родитель осознает необходимость контакта и взаимодействия с детьми (в заботе, игре, проведении досуга).

Тальман (Tallman) предложил «восьмифакторную модель взаимосвязи между идентичностью отца и фактической вовлеченностью его в семью после развода» (1995), выделив такие факторы, как

*социальные стереотипы, восприятие отцом воспитания матери, эмоциональная стабильность отца, эмоциональная стабильность матери, пол ребенка, отношение родителей между собой, экономическая безопасность отца и наличие поддержки окружающих.*

Р. Палковиц (1997) выделяет в родительской вовлеченности три параллельных аспекта: когнитивный (познавательный), аффективный (эмоциональный) и поведенческий. В дополнение к этим доминантам вовлеченности его модель оценивает *качество отношений* (инвестируемое время, уровень и степень включенности, близость) и *факторы, моделирующие вовлеченность* (индивидуально-личностные, контекст и процесс взаимодействия, мезомакро-контекст)<sup>11</sup>.

Ответственное отцовство означает не только выполнение определенных отцовских практик (establishing paternity), но также эмоциональную и финансовую поддержку матери и ребенка. Ответственное отцовство включает совместные отношения с матерью (даже если родители не женаты или разведены) и позитивное присутствие отца в жизни ребенка<sup>12</sup>.

Таким образом, вовлеченность отца может пониматься как взаимодействие отца и ребенка, наличие операциональных знаний, позволяющих его совершать, физическая доступность и степень включенности отца, ответственность и осознание своих обязательств по отношению к ребенку, эмоциональная и финансовая поддержка, в целом позитивно влияющие на жизнь семьи.

**Основные типы отцовства.** Отцовская роль исторически рассматривалась линейно, как многоступенчатая модель, которая постепенно сменялась от «духовного наставника» к «добытчику средств», затем к «транслятору гендерной идентичности» и к «новому отцу». Доминирующая роль «добытчика» накладывала некоторые запреты на отцовские практики, ограничивая возможности отца быть эмоционально вовлеченным или, как минимум, не настолько вовлеченным, насколько он хотел быть.

Проведя широкие кросс-культурные исследования, культурологи выделили два главных типа отцовской семейной вовлеченности<sup>13</sup>.

1) Близкий отец: отцы едят и спят вместе со своими детьми, разговаривают с ними во время приема пищи, посещают роды и принимают активное участие в уходе за младенцами (Уайтинг / Whiting 1975). Общества с «включенными» отцами, как правило, более мирные, доверяют женщинам принятие решений, имеют близкие супружеские отношения, допускают гендерное равенство, включают богов обоих полов в своих религиозных верованиях.

2) Отчужденный отец: общества имеют религиозные системы со строгими богами мужского пола, социальные институты, исключаящие женщин из процесса принятия решений, брачные системы, в которых муж требует почтительного отношения со стороны жены, публичные ритуалы с ярко выраженной маскулинной направленностью.

Таким образом, включенное отцовство и гендерное равенство, эгалитаризм связаны между собой. Тем не менее есть достоверные данные для того, чтобы утверждать, что культура отцовства не всегда развивалась линейно. Индивидуальные отцовские практики могли быть и были совершенно разными. Известный английский историк Дж. Тош (Tosh, 1999) показал, что в жизни викторианских мужчин семейные дела занимали центральное место, причем викторианский отец испытывал давление с разных сторон. Он обязан был не только кормить, но и защищать членов своей семьи от суровых реалий окружающего мира. Дж. Тош различает четыре типа таких отцов: отсутствующий, тиранический, далекий, а также теплый, интимный отец. При этом наиболее типичным оказывается ответственный, но далекий отец, которому трудно совместить противоречивые требования своей роли.

Образ отца в художественной литературе дает некоторое представление о практиках отцовства, применяемых в прошлом. В литературе XIX в. наряду с традиционным патриархальным отцом семейства появляются новые типы отцов. Так, И. Кон выделяет следующие образы отца в русской литературе<sup>14</sup>:

- авторитарный отец – либо самодур и тиран, вызывающий ненависть детей; либо домашний тиран, но в то же время – благородный рыцарь, воплощение дворянской чести;
- слабый отец – мужчина, который не может справиться с ролью главы семьи; домашние, включая детей, относятся к нему снисходительно-иронически. Отцовская слабость – следствие социальной неуспешности или безответственности, например того, что он игрок или мот;
- «вечный мальчик», бонвиван (кутила, весельчак, живущий в собственное удовольствие) – любит своих детей, однако изменяет жене, быть ответственным главой семейства не может и не хочет;
- добрый отец – свободен от одержимости властью и просто добр к своим детям, эмоционально близок;
- амбивалентный отец – далекий или воображаемый, физически отсутствующий или психологически недоступный; образ загадочен, вызывает противоречивые чувства – от страстной любви до страстной ненависти.



По мнению С. Колтрейн, в современном обществе различные внешние факторы нанесли значительный удар по отцовству, поэтому «современные отцовские роли можно считать уникальными в истории человечества»<sup>15</sup>. Для того чтобы оценить успешность отца, нужно учитывать все многообразие его родительских практик, экологию и возраст ребенка. Большинство отцов принимает на себя многочисленные семейные роли (кормильца, товарища по играм, опекуна), но для разных отцов эти роли неодинаково важны. Если раньше типы отцовских практик описывались как нечто жесткое, стабильное, то теперь стало ясно, что на самом деле они изменчивы, текучи, многомерны и подвижны как на культурном, так и на личностном уровне.

Исходя из того, какая отцовская функция ставится во главе, выделяют различные типы отцов. Отец может выступать как *персонафикатор власти, кормилец, дисциплинатор, пример для подражания, непосредственный наставник в общественно-трудовой деятельности*.

В социально-педагогической литературе широкое распространение получила типология Д. Баумринд, выделившей три главных стиля родительства (по И.С. Кону).

1) Авторитарный стиль – высокая требовательность, строгая дисциплина, насильственное принуждение ребенка к выполнению родительских предписаний и слабое внимание к собственным потребностям ребенка, который мыслится преимущественно как объект педагогического воздействия. Такой стиль можно отнести к субъектно-объектному отношению, в котором ребенок преимущественно выполняет волю родителей.

2) Авторитетный стиль – больше апеллирует к собственному сознанию ребенка, давая простор развитию его индивидуальных способностей, при сохранении родительского контроля, формы которого меняются по мере взросления ребенка. Это субъектно-объектное отношение, партнерское, хотя и асимметричное взаимодействие ребенка и родителей.

3) Перmissiveный, или снисходительный, стиль – предоставляет ребенку максимум свободы и самостоятельности, причем отсутствие контроля нередко оборачивается невниманием к ребенку. Такой стиль делает субъектом ребенка, на поступки которого родители только реагируют.

У. Шнейдер (W. Schneider) и У. Фтенакис (W. Fthenakis) выделяют несколько типов взаимодействия отца и ребенка, исходя из количества и качества общения.

1) Традиционный отец – отец как воплощение силы, авторитета и социальной компетенции. Важнейшей задачей такого отца яв-

ляется содержание и защита матери и ребенка. Отдален от ребенка и взаимодействует с ним только тогда, когда возникают разногласия и мать не в состоянии их разрешить; его слово – закон, его поведение обсуждению не подлежит, ему свойственен авторитарный стиль воспитания, эмоциональной близости с ребенком нет, так как поддерживается авторитет и власть.

2) Отец-партнер – отец как образец, помощник и партнер по играм. Достаточно гибкое распределение ролей в семье, отец играет значительную роль в воспитании и жизни ребенка, а также занимает активную позицию в семье.

3) Новый отец – рассматривается не столько операциональный аспект взаимодействия отца и ребенка, сколько важность отцовства, общения с ребенком для самого отца, тесная эмоциональная связь.

Маркс и Р. Палковитс (Marks, R. Palkovits, 2004) говорят о четырех сосуществующих типах отцовства, двух «хороших» и двух «плохих»<sup>16</sup>.

Первый тип: «генеративное», «творческое», «заботливое», «положительно вовлеченное», «ответственное» отцовство – «новый отец». Чаще всего такой стиль практикуют хорошо образованные мужчины среднего и высшего среднего класса, женатые на столь же образованных женщинах. Второй тип – «хороший добытчик», кормилец. Третий тип – «неплательщик алиментов», который заводит детей, но уклоняется от их воспитания и содержания. Четвертый тип – «незаинтересованный отец», маскулинность, свободная от отцовства, или «отсутствующий отец».

Третий и четвертый типы относятся к «плохим» отцам. Эти мужчины, встречающиеся как среди холостых, так и среди женатых, не хотят иметь детей, а если становятся отцами против воли, уклоняются от связанных с этим финансовых обязательств. Именно последняя, быстро растущая категория мужчин вызывает наибольшую озабоченность семействоведов.

По мере доступности отца для ребенка разными исследователями выделяются следующие типы отцов (Дж. Браннен и Э. Нилсен)<sup>17</sup>.

1. Сфокусированный на работе отец – мужская идентичность формируется рабочей этикой; довольно низкая вовлеченность в воспитание детей, приоритет работе.

2. «Семейный отец» – работающие 9 часов 5 дней в неделю, но «присутствующие» дома отцы, уделяющие внимание эмоциональной поддержке ребенка и берущие на себя некую заботу о детях. Приоритет отношениям с детьми, а не работе.

3. «Практический отец» («hands on father») – не являются главными добытчиками, сильно вовлечены в заботу о детях, иногда по-

стоянно, так как не имеют работы. Некоторые имеют работу, но меняются сменами так, чтобы распределение ролей в заботе о детях было равным.

Также выделяются такие «отрицательные» типы, как:

4. Недобросовестный отец («deadbeat dad» – мужчина, уклоняющийся от уплаты алиментов на ребенка)<sup>18</sup>.

5. «Физически присутствующий, но функционально отсутствующий» отец (ЛаРосса).

Таким образом, различные модели отцовства выделяются по различным характеристикам: степени вовлеченности и доступности отца для ребенка, количества и качества общения, стиля взаимоотношений, социально-педагогических функций, степени власти отца в семье, сочетанию экономических и эмоциональных функций. В результате набор моделей отцовского поведения представляется достаточно разнообразным, но трудно поддающимся анализу и сравнению. Для того чтобы выйти за пределы этой «ограниченности», авторами были выделены модели отцовского поведения на основе рассмотренных выше характеристик.

Ввиду того что отцовское поведение представляет собой сочетание инструментальных и экспрессивных функций, а также характера властных отношений в семье, данные характеристики были взяты для построения модели отцовского поведения. Стоит отметить, что под инструментальными функциями в данном случае понималась вся деятельность отца по материальному обеспечению ребенка, созданию благоприятной физической обстановки (функции, *традиционно* закрепленные за отцами), под экспрессивными функциями – вовлеченность в процесс развития ребенка, уход за детьми, эмоциональная поддержка, создание комфортных психических условий для развития. Эти две функции были рассмотрены в контексте властных отношений в семье (отец как глава семьи, стратегии дисциплинирования детей).

В результате была построена следующая модель (рис. 2) и выделены такие типы отцовства:

1) экспрессивный отец, выполняющий инструментальные функции, мягкий стиль воспитания – «ответственный, генеративный отец»;

2) экспрессивный отец, выполняющий инструментальные функции, стиль воспитания – строгий – «авторитетный отец», «отец-партнер»;

3) неэкспрессивный отец, с хорошо выраженными инструментальными функциями, властные отношения в семье носят мягкий характер – «отец-кормилец»;

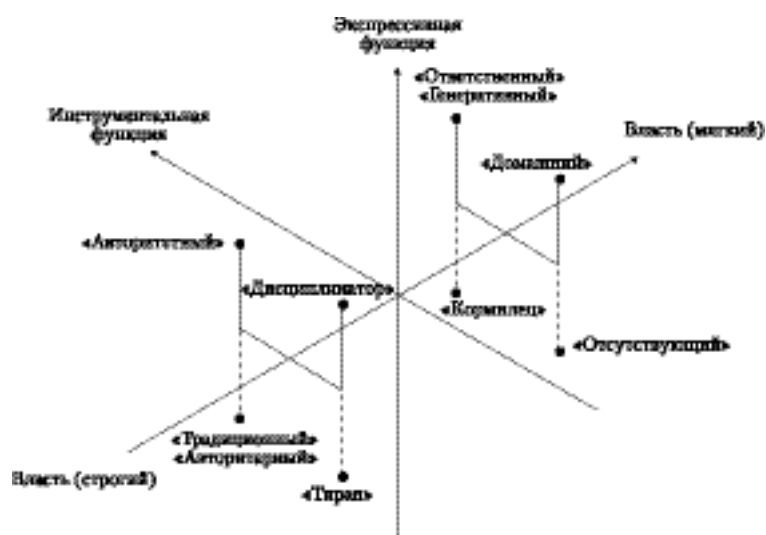


Рис. 2. Типы отцовства

4) отец с выраженными экспрессивными функциями, однако не выполняющий инструментальных функций, мягкий – «практический отец», «hands-on», «домашний»;

5) отец, не выполняющий инструментальных функций, однако исполняющий экспрессивные функции, властный – «дисциплинатор»;

6) неэкспрессивный отец, инструментальные функции хорошо выражены, однако властные отношения в семье носят характер строгих – «традиционный, авторитарный отец»;

7) отец, не выполняющий ни экспрессивных, ни инструментальных функций, но тем не менее имеющий власть в семье – «отец-тиран»;

8) отец, не выполняющий никаких функций, не имеющий власти в семье – «отсутствующий отец».

Первые два типа можно отнести к «новому», «положительному» отцовству, тогда как такие типы, как «отец-тиран» и «отсутствующий отец», являются «негативными», «отрицательными».

Большое количество психолого-педагогических исследований показало, что наиболее успешным как с точки зрения формирования личности ребенка, так и с точки зрения поддержания хороших

отношений ребенка с родителями является авторитетное родительство. Эмпирические данные свидетельствуют также о том, что авторитетный стиль воспитания имеет преимущества не только в индивидуалистическом обществе Запада, но и в коллективистских обществах. Пресловутая «неэффективность» отцовства связана прежде всего с авторитарностью и притязаниями на обладание властью, которой фактически уже нет. «Нравится вам это или нет, правила игры в семье, как и в обществе, изменились, и отцы, не желающие этого видеть, создают дополнительные трудности самим себе, своим женам и детям», – пишет И.С. Кон<sup>19</sup>.

Аморфность «идеи отцовства» побуждает мужчин индивидуализировать свои отцовские практики, порой делая взаимоотношения с детьми откровенно проблемными, но зато более разнообразными и гибкими. В современном отцовстве присутствует два противоположных, «биполярных» образа: «новый отец», который активно вовлечен в воспитание детей, и «отсутствующий отец», не имеющий контакта со своими детьми вследствие развода или потому, что его дети рождены вне брака. Остальные типы в некотором смысле располагаются между ними. Такая дифференциация отцовских типов может способствовать улучшению качества отцовства: мужчины, которые хотят быть отцами, чаще становятся ответственными отцами, а те, которые этого не хотят, отцами не становятся вовсе. По словам Кона, «снижение социального престижа отцовства одновременно делает его в долгосрочной перспективе более ответственным и положительным»<sup>20</sup>.

Отцовские практики всегда были изменчивы и подвижны как на культурном, так и на личностном уровне, поэтому линейное описание смены культурных типов отцовства не является обоснованным. В современном обществе и в личном поведении мужчин взаимно сосуществуют разные типы отцовства – как традиционные, так и современные, «новые». При этом, как показывают кросс-культурные исследования, ответственное отцовство тесно связано с эгалитарным типом распределения ролей в семье.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. С. 305.
- <sup>2</sup> Coltrane S. Fathering: Paradoxes, Contradictions, and Dilemmas [Электронный ресурс] // Handbook of Contemporary Families. [2004]. URL: [http://www.sage-ereference.com/hdbk\\_contempfamilies/Article\\_n13.html](http://www.sage-ereference.com/hdbk_contempfamilies/Article_n13.html) (дата обращения: 15.04.2010).
- <sup>3</sup> Кон И.С. Указ. соч. С. 305.

В.И. Горбачева, Д.В. Мальцева

- 4 *Iwata H.* A Concept Analysis of the Role of Fatherhood: A Japanese Perspective [Электронный ресурс] // Journal of Transcultural Nursing. 2003. 14. URL: <http://tcn.sagepub.com/cgi/content/abstract/14/4/297> (дата обращения: 15.04.2010).
- 5 *Palkovitz R.* Father-Child Relationships [Электронный ресурс] // Encyclopedia of Human Relationships. [2009]. URL: [http://www.sage-reference.com/humanrelationships/Article\\_n216.html](http://www.sage-reference.com/humanrelationships/Article_n216.html) (дата обращения: 15.04.2010).
- 6 *Forste R.* Where are all the men? Where are All the Men? A Conceptual Analysis of the Role of Men in Family Formation [Электронный ресурс] // Journal of Family Issues. 2002. 23. URL: <http://jfi.sagepub.com/cgi/content/abstract/23/5/579> (дата обращения: 15.04.2010).
- 7 *Cabrera N.J.* Father Involvement [Электронный ресурс] // Encyclopedia of Applied Developmental Science. [2004]. URL: [http://www.sage-reference.com/applieddevscience/Article\\_n177.html](http://www.sage-reference.com/applieddevscience/Article_n177.html) (дата обращения: 15.04.2010).
- 8 *Gillies V.* Understandings and Experiences of Involved Fathering in the United Kingdom: Exploring Classed Dimensions [Электронный ресурс] // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. [2009]. URL: <http://ann.sagepub.com/cgi/content/abstract/624/1/49> (дата обращения: 15.04.2010).
- 9 *Евсеевкова Ю.В., Портнова А.Г.* Отцовство как структурно-динамический феномен // Сибирская психология сегодня: Сб. научных трудов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. Вып. 2. С. 354.
- 10 *Dick Gary L.* The Fatherhood Scale [Электронный ресурс] // Research on Social Work Practice. 2004. 14. URL: <http://rsw.sagepub.com/cgi/content/abstract/14/2/80> (дата обращения: 15.04.2010).
- 11 *Cabrera N.J.* Op. cit.
- 12 *Dick Gary L.* Op. cit.
- 13 *Coltrane S.* Op. cit.
- 14 *Кон И.С.* Указ. соч. С. 425.
- 15 *Coltrane S.* Op. cit.
- 16 Цит. по: *Кон И.С.* Указ. соч. С. 327, 330, 363, 433.
- 17 *Brannen J., Nilsen A.* From Fatherhood to Fathering: Transmission and Change among British Fathers in Four-generation Families [Электронный ресурс] // Sociology. 2006. 40. URL: <http://soc.sagepub.com/cgi/content/abstract/40/2/335> (дата обращения: 15.04.2010).
- 18 *Marsiglio W.* Men's Relations with Kids: Exploring and Promoting the Mosaic of Youth Work and Fathering [Электронный ресурс] // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2009. URL: <http://ann.sagepub.com/cgi/content/abstract/624/1/118> (дата обращения: 15.04.2010).
- 19 *Кон И.С.* Указ. соч. С. 433.
- 20 Там же. С. 364.

И.О. Шевченко

## ЗНАЧИМОСТЬ ОТЦА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВЫРОСШИХ ДЕТЕЙ

В статье рассматривается роль отца в процессе воспитания ребенка с точки зрения повзрослевших детей. На основе авторского исследования анализируется расстановка семейных ролей и место в ней отца, отношения отцов и детей, функции и значимость отца в социализации ребенка.

*Ключевые слова:* отец, авторитет отца, роль отца в социализации ребенка, функции отца в семье.

Отец – важная фигура в жизни ребенка. Но, будучи маленькими, дети часто не в состоянии адекватно оценить значимость отца в своей жизни. Для маленького ребенка важно, чтобы отец был, потому что малыш любит его всегда, любого, независимо от его личных качеств и степени непосредственного участия в детской жизни. И только вырастая, ребенок отдает себе отчет в том, что представлял из себя его отец как личность и воспитатель, насколько существенным было влияние отца в процессе социализации сына или дочери. Для изучения влияния отца в процессе воспитания и взросления ребенка, как это представляют выросшие дети, было проведено исследование: опрошено 109 человек молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет, т. е. как раз в тот период, когда дети уже достаточно выросли, чтобы отрефлексировать свои отношения с отцом, но на отношениях отцов и детей еще не лежит груз взрослой жизни ребенка. Молодым людям было предложено написать эссе «Отец в моей жизни» в свободной форме, но предлагалось осветить ряд определенных вопросов:

1. Роли в семье, в которой я воспитывался:
  - разделение обязанностей (функций) среди взрослых;
  - значимость отца и других взрослых (статус, т. е. место в семейной иерархии);

И.О. Шевченко

- участие взрослых в жизни детей (количественно, качественно);
- психологический климат (эмоциональный настрой), вклад каждого.

2. Я (ребенок) и отец:

- его отношение лично ко мне на фоне отношений к другим близким людям;
- его знания, профессия – мои знания, профессия (как они соотносятся);
- его система взглядов – моя система взглядов (как они соотносятся);
- его отношение к людям – мое отношение к людям (как они соотносятся).

3. Опишите идеального отца. Какой он?

Автора интересовало также, кто «заменял» ребенку отца в случае отсутствия последнего, поэтому разрешалось писать не только о родном отце, но о «замещающем» человеке – дедушке, дяде, отчине либо о любом другом родственнике или даже взрослом (к примеру, тренере), который, по мнению ребенка, заменил ему отца или выполнял ряд отцовских функций. При этом просили указать, что стало с родным отцом и каковы отношения с ним ребенка.

Опрос был анонимным. Метод эссе был избран главным образом потому, что гарантировал достаточную степень откровенности и позволял свободно, не подстраиваясь под общественно одобряемую точку зрения, выразить свои мысли и чувства.

Результаты получились, с одной стороны, ожидаемыми (подтвердились многие гипотезы автора исследования), с другой – удивили, выяснилось много любопытных обстоятельств.

**1. Семейные роли и психологический климат**

Разделение обязанностей в современной семье далеко не так традиционно, как это обычно представляют. Достаточно часто молодые люди писали о том, что в семье нет четкого разделения обязанностей: кто свободен, тот и занимается домашним хозяйством. Можно отметить эту особенность как тенденцию. Кроме того, есть и отцы, которые в степени, более значительной, чем даже мать, принимают на себя груз ежедневных семейных проблем (и это практически всегда работающие отцы!). За рубежом таких отцов называют «новыми отцами». Получается, что таких отцов достаточно много и у нас. Вместе с тем насчитывается много семей, где мама домохозяйка или не работала, когда дети были маленькими. Любопытно, что даже в этом случае активные отцы (и их много) не отстраняются от ведения домашних дел и воспитания детей.



За психологический климат в семье обычно «отвечает» мать, на это указывают почти все дети. Видимо, особенности женской психики и традиционная роль женщины в семье как «хранительницы очага» помогают ей выполнять эту функцию. Но в тех семьях, где присутствует жесткое разделение труда между родителями (отец зарабатывает деньги, а мать, и только мать делает все домашние дела), психологическая обстановка в семье неблагоприятная, родители часто ссорятся. Так что тенденция к равномерному распределению (поровну между родителями) домашних обязанностей, видимо, отражает стремление супругов к эгалитарному (партнерскому), а не традиционному браку.

Большинство выросших детей главой семьи называют отца: он принимает важнейшие решения как в семье в целом, так и в жизни ребенка; за отцом обычно остается последнее слово, к нему обращаются мать и дети для разрешения серьезных проблем: «*Присутствие папы было необходимо, когда решался какой-нибудь важный вопрос (это те ситуации, когда говорили: "Папа придет – поговорим")*» (девушка, 19 лет).

Впрочем, в ответах некоторых молодых людей (их немного) наблюдается противоречие: отец и обеспечивает семью, и занимается домашним хозяйством, а главой семьи называется мать. Видимо, это происходит в тех случаях, когда дочь или сын привыкли обращаться к матери по поводу своих дел, т. е. отец слабо задействован во внутрисемейных связях с ребенком либо отец начинает «играть свою партию», когда требуется принимать серьезные решения, особенно в переломных моментах жизни семьи и ребенка.

Конечно, в повседневной жизни детей больше участвует мать, особенно если она не работает. Исключение составляют активные отцы, которых, как указывалось выше, уже достаточно много. Но даже в таком случае мать часто обращается к авторитету отца, пускай даже отсутствующему в настоящий момент.

## **2. Отец и ребенок**

Практически все выросшие дети отметили колоссальную значимость отца в своей жизни. Отцу всегда подражают, как в быту, так и в большем: говорят, что хотели бы унаследовать определенные качества характера и даже стиль мышления. «*...Посмотрев на отца, что он владеет в совершенстве китайским языком, тоже захотелось выучить китайский язык*» (девушка, 19 лет).

Образ отца обычно положителен. Безусловное исключение составляют отцы, которые пьют, их не так много, как обычно представляется («все мужчины в России пьют»), или дети об этом не знают (и это к лучшему), но употребление алкоголя отталкивает ребенка. Негативные эмоции у детей могут быть связаны с отцом, который не считает нужным поддерживать ребенка: «*Прошлым ле-*

*том был выпускной у моей подруги, так получилось, что ее мама лежала в больнице, а ее папа просто не пошел по причине “А что там делать?”» (девушка, 20 лет).*

Отец – значимый субъект как для сына, так и для дочери. Отношения к сыновьям и дочерям у отцов разные. С мальчиков больше требуют, чаще проявляют жесткость. Девочек любят, ласкают, балуют. Требуют тоже (в отличие от мам), но по-другому. И для сыновей, и для дочерей отец является объектом подражания. Для мальчиков – это образ мужчины, они буквально «лепят» себя с отца. Для девочек отец часто является образцом будущего мужа. Но и девочки хотят быть похожими на отцов, копируют их характер, манеры поведения и даже бытовые привычки: *«Когда приходили гости, мне часто говорили: “Как ты похожа на маму” – в ответ я говорила, что все наоборот, я похожа на папу. И всегда хотела быть похожей на него внешне и внутренне, он мне казался умным, интересным, и я обожала его логику» (девушка, 19 лет).*

В каком возрасте отец оказывает особенно большое влияние на детей? Большинство респондентов указало, что в подростковом: *«В подростковом возрасте, в старших классах мы с папой сильно сблизились, его система взглядов мной была перенята по многим вопросам (от бытовых до религиозных и общефилософских)» (девушка, 19 лет).* Вероятно, так происходит потому, что именно в этот период окончательно формируется личность. Отцы чаще, чем матери, склонны разговаривать с детьми о жизни и людях, тем самым формируя их характер и мировоззрение: *«В период с 6 по 9 класс, я думаю, наставления отца и его советы о моем будущем были особенно значимы» (юноша, 20 лет).*

Интересно, что большинство респондентов писали о том, что у них сложились особенные отношения с отцом, что отец выделяет их среди других близких. Это относится и к семьям, где не один ребенок. Вряд ли нам попались почти исключительно молодые люди, у которых в семьях действительно именно они являются объектом пристального внимания отца. Скорее имеет место некоторый «перекос» в оценке ситуации. С другой стороны, психолог сказал бы, что так и должно быть: у каждого ребенка должны складываться свои отношения с папой, даже если в семье две (или больше) дочери или два (больше) сына. И это замечательно, потому что подчеркивает личностную уникальность каждого ребенка. В то же время это говорит и о том, что отцам чаще всего удается наладить личностный контакт со своим ребенком. Справедливости ради необходимо отметить, что среди респондентов попались и ревнивцы, которые ревнуют отца к братьям или сестрам: *«Сестра – любимица отца, я скорее более любим матерью, поскольку по характеру я похож*

*на нее куда больше, в то время как сестра очень похожа на него»* (юноша, 19 лет, сестра младше). Впрочем, встречается и обратная ситуация: *«Папа очень хорошо ко мне относится, но все же я его люблю больше, чем он меня, или мне так кажется... – это все моя ревность к младшему брату... Про меня, конечно, никогда не забывали, но мальчик есть мальчик, и отец проводит с ним больше времени. Никак не могу избавиться от ревности, хотя я уже взрослая»* (девушка, 20 лет).

Конечно, многие дети писали о проблеме понимания отцов и детей. Отрадно, что большинство молодых людей указали, что это понимание присутствует. При этом наблюдается следующая закономерность (что, в общем, неудивительно): чем больше отец интересуется жизнью ребенка и участвует в ней, тем больше взаимопонимания. А вот если отец не занимается ребенком, то найти «общий язык» бывает значительно труднее.

Присутствующее взаимопонимание вовсе не означает абсолютного сродства во взглядах. Напротив, многие респонденты писали о том, что системы взглядов их отцов и детей зачастую кардинально отличаются. Вероятно, имеют место поколенческие различия, тем более что социализация детей пришлась совсем на другую эпоху. Кроме того, представляется возможным, что такие оценки обусловлены возрастом респондентов и, соответственно, некоторым максимализмом. Известно, что чем старше человек, тем скорее он склонен признавать сходство с родителями. В юности же подчеркиваются различия. Тем не менее молодые люди иногда пишут и о различном отношении их самих и отцов к людям, сами же объясняя это тем, что выросли в другое время. Но в этом пункте наблюдается такая особенность: если молодой человек признает сходство характеров, то он (она) склонен признавать и сходство в отношениях с людьми. Видимо, дело не только и не столько во времени, в котором росли дети и их родители, но в унаследованных личностных качествах, которые и определяют различия и сродства. Есть и еще одна закономерность: отцы и дети, проживающие вместе, в одной семье, чаще говорят о сходстве взглядов и отношений к людям, чем дети, чьи отцы живут отдельно от них (т. е. разведены с их матерью, живут отдельно или имеют другую семью). Кроме того, имеет значение также степень вовлеченности отца в непосредственное воспитание детей, в регулярное (если не получается ежедневное) общение с ними. Четко прослеживается зависимость: чем выраженное участие отца – тем больше точек соприкосновения между ним и ребенком. При этом гораздо чаще, чем мать, отец предоставляет детям возможность выбора – как взглядов, так и линии поведения, на это указывали многие респонденты.

Респондентам задавался также вопрос о соотношении знаний и профессии отцов и детей. Выяснилось, что совпадений немного, при том, что выбор профессии живо обсуждался и отец принимал в нем (в большинстве случаев) живейшее (но не подавляющее) участие. Вероятно, нынешние дети делали выбор, исходя из сегодняшних представлений о престижности профессий (что уже далеко не всегда соответствует ситуации на рынке труда). Среди их отцов, к примеру, немало инженеров, чего не скажешь о детях.

На просьбу описать идеального отца большинство респондентов ответили, что их отец – самый лучший для них в любом случае, даже если он не идеален. Впрочем, нашлись и такие, кто прямо так и писал: «Идеальный отец – это мой отец». Среди качеств идеального отца оказались: ответственность, отзывчивость, мудрость, ум, равнодушие к своему ребенку. Заинтересованность в жизни сына или дочери – вот то главное, чего не хватает детям слишком занятых или просто недостаточно активных отцов: «*Идеальный отец – отец интересующийся. Наверное, это самое важное, на мой взгляд. Единственное, чего мне не хватает – это папиной заинтересованности*» (девушка, 20 лет). Несколько молодых людей указало, что идеальных людей, на их взгляд, не бывает.

Увы, повседневной реальностью нынче стали разводы, в том числе и в семьях, где есть дети. Дети, скорее всего, редко осведомлены о причинах и подробностях развода, вряд ли знают, кто был его инициатором. Но поскольку дети в нашей стране практически всегда остаются с матерью, они воспринимают это грустное событие как уход отца из семьи. Послеразводное общение ребенка с отцом обычно резко сокращается, иногда прекращается вовсе. Но даже если отец присутствует в жизни ребенка и дальше, активно участвует в его воспитании и у них сохраняются теплые отношения, обида на отца все равно остается: «*На мой взгляд, идеальный отец отличается от моего только тем, что не уходит из семьи и сохраняет любовь к своей жене*» (девушка, 20 лет, родители разошлись, когда ей было 17 лет; продолжает активно взаимодействовать с папой).

Отсутствующих отцов детям могут и «заменяют» дедушки, отчимы и другие представители мужского пола. Причем замена эта предстает как в форме материальной поддержки, так и эмоциональной, что с точки зрения ребенка гораздо важнее. Вот высказывание о дедушке: «*В моей семье роль отца выполняет отчасти дедушка. Он – второй бабушкин муж, то есть не родной мой дедушка. Несмотря на это, он сыграл большую роль в моем начальном воспитании и образовании... Не имея много времени на общение со мной (так как был военным и много работал), он все же сильно влиял на меня и общение с ним всегда производило на меня неизгладимое впечатле-*

ние... Можно с уверенностью сказать, что лучшие черты моего характера сформировались благодаря ему, опираясь на его ценности, я живу до сих пор» (девушка, 17 лет, родители разошлись, когда ей было 4 года, и больше в жизни девочки отец не фигурировал). А вот что пишет об отчине молодой человек 19 лет: «Да, по бумагам он мне не отец, но бумаги для нас ничего не значат, куда важнее наша дружба и любовь: он любит меня как родного сына, а я – как самого родного отца» (юноша, 19 лет).

Отчим или дед в целом делают для ребенка то же, что и родной отец. Но если родной отец присутствует в жизни ребенка, то он не «вытесняется» отчимом, каждый из мужчин занимает определенную нишу.

Итак, какие функции выполняют отцы в семьях и какую роль они играют в воспитании ребенка?

1. Эмоциональная поддержка и защита в разных ситуациях, и это самое главное, с точки зрения детей: «Для меня особенно важным было участие отца в минуты, когда мне требовалась эмоциональная поддержка. Например, в 8 классе, когда я собиралась переходить из собственной школы в лицей, где обучение считалось лучше» (девушка, 20 лет). Отец обычно поддерживает ребенка в сложный момент его жизни: «В детстве почему-то для меня было очень важным присутствие отца при визите к стоматологу, с мамой я чувствовала себя не так уверенно. А в более сознательном возрасте мне очень важно было его присутствие при поступлении в университет» (девушка, 20 лет). Респонденты также указывали, что поддержка отца оказывалась необходимой в спорах или ссорах с матерью или другими людьми.

2. Передача опыта и знаний о жизни, формирование мировоззрения: «Я благодарен отцу за периодические разговоры на кухне, где в клубах дыма от его крепких папирос мной усваивались основные законы жизни... Отчетливо чувствуется желание поделиться накопленными знаниями и опытом» (юноша, 21 год); «Если говорить о мировоззрении, о системе взглядов моего папы, то я переняла большую часть. Мы много беседовали и сейчас беседуем с ним» (девушка, 21 год).

3. Воспитание каких-то определенных человеческих качеств (ответственность, целеустремленность и прочее): «Меня приучали не плакать по пустякам, думать своей головой и всегда находить решение» (девушка, 20 лет). Отец вселяет уверенность в себе: «Он был единственный, кто был уверен во мне, он просто верил в меня, когда я и мама сомневались» (девушка, 19 лет).

4. Помощь в освоении школьных предметов и других наук и занятий: «Всем, что я знаю по физике и иностранным языкам, я обя-

И.О. Шевченко

*знала только ему»* (девушка, 19 лет); *«Отец научил меня водить машину»* (юноша, 20 лет).

5. Приобщение к спорту: *«Благодаря отцу я полюбила игру в шахматы и волейбол»* (девушка, 20 лет).

6. Функция «добытчика» – большинство денег в семьях зарабатывают все же отцы.

Таким образом, не подтверждается обывательская точка зрения, что в жизни ребенка мать важнее, и если она есть, то отец вроде бы не обязательная фигура, его отсутствие не скажется на социализации детей. Сами выросшие дети подтверждают, что это глубокое заблуждение. Отец важен всегда, даже если он не живет вместе с ребенком и встречается с ним время от времени. Глубинные исследования показывают все разнообразие вариантов семейной роли и авторитета отца, и изучение этой проблемы необходимо продолжать.

## Методология и методика социологических исследований

---

А.В. Стрельникова

### ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОПРОСНЫХ МЕТОДИК В ИЗУЧЕНИИ ГОРОДСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Опросные методики являются наиболее распространенными в социологии. Это связано с тем, что непосредственный контакт с индивидом или группой дает возможность получения как объективной (факты), так и субъективной (мотивы) информации. В данной статье проанализированы особенности применения опросных методик в исследованиях, лежащих в поле социологии города. Автор описывает различные группы вопросов: базовые (фактологические), проективные, также рассматривается использование метода неоконченных предложений и поиск вторичных данных. Приводятся примеры опросного инструментария для каждого типа вопросов, а также фрагменты интерпретации данных из исследовательских проектов, выполненных под руководством автора.

*Ключевые слова:* социология города, методология и методы, опросный инструментарий, типы вопросов.

Современный город охватывает все этапы человеческой жизни, обеспечивает материальные и духовные потребности. Городское пространство существует не только физически, его можно воспринимать многомерно, на уровне социума (пространство для социальных отношений), культуры (пространство, где разворачиваются исторические события или происходит диалог сообществ), истории. Можно сказать, что городское пространство упорядочивает жизнь горожан, задавая им траектории поведения и жизненного пути. В данной статье, опираясь на опыт проведенных исследований, мы рассмотрим возможности опросных методик в изучении городской жизнедеятельности и городского пространства как социального феномена.

Опросные методики являются наиболее распространенными в социологии. Это связано с тем, что непосредственный контакт с индивидом или группой дает возможность в получении как объективной (факты), так и субъективной (мотивы) информации. К опросным методикам относят анкетирование и интервью, при этом у обеих методик существуют десятки разновидностей.

Анкетный опрос – метод социологического исследования, с которым длительное время ассоциировалась вся эмпирическая социология. Основная особенность анкетного опроса в том, что работу с анкетой респондент осуществляет самостоятельно – сам читает, интерпретирует вопросы и дает письменный ответ на основании собственного понимания. С одной стороны, такой подход экономит время и значительно снижает исследовательское влияние на респондента<sup>1</sup> (по сути, оказывать влияние могут только формулировки вопросов и их порядок), но с другой – подобный инструмент оказывается негибким, поскольку уточнить и конкретизировать ответ респондента не представляется возможным.

Интервью – другой распространенный опросный метод, имеющий ряд разновидностей. В целом интервью представляет собой проводимую по определенному плану беседу с респондентом, т. е. подразумевается личный контакт интервьюера и респондента. Этот метод принято считать более гибким методом сбора социологической информации по сравнению с анкетным опросом, поскольку интервьюер задает вопросы, организует саму беседу, направляет ее, т. е. активно взаимодействует с респондентом в процессе интервью. Интервьюер может уточнять, пояснять вопросы в случае непонимания их респондентом, уточнять точку зрения респондента, добиваться от него пояснений и дополнительной информации. Подобная связь респондента и интервьюера является как плюсом, так и минусом этого метода. С одной стороны, гибкость получения информации является безусловно сильной стороной, но с другой – сложно заранее предугадать эффекты такого взаимодействия. Кроме того, проведение интервью требует большей, чем анкетный опрос, подготовки (организационной, профессиональной и т. д.). Групповое интервью (с двумя и более людьми), как правило, проводят тогда, когда важно не только получить интересующую исследователя информацию, но и проследить за спецификой коммуникации при обсуждении поставленных вопросов, за характером аргументации своей точки зрения перед другими людьми и т. д.

Для социолога, который занимается изучением городской проблематики, одной из важных задач является уточнение статуса индивида в данном пространстве. Поэтому при подготовке анкеты или гайда интервью к базовым вопросам следует отнести *вопросы о «ме-*



сте» респондента в городском пространстве. Это вопросы о времени проживания на данной территории, о характере проживания (постоянный, маятниковый, временный), о характеристиках жилища (как оно было получено, в каком районе и т. д.), а также о восприятии «своего» пространства через выбранные респондентом ориентиры и границы.

### **1. Базовые (фактологические) вопросы<sup>2</sup>.**

Базовые (фактологические) вопросы призваны раскрыть общие характеристики городской жизни и задать «рамку» диалога между исследователем и респондентом, поэтому с них целесообразно начинать интервью или анкету.

Приведем примеры вопросов о статусе в пространстве и об ориентирах и границах:

- скажите, пожалуйста, в каком районе Вы живете? С какого года Вы живете в этом районе? Как и когда Вы переехали в этот район/город (для приезжих)?
- Вы сами приобрели здесь квартиру, получили, она досталась Вам по наследству?
- дополните, пожалуйста, фразы «Центр города для меня – это...», «окраина города для меня – это...»
- как Вы считаете, можно ли место, в котором Вы живете, назвать частью центра города?
- когда Вы выезжаете из города, на каком месте для Вас заканчивается город? Пожалуйста, попытайтесь объяснить, почему Вы так считаете, что именно там заканчивается?

Вопросы о восприятии различных частей городского пространства:

- подумайте, пожалуйста, что дает Вам жизнь в центре / в отдаленном районе, какие положительные моменты?
- скажите, пожалуйста, какие минусы Вы видите в жизни в центре / в отдаленном районе?
- какие чувства Вы испытываете, когда речь заходит о месте Вашего проживания? (например, гордость или стыд)?
- как Вам кажется, способствует ли жизнь в Вашем районе приобретению прагматических связей, полезных знакомств? С кем Вы познакомились, живя здесь? В чем Вам это помогло?

Вопросы о поведенческих стереотипах:

- общаетесь ли Вы со своими соседями? С жителями своего района? По каким поводам?
- в большом городе часто приходится работать совсем не рядом с домом. Стремитесь ли Вы устроиться на работу поближе к дому или, наоборот, в центре города?
- как часто Вы бываете в других районах города? В каких именно? В связи с какими обстоятельствами?

Фрагмент интерпретации ответов горожан (из проекта «Социальное различие городского пространства (на примере жителей города Москвы)»)<sup>3</sup>. В восприятии пространства выявились четкие различия между недавно приехавшими в Москву и теми, кто прожил здесь несколько лет. «Мое пространство – это знакомая местность, там, где я спокойно себя ощущаю, там, где все мне знакомо» (муж., 21 г., живет в Москве более 5 лет). Респонденты этой категории уже достаточно долгое время прожили в Москве и расширили границы «своего» пространства за счет собственной уверенности и обжитости территории. Это не характерно для респондентов, недавно переехавших в Москву. Как правило, они не имеют собственного жилья, поэтому единственным ощущением пространства остается «я сам» и небольшая территория вокруг «меня»: «Когда я с кем-то, кого хорошо знаю, на какой-то территории, то это мое пространство» (жен., 41 г., живет в Москве 3 мес.), «моя квартира – мое пространство» (муж., 26 л., живет в Москве 6 мес.).

Если представление о центре отобразилось через штампы (Красная площадь, Манежная площадь), то намного сложнее оказался вопрос, живет ли сам респондент в центре. Удивительно, но ответы большинства опрошенных были нечеткими, респонденты путались, меняли свою точку зрения на ходу, размышляли вслух и не приходили к единому мнению. Сбивчивые ответы привели к одному итогу – центр города расширился до территории в пределах Садового кольца, сюда вошел весь исторический центр, со старинными зданиями, памятниками, театрами и музеями. Далее границы центра расширяются из расчета того, сколько времени понадобится, чтобы добраться до центральных улиц. Поэтому результаты многих интервью оказались парадоксальными в том смысле, что респонденты, живущие на окраинах, всячески старались приблизить свое место проживания к уже растянутым ранее границам центра. Так, мужчина, проживающий на ст. м. Планерная (окраина Москвы), в итоге пришел к выводу, что это тоже «практически центр», поскольку «...близость с Соколом дает ощущение близости к центру, а Сокол – это центр», и это даже несмотря на то, что из его окон «виден МКАД...», а Москва, по его же словам, «...заканчивается за МКАДом» (муж., 21 г., живет в Москве более 5 лет).

Таким образом, несмотря на символические образы, приравненные к центру (Кремль, Красная площадь), горожане ищут пути расширения стереотипных границ. Одни делают это при помощи времени, некоторые вспоминая архитектурные ансамбли, находящиеся неподалеку от непосредственного места жительства. Другие расширяют территорию центра исходя из того, что «Москва расширяется», следовательно, «...центр должен расширяться тоже».

Обратимся к восприятию центра города. На вопрос «Дополните, пожалуйста, фразу “Центр города для меня – это...”», жители центральных районов дали следующие ответы: «благополучие, престиж»; «все»; «это достойное место жительства», «Арбат»; «символ». Жителями отдаленных районов были даны такие ответы: «красивые места»; «прежде всего, красивые дома, места для отдыха», «места, где можно приятно провести время»; «место работы»; «историческое место»; «Красная площадь»; «история». Как видно из приведенных цитат, у жителей отдаленных районов центр ассоциируется с культурными и историческими составляющими, архитектурными памятниками, местом проведения досуга, местом для развлечений.

Попытаемся выяснить, какие именно характеристики центра и отдаленных районов способствуют формированию этих предпочтений. В этом нам поможет оценка горожанами достоинств и недостатков, которые сопутствуют жизни в их районах.

Таблица 1

Плюсы и минусы проживания в центре, с точки зрения жителей

Плюсы	Минусы
<ol style="list-style-type: none"> <li>1. Территориальное расположение – удобно добираться до любых районов и мест города, до работы.</li> <li>2. Близость к культурным точкам.</li> <li>3. Развитая инфраструктура с точки зрения досуга и развлечений (клубы, рестораны, кафе).</li> </ol>	<ol style="list-style-type: none"> <li>1. Пробки, сложно перемещаться по центру.</li> <li>2. Плохая экология – нехватка свежего воздуха, зелени, высокая степень загазованности.</li> </ol>

Таблица 2

Плюсы и минусы проживания в отдаленных районах города, с точки зрения жителей

Плюсы	Минусы
<ol style="list-style-type: none"> <li>1. Зеленый район («В нашем районе зелено, в нашем районе есть Москва-река»).</li> <li>2. Есть где погулять.</li> <li>3. Не так шумно, как в центре.</li> </ol>	<ol style="list-style-type: none"> <li>1. Транспортные проблемы – неудобно добираться до места работы, занимает много времени.</li> <li>2. Не самое благоприятное окружение («...изначально здесь селились люди с очень невысоким уровнем образования, запросов, культуры... они же породили почти таких же детей...окружение... неблагоприятное, если мягко говорить»).</li> </ol>

Восприятие городского пространства подразумевает не только определение городских расстояний и ориентиров, определение границ различных территориальных единиц (центр, районы и микро-районы, границы города в целом), но и знаково-символическое восприятие пространственного измерения. Поэтому, по нашему мнению, в выбранную исследователем опросную стратегию можно встраивать следующие методики:

1. Проективные вопросы.
2. Создание рисунков, в том числе карт и схем.
3. Интерпретация уже имеющихся рисунков, карт, схем, фотографий и др.

#### **2. Проективные вопросы.**

В современном городе важным аспектом жизни становится среда и окружение. Зачастую именно среда диктует те возможности, которые человек приобретает от жизни в том или ином городе или районе. Очевидно, что среда в крупном и малом городе, на периферии и в центре города значительно отличается. Поэтому важно изучить представления жителей о городском пространстве с позиций принадлежности к определенному социальному классу, которые, в свою очередь, характеризуются определенными поведенческими стратегиями, образом жизни, предпочтениями. Подобные задачи можно эффективно раскрывать при помощи проективных методик.

К наиболее распространенным проективным инструментам в социологии относятся проективные вопросы (вопросы на ассоциации и интерпретации событий и фактов; вопросы, предлагающие модель той или иной ситуации), метод неоконченных предложений, рисуночные методики. К положительным чертам проективных методик относится отсутствие оценки со стороны исследователя и самого респондента в категориях «правильно–неправильно», отсутствие жестких рамок для респондента и богатая возможность для рефлексии, интерес респондентов к нестандартным вопросам. К минусам можно отнести то, что качество и содержание интерпретации методики во многом зависят от концепции, лежащей в основе интерпретации, от субъективизма исследователя.

Примеры проективных вопросов, которые использовались в наших исследованиях:

- *есть ли у района, в котором Вы живете, какое-то особое название? Знаете ли Вы, откуда появилось это название?*
- *если бы у Вас была возможность для смены места жительства, хотели бы Вы переехать в другой район / другой город? Почему?*
- *представьте, пожалуйста, свое обычное, повседневное возвращение домой. Скажите, в каком месте Вы ощущаете, что Вы дома, что это уже то место, где Вы живете? Как бы Вы описали состояние того, что «Я уже дома»?*

- какой смысл для Вас несут такие понятия, как: «мой» / «чужой» город, «мой» / «чужой» район, «мое» / «чужое» пространство?
- назовите, пожалуйста, животное, с которым у Вас ассоциируется Ваш город / Ваш район.

Более подробно остановимся на методе неоконченных предложений – проективном методе, при котором респондент придумывает продолжение к фразам, предложенным исследователем. Данный метод особенно эффективен в тех случаях, когда исследование вплотную связано с проблемами личностных значений, субъективного восприятия тех или иных фактов и ситуаций. Мы воспользовались этим методом, когда изучали образ города (на примере Москвы). Понятно, что в сознании людей этот образ обладает размытыми очертаниями, представляет собой преимущественно иррациональное отражение представлений, ощущений, ассоциаций. Однако все эти представления и характеристики можно попытаться выявить, задавая респонденту структуру рассуждений через неоконченные предложения. Иными словами, каждое предложение задает вокруг себя некоторое смысловое пространство, ограничивая тем самым область поиска оснований для ответа<sup>4</sup>.

В проекте «Образ Москвы глазами первокурсника» нами были использованы 24 предложения, которые структурно распадаются на пять смысловых блоков, принадлежность к которым обозначена справа<sup>5</sup>. Предложения, относящиеся к главному стимулу, заключенному в слове «Москва», обозначены **Б1**. Задачи этого блока заключались в том, чтобы собрать непосредственно вызываемые главным стимулом реакции, которые должны раскрыть структуру изучаемого образа. Предложения, закончив которые респондент выражал свое личное эмоциональное отношение к городу, объединяются в блок **Б2**. Это своего рода «я-в-городе». Логически эти предложения группируются как положительные и отрицательные. В блок **Б3** были отнесены предложения, которые, по нашему мнению, должны определить расположение изучаемого феномена относительно других социальных объектов. Это «город-в-сравнении». Предложения, направляющие реакции респондента в особые русла, характеризующие его свойства как целого и показывающие некоторые особенности его функционирования, обозначены **Б4** («город-в-действии»). И наконец, блок **Б5** объединяет в себе предложения, посвященные подробному описанию проблемы безопасности. Респонденты рассказывают, насколько, по их ощущениям, ярко выражена эта проблема, в какие моменты и в каких местах они чувствуют ее особенно остро. Благодаря такому структурированию неоконченных предложений обозначается логика анализа эмпирического материала.

Разделение неоконченных предложений на смысловые блоки

Блок	Предложения	Ключевое понятие
Б1	1. Москва для меня это... 3. Москва для меня ассоциируется с... 13. Я считаю Москву городом, который... 14. Я не считаю Москву городом, который... 15. Символы Москвы это... 16. В центре Москвы находятся... 18. Москву можно описать одним словом «...» 19. Рисуя Москву, я бы изобразил(а) ее...	«Образ города»: структура социального стереотипа, выделение элементов конструкта
Б2	4. В Москве мне нравится то, что... 5. Я не люблю Москву за... 12. У меня возникает желание покинуть этот город, когда... 17. Уезжая из Москвы, я больше всего скучаю по...	«Я-в-городе»: личное эмоциональное отношение
Б3	2. От других городов России и мира Москву отличает... 8. Преимущества проживания в Москве – это... 9. Недостатки проживания в Москве – это...	«Город-в-сравнении»: расположение изучаемого феномена относительно других социальных объектов
Б4	20. Только в Москве я могу... 21. Только в Москве я не могу... 22. Москва меняет... ведение индивидов	«Город-в-действии»: город как фактор, определяющий поведение индивидов
Б5	6. Находясь в Москве, я избегаю таких мест, как... 7. Живя в Москве, я постоянно беспокоюсь о... 10. Самые безопасные места в Москве для меня это... 11. Самые опасные места в Москве для меня это... 23. Живя в Москве, никогда нельзя быть уверенным в том, что... 24. Живя в Москве, я всегда уверен(а) в том, что...	«Безопасность»: обозначение контуров этой проблемы и выделение самых острых ее аспектов

Фрагмент интерпретации результатов (из проекта «Образ Москвы глазами первокурсника» (метод неоконченных предложений)). Составляя окончание к отдельно взятому предложению, респондент использует определенное обоснование, и на этапе первичного анализа исследователь выделяет элементарные обоснования, из которых затем складывается категория (целостный образ). В табл. 4 представлено соотношение вопросов, элементарных обоснований и категорий.

Таблица 4

Обобщение элементарных обоснований в элементы  
(выборочно для блоков Б1 и Б2)

Блок	Вопрос	Типичные элементарные обоснования	Категории
Б1	1. Москва для меня это...	«...Место, где я учусь, живу, отдыхаю»; «...Город, в котором я живу»; «...Комфортное место для существования»	Место для жизни
		«...Город "сбычи мечт"»; «...Город возможностей»; «...Город будущего»	Место для самореализации
		«...Столица России»; «...Центр»	Столица
		«...Город, где я родилась»; «...Родной город»; «...Родной и любимый город»; «...Родина»	Родина
		«...Город, в котором можно хорошо зарабатывать»; «...Денежный город»	Деньги
	3. Москва для меня ассоциируется с...	«...Гламуром, пафосом»; «...Показухой»; «...Миром моды и дорогими магазинами»	Город гламура
		«...Рекой, водопадом, в общем – стихией»; «...Вечно спешащими людьми»	Неуправляемый поток
		«Муравейником или ульем»; «...Большим муравейником, где, несмотря на плотность заселения, каждый человек может занять свою нишу»;	Большая плотность населения

Блок	Вопрос	Типичные элементарные обоснования	Категории
Б1		«Огурцом (семечки – как люди – понатыканы везде)»	
		«...Родными и близкими»; «...Моими друзьями»	Близкие люди
		«...С городом, в котором живу и учусь»	Место для жизни
		«...Храмом Христа Спасителя»; «...Красной площадью»	Исторические достопримечательности
	13. Я считаю Москву городом, который...	«...Привлекает всех жителей СНГ»; «...Приютил огромное количество этнических общностей»	Многонациональный город
		«...Достоин уважения»; «...Вызывает восхищение и трепет»; «...Для меня дорог и просто необходим»	Любимый город
		«...Поет»; «...Дышит полной грудью»; «...Никогда не спит»	Быстрый темп жизни
		«...Навязывает свой ритм жизни»; «...Может изменить человека до неузнаваемости»	Город, который давит на человека
	14. Я не считаю Москву городом, который...	«...Гостеприимный»; «...Любит приезжих»	Город приезжих
		«...Может оставить кого-нибудь равнодушным»; «...Не может не произвести впечатление»	Любимый город
		«...Не способен реализовывать наши сокровенные мечты»	Место для самореализации
		«...Дешевый»; «...В котором жить просто и ненакладно»	Дорогой город



Продолжение табл. 4

Блок	Вопрос	Типичные элементарные обоснования	Категории
	15. Символы Москвы это...	«...Кремль, купола храмов»; «...Памятник Пушкину»; «...Кремль, Охотный ряд, Большой театр, МГУ и т. д.»; «...Красная площадь»; «...Метрополитен»; «...Старый Арбат»	Исторические достопримечательности
		«...Герб», «...Орел», «...Гимн», «...Флаг»	Символ государства
		«...Белый Дом», «...Президент»	Политическая элита
		«...Грязная Москва-река», «...Шум и грязь»	Экологическая проблема
	18. Москву можно описать одним словом...	«...Златоглавая»; «...Первопрестольная»	История
		«...Дом»; «...Родина»	Родина
		«...Центр»; «...Столица»	Столица
		«...Гиперактивность»; «...Скорость»	Быстрый темп жизни
		«...Резиновая»; «...Полиэтническая»	Город приезжих
	19. Рисуя Москву, я бы изобразил(а) ее...	«...В виде шарика, который кто-то надувает»; «...Как муравейник»	Большая плотность населения
«...Просто карту метро»; «...Кремль»; «...Купола»		Исторические достопримечательности	
«...В виде подарочной упаковки с огромным бантом и сюрпризом внутри. А что за сюрприз, зависит от самого человека»		Место для самореализации	
«...Зло. Ненависть. Пробки. Злые люди, готовые на дороге убить друг друга»		Транспортная проблема	
«...Как красивую девушку, которая хорошо одета, во взгляде читается твердость, с книгой в руке, которая спешит на очередную выставку или в театр»		Культура и искусство	

А.В. Стрельникова

Далее можно укрупнять категории, объединяя их в схожие по смыслу. Например, «деньги», «город гламура», «дорогой город» можно объединить в категорию «место концентрации материальных ресурсов».

Как следует из полученных данных, современные первокурсники представляют Москву достаточно эмоционально (причем эмоции варьируются от позитивных до негативных). В первую очередь, в ходе анализа результатов появился образ многонационального и поликультурного города-«муравейника». Также Москву описывали как город контрастов и противоречий: часть респондентов говорила о грязи, вокзалах и рынках; другая часть опрошенных упоминала дорогие клубы и магазины. Москва представляется и «царством роскоши», и «темными переулками на окраинах». Подводя итог, можно выделить следующие структурные составляющие образа Москвы в глазах первокурсников: широкий спектр возможностей самореализации и личностного роста; активная трудовая деятельность и отсутствие полноценного отдыха; место концентрации материальных ресурсов; перенаселенность; быстрый темп жизни; трансформация человеческих ценностей под влиянием столичной жизни; социальная отчужденность жителей большого города.

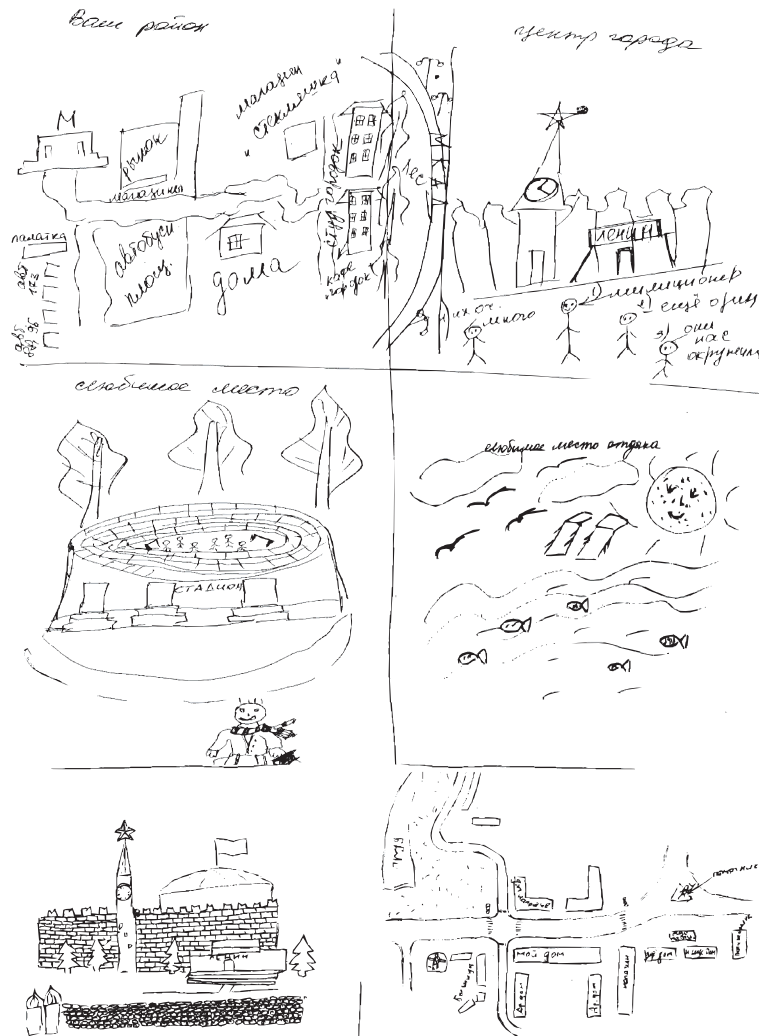
### **3. Использование рисунков**

Городское пространство заполнено знаками прошлого и настоящего, включая объекты архитектуры и искусства, рекламу, следы жизнедеятельности сообществ. Каждый из этих типов знаков может стать объектом внимания социолога. Визуальная социология может помочь распутать смыслы (например, ассоциативные) и социальные процессы (например, ситуативное восприятие, поведение), вплетенные в городской контекст. Хотя теоретически визуальная социология имеет дело со всеми видами визуальных источников, доминирующим направлением является изучение статичных образов (рисунков или фотографий): с одной стороны, анализ и интерпретация существующих образов, и с другой – целенаправленное создание новых образов, соответствующих социологическим задачам. Например, «потерянность» в городском пространстве, принятие на себя роли фотографирующего чужака в родном городе позволяет исследователю временно устраниваться из матрицы городской жизни, расширить диапазон восприятия города.

В проекте «Социальное различение городского пространства (на примере жителей города Москвы)» респондентам были даны задания: изобразить свой район, центр города, известные места отдыха в городе и свое любимое место отдыха.

Таблица 5

Примеры рисунков



А.В. Стрельникова

Рисуя центр г. Москвы, большинство респондентов изобразили Кремлевскую стену со Спасской башней и Красную площадь (при этом 3 из них изобразили милиционеров, 3 – Мавзолей, 3 – церкви, 1 – Манежную площадь и фонтан, 1 – Воскресенские ворота и 1 – схематичный рисунок с надписью «Красная площадь», «ГУМ», «дорога»). Рисуя свой район, респонденты схематично изобразили все те объекты, которые окружают их дом и объекты, которые являются главной достопримечательностью их района. Например, А. (ж., 24 г.) изобразила Останкинскую башню и колесо обозрения, все те места, которые ассоциируются с районом ВДНХ. Очень схематично, прямо до мельчайших подробностей обрисовали свой район жители старшего возраста: Ж. (ж., 49 лет), И. (м., 30 лет). Молодые респонденты, как правило, изображали просто образ своего дома и природу вокруг. Надо заметить, что все нарисованные образы своего района респонденты передали в радужных тонах, на многих картинках светит солнце, растут цветы и деревья, также у некоторых очень старательно прорисована «карта» родного района, обозначены улицы, месторасположение домов. Это говорит о том, что пространство хорошо освоено, горожане там хорошо ориентируются и, следовательно, это место считают «своим», «безопасным».

Рисуя свое любимое место в городе, большинство респондентов изобразили природу, хорошую погоду, и, что характерно, практически ни у кого на этом рисунке не было людей. Из этого можно сделать вывод, что каждый горожанин стремится вырваться из города, от его проблем и т. д.

#### **4. Использование вторичных данных**

Возможности для вторичного анализа непосредственным образом связаны с конструированием и использованием архивов исследовательских данных. Можно выделить следующие категории хранилищ данных: архивы исследовательских организаций, национальные архивы, публикации первичных материалов, архивы научных и образовательных учреждений, ресурсные центры. Возможность доступа к подобным интеллектуальным ресурсам порождает практически неограниченную свободу в выборе предмета и объекта исследования, а современный уровень развития методов хранения и обработки данных обеспечивает максимальную степень глубины и точности интерпретации полученных результатов.

Приведем в пример работу с поисковыми запросами в российских и западных архивах по проблематике города. Для поиска в исследовательских архивах важно правильно выбрать ключевые слова, характеризующие выбранную тему (в нашем случае можно начать с ключевого слова «город» и затем дополнять поисковый запрос).

Таблица 6

Результаты поиска в Едином архиве социологических данных (sofist.socpol.ru): анкетные вопросы из разных исследований

<p>Когда вы говорите о Родине, то что чаще всего имеете в виду?</p>	<ol style="list-style-type: none"> <li>1. Тот город, деревню, где вы родились</li> <li>2. Россию</li> <li>3. Республику, в которой живете</li> <li>4. Советский Союз</li> <li>5. Затрудняюсь ответить</li> </ol>
---	--

Поиск в западных архивах. Среди западных архивов следует отметить архив данных Межуниверситетского консорциума политических и социальных исследований (ICPSR Data Archive) при университете Мичиган, США<sup>6</sup>. Он является одним из самых крупных в мире архивов для социальной науки (для исследователей доступно свыше 450 000 компьютерных файлов данных по 150 странам мира, в том числе данные американских переписей населения). Примечательно, что ICPSR Data Archive прилагает усилия для максимального расширения спектра представленных данных и с этой целью покупает данные у коммерческих и государственных организаций, добавляя их затем в свое хранилище. Впоследствии доступ к таким данным осуществляется на основании абонентской платы. Межуниверситетский консорциум политических и социальных исследований также проводит обучающие программы и семинары по работе с архивными данными, организует исследовательские конкурсы с финансовой поддержкой, разрабатывает методики работы со вторичными данными, информирует о преимуществах архивирования исследовательских данных в целях привлечения новых материалов.

Таблица 7

Результаты поиска в ICPSR Data Archive

<p><b>ICPSR Results. Results for: +city (1175). Results for: +keyword: "neighborhoods" (281). Results for: + urban (613) +segregation (14). Results for: +keyword: "cities" (190). Results for: +keyword: "residential segregation" (6). Results for: +keyword: "housing discrimination" (4).</b></p>
---

**Detroit Area Study, 1976–1994: A Study of Metropolitan and Neighborhood Problems (ICPSR 7906, 2852); New Homes and Poor People, 1966–1967 (ICPSR 7492); Multi-City Study of Urban Inequality, 1992–1994: [Atlanta, Boston, Detroit, and Los Angeles] (ICPSR 2535).**

*Ihlanfeldt, Keith R.; Scarfidi, Benjamin, "Black self-segregation as a cause of housing segregation: Evidence from the Multi-City Study of Urban Inequality." *Journal of Urban Economics*. Mar 2002, 51, (2), 366–390.*

**Bibliographic Description. ICPSR Study No.:** 9363 **Title:** AMERICAN HOUSING SURVEY, 1985 [UNITED STATES]; NATIONAL FILE **Principal Investigator(s):** United States Department of Commerce. Bureau of the Census. **Bibliographic Citation:** U.S. Dept. of Commerce, Bureau of the Census. AMERICAN HOUSING SURVEY, 1985: NATIONAL FILE [Computer file]. Washington DC: U.S. Dept. of Commerce, Bureau of the Census [producer], 1989. Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor].

**Summary:** Characteristics of the United States housing inventory listed in this file include the age, size, and type of living quarters, property values, and the presence of commercial establishments on the property. Additional data focus on the presence and condition of kitchen and plumbing facilities and the type and cost of utilities, as well as housing expenses, property repair or alteration, and insurance costs. Many of the same characteristics are given for housing previously occupied by recent movers. Information on age, sex, race, marital status, and income is provided for each household member, with additional data on education, Spanish origin, and household tenure for the head of household. Indicators provided for housing quality include privacy and structural condition. For neighborhood quality, indicators assess noise, crime, air quality, and the presence of abandoned structures, along with the adequacy of neighborhood services such as police protection, parks, health care, and public transportation. Supplements provide information on second homes, mobility, and energy assistance. Geographic Coverage: United States. **Time Period:** 1985. **Date(s) of Collection:** 1985. **Universe:** The sample of housing units was selected from the 1980 CENSUS OF POPULATION AND HOUSING records and updated by a sample of addresses from building permits to include new construction and conversions. **Data Type:** survey data. **Sample:** A probability sample of approximately 47,000 housing units nationwide was used. **Data Source:** personal interviews. **Access and Availability. Extent of Collection:** 1 data file. **Data Format:** LRECL. **Original ICPSR Release:** 1990–07–06.


Таким образом, западные архивы предоставляют на порядок более детальную информацию не только о самих вторичных данных, но также и о методологии проведенного исследования, об исполнителях, о текущем использовании данных и даже о публикациях, которые были сделаны на основе этих данных. Также предоставляется возможность работы с разными форматами данных, от текстовых до звуковых.

### Заключение

Таким образом, мы рассмотрели особенности применения опросных методик в исследованиях, связанных с городской проблематикой. Хотелось бы подчеркнуть, что социолог может подходить к решению задач творчески, т. е. гибко видоизменять традиционные исследовательские стратегии или создавать новые. В целом комбинация различных методик (интервью, проективные методы, визуальные методы) дает наиболее полное представление о социальных процессах в современных городах.

### Примечания

- <sup>1</sup> *Аверьянов Л.Я.* Социология: искусство задавать вопросы. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998.
- <sup>2</sup> Часть вопросов разработана в рамках исследований проектной группы «Городская стратификация: региональный аспект» в 2006–2007 гг. Участники рабочей группы: А.Е. Карпов (Новосибирск), О.К. Михеева (Донецк), А.В. Стрельникова (Москва).
- <sup>3</sup> Исследование «Социальное различие городского пространства (на примере жителей города Москвы)», проект А. Губської и Е. Озеровой (рук. А.В. Стрельникова). Время проведения 2007 г. Методы: полуструктурированное интервью, рисуночные методики. Респонденты: 41 человек в возрасте 21–50 лет, из них 15 коренных жителей, 15 приезжих, проживающих в столице более 5 лет, 11 приезжих, проживающих менее года; 17 – проживающих в центральных районах и 24 – в отдаленных районах г. Москвы.
- <sup>4</sup> *Климова С.Г.* Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология. 1995. № 5–6. С. 49–64.
- <sup>5</sup> Исследование «Образ Москвы глазами первокурсника» (метод неоконченных предложений), проект Е. Куриленко (рук. А.В. Стрельникова). Время проведения 2009 г. Респонденты: 30 человек в возрасте 17–20 лет, из них 15 коренных жителей и 15 приезжих.
- <sup>6</sup> URL: <http://www.icpsr.umich.edu> (дата обращения: 26.03.2010).



А.В. Кученкова

## МЕТОДИКА АНАЛИЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ ДСМ-МЕТОДА

В статье предлагается методика анализа электоральных предпочтений, в основе которой реализация ДСМ-метода. Рассматриваются методологические предпосылки использования этого метода. Раскрывается специфика формирования инструментария эмпирического исследования, описываются результаты анализа электоральных предпочтений студентов РГГУ.

*Ключевые слова:* электоральные предпочтения, ДСМ-метод, рациональность электоральных предпочтений, непротиворечивость мнения, согласованность мнений, идеальное мнение.

Для анализа электорального поведения населения и описания электорального пространства традиционно используются статистические показатели, полученные в ходе массовых опросов. Например, фонд «Общественное мнение» регулярно проводит измерение таких показателей, как «рейтинг доверия», «президентский рейтинг политика»<sup>1</sup>. Первый из них вычисляется как доля (в %) респондентов, которые на вопрос «*В какой мере лично Вы доверяете сегодня этому политику?*» выбирают ответы: скорее доверяю и полностью доверяю. Второй показатель – как доля (в %) респондентов, которые при ответе на вопрос «*Если бы очередные президентские выборы проводились в ближайшее воскресенье, за кого из перечисленных кандидатов Вы бы проголосовали?*» выбирают того или иного политика. Выводы делаются по соотношению этих показателей в динамике<sup>2</sup>.

Адекватность такого рода рейтингов, как и любых других, рядом авторов подвергается сомнению. Например, к ним относится П. Бурдьё<sup>3</sup>. По его мнению, рейтинги обладают серьезным недо-



статком: отвечая на один вопрос об одобрении деятельности того или иного политика, респонденту приходится делать выбор одновременно по целой совокупности проблем. Деятельность политика многоаспектна, одни ее стороны могут одобряться, а другие нет. Для того чтобы измерить отношение населения к политическому деятелю, необходимо задавать не один вопрос, а несколько, которые бы послужили эмпирическими индикаторами такого отношения. Но тогда возникает необходимость в многомерных методах анализа, одним из таковых является ДСМ-метод (названный в честь Джона Стюарта Милля), который относится к классу методов интеллектуального анализа данных.

Концептуальная модель и алгоритм метода были разработаны В.К. Финном. В их основе особый способ «обнаружения причинно-следственных зависимостей на основе правдоподобного рассуждения»<sup>4</sup>. Метод успешно апробирован в социологических исследованиях<sup>5</sup>, включая изучение электоральных предпочтений<sup>6</sup>. В последнем случае вводится ключевое понятие «рациональность электоральных предпочтений», что означает аргументированное принятие решения. В определенной мере это согласуется с концепцией рациональности М. Вебера. Рассмотрим подробнее методологические предпосылки изучения «рациональности электоральных предпочтений».

#### О понятии «рациональность электоральных предпочтений»

Рациональность понимается и как нечто разумное, не противоречащее здравому смыслу, и как стремление человека максимизировать свою выгоду, полезность своих действий. Возможны и другие трактовки. Для целей нашего исследования будем исходить из трактовки М. Вебера.

Как известно, по М. Веберу<sup>7</sup>, социология – наука, занимающаяся интерпретацией, поиском смыслов, пониманием социальной действительности. Но пониманию доступны не все факты. Понять можно только *целерациональное* поведение человека, действия, понимаемые и используемые человеком как средства достижения поставленной цели. Именно в этом случае возможно с «рациональной очевидностью» обнаружить смыслы, вкладываемые человеком в действия. Тем самым интеллектуально понимаемо только то, что логически объяснимо.

М. Вебер определяет целерациональное действие как действие, в основе которого «лежит ожидание определенного поведения

предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве “условий” или “средств” для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели»<sup>8</sup>. Большинство социальных действий нельзя отнести к этому типу. Однако они «наиболее обозримы, если изучать и изображать их в качестве “отклонений” от чисто целерационально сконструированного действия»<sup>9</sup>. Тем самым для анализа социальной действительности эффективным является метод сравнения изучаемого поведения людей с моделью целерационального поведения. Эта модель в силу своей понятности и рациональной однозначности выступает «идеальным типом». Использование такой конструкции позволяет *понять* поведение, обусловленное иррациональными компонентами как «отклонение» от сконструированного рационального. Например, Ю.Н. Давыдов отмечает, что Вебер вводил понятие рациональности как ценностно-нейтральное, т. е. быть рациональным не означает быть правильным, вершиной добра. Понятие «рациональность» используется в качестве идеального типа, мысленной конструкции, «своего рода утопии»<sup>10</sup>. М. Вебер предупреждал, чтобы «ни в коем случае не делать вывод о действительном преобладании рационального в повседневной жизни»<sup>11</sup>. Тем самым, использование понятия рациональности – методический прием, обеспечивающий понимание социального действия, пронизанного иррациональными воздействиями.

Понятия «рациональность», «рациональный выбор» используются при анализе электорального поведения, но в ряде случаев в разных смыслах. Например, А.Г. Кальченко, прилагая понятие «рациональный выбор» к поведению избирателей, говорит о «культурной составляющей цивилизованного развития любой страны»<sup>12</sup>. Он приходит к выводу о возрастающей роли иррациональных компонентов, влияющих на электоральное поведение, объясняя этот процесс «фрагментарностью российской политической культуры», «отсутствием сформировавшихся и устоявшихся групп интересов как неперемennого атрибута гражданского общества»<sup>13</sup>. Вряд ли такая трактовка правомерна, ибо она приводит к констатации иррациональности поведения респондентов, подверженных влиянию пропаганды, СМИ. Тогда вне внимания остается содержательная сторона электоральных предпочтений респондентов.

Ключевой особенностью способа изучения «рациональности», реализуемого в рамках ДМС-метода, является понимание рационального мнения как аргументированного принятия решений. Для определения степени рациональности мнений группы респондентов В.К. Финн, М.А. Михеенкова<sup>14</sup> предлагают использовать три критерия рациональности: непротиворечивость мнений, согласо-

ванность мнений, близость к «идеальному» мнению. Рассмотрим эти критерии подробнее.

Первый критерий рациональности – *непротиворечивость мнения* – на эмпирическом уровне реализуется следующим образом. В вопросник включается совокупность пар суждений, с которым респондент может согласиться или нет. В паре суждения должны быть противоположны по смыслу (каждое из них является отрицанием другого), т. е. респондент, соглашаясь с одним суждением, не должен соглашаться с другим, и наоборот. В этих случаях его мнение считается непротиворечивым, а в остальных – противоречивым.

Критерий непротиворечивости мнений можно соотнести с понятием *консистентности мнений*. Этот термин использовал Дж. Цаллер<sup>15</sup> при анализе результатов анкетирования. Он проводил серию опросов, в которых респонденты не просто отвечали на вопрос анкеты, выбирая вариант ответа, но и комментировали вслух свой ответ, описывая идеи, приходящие им в голову. Все мысли, высказанные респондентом, фиксировались. Анализ их ответов показал, что респонденты мыслили в категориях аргументов и контраргументов в пользу того или иного ответа. Задача исследователей заключалась в том, чтобы проанализировать непротиворечивость рассуждений респондентов, т. е. консистентность мнений.

Рассматриваемый критерий непротиворечивости мнений основан на понимании мнения как совокупности аргументов и контраргументов. В рамках ДСМ-метода рациональность мнений понимается как аргументированность, поэтому критерий непротиворечивости мнений является одним из показателей уровня рациональности мнения.

Непротиворечивость мнения респондента внутренним связям вопросника можно проверять независимо от темы исследования. Два других критерия рациональности сформулированы В.К. Финном и М.А. Михеенковой относительно анализа электоральных предпочтений и характеризуют уровень рациональности электората той или иной партии. Эти критерии основаны на концепции «идеальных типов» М. Вебера. В идеальной ситуации выбор той или иной партии должен быть основан на том, что человек если не полностью, то в большей степени разделяет программу, предлагаемую партией. Соответственно, если его мнение не согласуется с программой партии, за которую он голосует, его выбор не рационален. Именно на этом положении основывается анализ рациональности электоральных предпочтений. Безусловно, выбор политической партии при голосовании может определяться не содержанием программ партий, а симпатией к фигуре, возглавляющей партию, или под влиянием СМИ, преподносящих информацию выборочно

и не нейтрально, а вынося оценочные суждения. Однако рассмотрение этих аспектов не входит в круг задач при анализе рациональности мнений с помощью ДСМ-метода.

Второй критерий рациональности – *согласованность мнений* респондентов. В его основе идея о том, что сторонники определенной партии, а значит, определенной идеологии должны обладать схожими мнениями. Тем самым этот критерий отражает, насколько подобны мнения респондентов, поддерживающих одну и ту же партию.

Третий критерий – *близость к «идеальному» мнению*. При анализе электоральных предпочтений под «идеальным» мнением сторонника определенной партии понимается мнение, полностью совпадающее с программой этой партии. Критерий близости к «идеальному мнению» показывает, насколько мнения электората партии отличаются от программы данной партии.

По каждому критерию вычисляется показатель (коэффициент), изменяющийся от 0 до 1, близость которого к нулю интерпретируется как указание на низкую степень рациональности мнений (мнения большинства респондентов противоречивы, несогласованны, далеки от «идеального» мнения). Значение близкое к единице означает высокую степень рациональности мнений (в этом случае мнения большинства респондентов непротиворечивы, согласованны, близки к «идеальному» мнению). На основе этих показателей определяются три соотношения: непротиворечивых мнений к общему количеству мнений, согласованных мнений к общему количеству мнений, близких к «идеальному» мнений к общему количеству мнений. Эти показатели рассчитываются для электоратов каждой партии, определяя уровень его рациональности. На основе значений вычисленных показателей по трем критериям рациональности электораты партий могут быть расположены друг относительно друга по уровню рациональности: от наиболее высокого к наименее высокому. Результатом такого анализа является упорядочивание электоратов партий по уровню рациональности их мнений.

Опираясь на введенные критерии, нами было проведено исследование по изучению рациональности электоральных предпочтений студентов РГГУ. Опрос<sup>16</sup> был проведен накануне выборов в Государственную Думу, которые состоялись 2 декабря 2007 г. В нем приняли участие студенты 4–5-го курсов факультетов (философии, историко-филологический, журналистики, документоведения, социологический, информатики, защиты информации, архивного дела, истории и политологии), институтов (психологии, лингвистики). Выборка составила 267 человек. Метод сбора информации – опрос по жестко формализованной анкете.

Остановимся подробнее на инструментарии исследования и его результатах.

### Логика формирования инструментария и результаты исследования

Организация и проведение исследования по изучению электоральных предпочтений потребовали разработки специального инструментария. Вопросник содержал два основных блока, включающих вопросы, предназначенные для описания характеристик респондентов, и вопросы, позволяющие описать мнения респондентов.

*В первый блок* (согласно условиям применимости ДСМ-метода<sup>17</sup>) были включены вопросы, позволяющие определить уровни политической активности, интереса к политике, политической информированности; биографические данные (образование родителей, место проживания, семейное положение, занятость на работе, экономический статус); социально-демографические характеристики (возраст, пол, национальность, факультет, курс, форма обучения); психологические черты (авторитарное подчинение и авторитарная агрессия)<sup>18</sup>.

*Второй блок* включал вопросы, позволяющие описать мнение респондентов о ключевых направлениях политики в сфере образования, пенсионного обеспечения и других. Эти вопросы были представлены в виде суждений, с которыми респондент мог согласиться или нет. Так как предметом изучения выступали политические предпочтения респондентов накануне выборов в Государственную Думу в декабре 2007 г., то для формулирования суждений опирались на программы 8 партий, принимающих участие в выборах: «Единая Россия», КПРФ, «Патриоты России», «Справедливая Россия», ЛДПР, «Яблоко», СПС, «Гражданская сила». На основе анализа их содержания было выделено 9 тем, отраженных во всех программах: частная собственность, СМИ, приватизация, направленность внешней политики, степень участия государства в экономике, административно-территориальное устройство РФ (самостоятельность регионов), пенсионное обеспечение, тип комплектования армии, двухуровневая система высшего образования, прогрессивное налогообложение, поддержка массового предпринимательства.

По каждой теме было сформулировано 2 (иногда 3) противоположных по смыслу суждения, характеризующих позиции партий по отношению к этим темам. Например, по теме «приватизация» было сформулировано два утверждения: 1. Приватизацию 1990-х следует признать законной. 2. Следует пересмотреть итоги приватизации. Первая позиция явно обозначена в программе партии

«Яблоко», вторая – в программах КПРФ, «Патриоты России». По всем темам было сформулировано 21 суждение.

Для третьего показателя рациональности электоральных предпочтений было определено «идеальное мнение» сторонника каждой партии: оно отражало позицию партии по различным темам. Например, «идеальным» мнением сторонника КПРФ считалось согласие со следующими утверждениями: «Государственная собственность должна преобладать над частной», «СМИ должны находиться под контролем государства», «Необходимо пересмотреть итоги приватизации и передать незаконно приватизированную собственность народу и государству», «Необходимо восстановить добровольный союз братских народов, входивших в состав СССР», «Пенсионное обеспечение должно полностью взять на себя государство». В идеале приверженец «левой» идеологии, сторонник партии КПРФ должен быть согласен с программой партии. Его мнение должно совпадать с позицией партии, которую он поддерживает.

Обратимся к результатам анализа данных. Прежде всего, рассмотрим эмпирические закономерности, полученные традиционным для анализа электоральных предпочтений способом<sup>19</sup>. В первую очередь обращает на себя внимание низкий уровень политической активности молодежи. Это выражается в невысокой заинтересованности студентов в политических событиях. Только пятая часть опрошенных регулярно следит за событиями в политической сфере. Например, 20% респондентов часто и 36% время от времени читают публикации в СМИ, посвященные этой сфере общественной деятельности. 16,5% часто и 39% время от времени смотрят телевизионные передачи, посвященные политике.

О невысоком уровне интереса студентов к политике свидетельствует и то, что с родителями и родственниками события, происходящие в политической жизни страны, обсуждают 31% респондентов, с друзьями – 23%. Практически половина респондентов обсуждают эти темы изредка в кругу родных (47%), друзей (48%).

Несмотря на отсутствие у большинства студентов явного интереса к политике, почти половина опрошенных (45%) смогли указать фамилию спикера Государственной Думы Грызлова. В то же время 47% затруднились ответить. Возникло и несколько альтернативных версий. Например, 4% опрошенных назвали фамилию Миронова (на тот момент он возглавлял верхнюю палату Федерального Собрания – Совет Федерации), встречались варианты: Селезнев, Зубков, Жириновский.

В отличие от участия в митингах, демонстрациях, голосование на выборах главы государства или выборов состава законодательного органа страны преподносится в СМИ как гражданский долг

каждого человека. Это связано с тем, что именно механизм всеобщих равных выборов обеспечивает возможность людям высказать свое мнение. По результатам опроса половина респондентов (52%) принимали ранее участие в выборах, 20% не смогли этого сделать, так как не достигли требуемого возраста, треть опрошенных (28%) не принимали прежде участия в выборах по другим причинам. Опрос проводился накануне выборов в Государственную Думу в декабре 2007 г. И свое намерение принять в них участие подтвердили чуть более половины опрошенных (54%). Не собирались голосовать треть опрошенных (31%).

Далеко не все респонденты на предвыборной неделе определились точно с тем, за какую партию отдать свой голос. 42% респондентов вообще не ответили на этот вопрос (следует помнить, что треть опрошенных и не собиралась идти на выборы). 19% студентов пребывали в раздумьях и еще не решили, за кого проголосуют. При этом 4,5% заявили, что намерены голосовать против всех, несмотря на то, что эта графа была отменена. Этот ответ можно рассматривать как акт выражения протестного настроения. Таким образом, около двух третей опрошенных не высказали своих предпочтений в пользу той или иной партии.

Позиции тех, кто намеревался принять участие в выборах, распределились следующим образом: большинство (пятая часть опрошенных) собирались голосовать за «Единую Россию», в два раза меньше опрошенных – за «Яблоко» и СПС. Менее популярными и привлекательными оказались партии ЛДПР, КПРФ, «Гражданская сила», «Справедливая Россия», «Аграрная партия России». «Демократическая партия России» и партия «Зеленых» набрали меньше 1% голосов (табл. 1).

При ответе на вопрос, за какую партию они не стали бы голосовать ни при каких условиях, респонденты проявили себя более активно. Только около четверти опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос или не ответили ничего. Возможно, это связано с недоверием к власти, к процедуре выборов, к политическим деятелям, вызывающим желание выразить свое недовольство в адрес той или иной партии. По рейтингу «антипопулярности» первые места заняли «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, СПС (табл. 1).

Перейдем к рассмотрению результатов анализа рациональности электоральных предпочтений по алгоритму ДСМ-метода. Коэффициенты близости к «идеальному» мнению и согласованности мнений представлены в табл. 2. В ней представлены результаты, полученные не только в 2007 г., но и в 2003 г. (по данным аналогичного опроса, проведенного в 2003 г. накануне выборов в Государственную Думу; в опросе принимали участие студенты РГГУ).

Таблица 1

Распределение ответов на вопросы «За какую партию Вы будете голосовать?», «За какую партию Вы бы не стали голосовать ни при каких условиях?» (в %)

Варианты ответа	За какую партию Вы будете голосовать?		За какую партию Вы бы не стали голосовать ни при каких условиях? (все студенты)
	собирающиеся принять участие в выборах	все студенты	
1. «Единая Россия»	20,4	11,6	33,3
2. «Яблоко»	10,9	6,4	1,1
3. СПС»	9,5	5,2	2,6
4. ЛДПР	6,1	3,4	10,5
5. КПРФ	4,8	2,6	21,7
6. «Гражданская сила»	2,7	1,5	0
7. «Справедливая Россия»	2,7	1,5	1,5
8. «Аграрная партия России»	2	1,1	0,7
9. «Демократическая партия зеленых»	0,7	0,4	0,7
10. «Зеленые»	0,7	0,4	0,4
11. Против всех	8,2	4,5	0,4
12. Не решил(а)	15,6	19,1	7,9
13. Нет ответа	15,6	42,3	18,7
Всего	100	100	100

По критерию близости к «идеальному» мнению наиболее рациональным оказался электорат «правых» партий: СПС, «Гражданская сила». А наименее у «Единой России», «Справедливой России». Это может быть связано с тем, что, например, «Единая Россия» позиционирует себя как центристскую партию, провозглашая, что следует курсу, заявленному В.В. Путиным. В результате их программу нельзя определить как однозначно «правую» или «левую». Это приводит к тому, что электорат данной партии оказывается очень разнородным по своим взглядам на различные общественные проблемы, и представления людей не во всем согласуются с провозглашаемой программой партии.

По степени согласованности мнений электораты партий очень близки. Наибольшее значение этого показателя у электората СПС,



Таблица 2

Степени рациональности мнений электоратов партий по двум критериям

Партии	Показатели рациональности в 2003 г. и 2007 г.			
	Близость к «идеальному мнению»		Степень согласованности мнений	
	2007	2003	2007	2003
СПС	0,67	0,57	0,56	0,59
«Яблоко»	0,41	0,53	0,45	0,47
«Гражданская сила»	0,57	–	0,45	–
ЛДПР	0,50	0,35	0,44	0,33
«Единая Россия»	0,40	0,68	0,41	0,635
КПРФ	0,43	0,7	0,35	0,54
«Справедливая Россия»	0,33	–	0,33	–
«Народная партия»	–	0,23	–	0,24

наименьшее у «Единой России» и КПРФ. Невысокое значение этого коэффициента свидетельствует о разнородности представлений электората партии.

В ноябре 2007 г. накануне выборов в Государственную Думу наиболее рациональным оказался электорат партий СПС, «Гражданская сила», «Яблоко», а наименее – «Справедливая Россия», «Единая Россия», КПРФ (рис. 1). Таким образом, мнение респондентов, поддерживающих «правые» партии, в большей степени согласуется с программами данных партий, а также наиболее согласованны между собой.

Как видно из приведенных таблицы и рисунков, по сравнению с результатами опроса<sup>20</sup>, проводимого накануне выборов в Государственную Думу в ноябре 2003 г., коэффициенты рациональности мнений изменились в разной степени для сторонников различных партий. Коэффициенты близости к «идеальному» мнению и степени согласованности мнений незначительно снизились у электората партий СПС и «Яблоко». В то время как степень рациональности электората партий по двум критериям (близость к «идеальному» мнению, степень согласованности мнений) снизилась в полтора раза у партий «Единая Россия» и КПРФ. В результате они переместились с первых позиций в 2003 г. на последние в 2007 г. Мнения электората партий «Единая Россия», КПРФ в ноябре 2007 г. были менее близки к программам данных партий и менее согласованны между собой, чем в ноябре 2003 г. Это может свидетельствовать о том, что в электорате этих партий возросла доля тех,

А.В. Кученкова

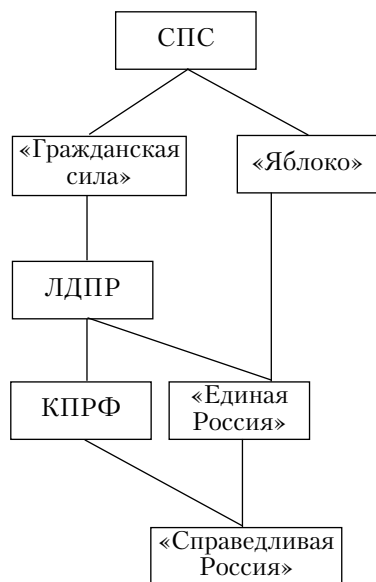


Рис. 1. Рациональность электората партий по двум критериям (декабрь 2007 г.)

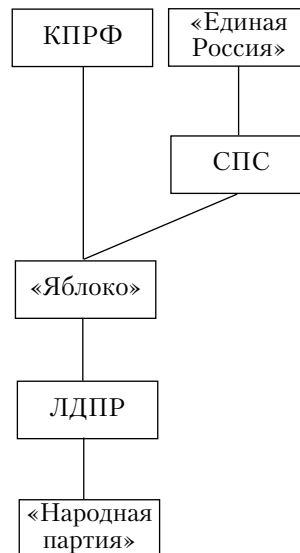


Рис. 2. Рациональность электората партий по двум критериям (декабрь 2003 г.)

кто отдает за них свой голос не по идеологическим, а иным соображениям.

Для рассмотрения рациональности мнений по критерию непротиворечивости были проанализированы смысловые взаимосвязи между ответами на вопросы в форме суждений. Например, если респондент соглашается с утверждением «СМИ должны находиться под контролем государства», то он должен не согласиться с утверждением «СМИ должны быть полностью независимы от государства в реализации свободы слова».

В табл. 3 представлены значения показателя непротиворечивости мнений (нулевое значение соответствует высшему уровню противоречивости). Он оказался небольшим у электората большинства партий и в 2003 г., и в 2007 г.

Таблица 3

Значения показателя степени непротиворечивости мнений

Партии	Степень непротиворечивости мнений	
	Декабрь 2007 г.	Декабрь 2003 г.
СПС	0,07	0,22
«Яблоко»	0	0,19
«Гражданская сила»	0	–
ЛДПР	0	0,20
«Единая Россия»	0,03	0,09
КПРФ	0	0
«Справедливая Россия»	0	–
«Народная Партия»		0

Сопоставление значений показателя степени непротиворечивости мнений по годам представляется не вполне корректным, так как опросы проводились на основе разных вопросников и связи между суждениями формулировались различным образом. Значения этого показателя в большей степени зависят от использованного инструментария в отличие от показателей близости к «идеальному» мнению и согласованности мнений.

Низкие значения показателя непротиворечивости мнений могут быть связаны также с тем, что логические зависимости между ответами на вопросы были заданы слишком «жестко», формально строго. Для опроса 2007 г. было выделено 24 такие зависимости, и если ответы респондента противоречили хотя бы одной из них, мнение в целом считалось противоречивым.

Количество противоречивых ответов по тем или иным темам связано с их содержанием. В табл. 4 приведены значения показателя непротиворечивости по 11 темам – смысловым блокам. Например, респонденты дали более противоречивые ответы по вопросам, касающимся пенсионного обеспечения, внешней политики, устройства государства. Это могло быть связано с тем, что респонденты не понимали сути вопросов. Например, в случае с пенсионным обеспечением. Следует учитывать, что опрашивались студенты, многие из которых еще не работают (только 34% имеют доход от постоянной работы). Для них вопрос о пенсионном обеспечении не актуален, что и могло вызвать наибольшее количество противоречивых ответов по этой теме.

## Непротиворечивость мнений по темам

	Смысловые блоки	Число противоречивых мнений
1.	Пенсионное обеспечение	21
2.	Отношения с СНГ	19
3.	Направление внешней политики	14
4.	Федерализм – унитарное государство	11
5.	Болонский процесс	10
6.	Военная служба	9
7.	Итоги приватизации	7
8.	Поддержка предпринимательства – преобладание государственной собственности	5
9.	Естественные монополии	5
10.	Контроль государства над СМИ	3
11.	Частная собственность	1

К вопросам, вызвавшим затруднения опрошенных, относятся следующие: о внешней политике государства, об устройстве государства, обращающиеся к таким понятиям, как федерализм, унитарное государство. Противоречия в ответах были вызваны, скорее всего, сложностью тем и невключенностью студентов в некоторые сферы общества, такие как пенсионное обеспечение.

Пары вопросов по смысловым блокам «частная собственность», «контроль государства над СМИ», «естественные монополии», «итоги приватизации» были сформулированы как взаимоисключающие и располагались в инструментарии «недалеко» друг от друга, поэтому по ним встретилось наименьшее количество противоречивых ответов. К тому же такие вопросы, как военная служба, цензура СМИ со стороны государства, Болонский процесс, часто открыто обсуждаются по телевидению, в печати. Эти темы оказываются актуальными и для студентов, так как непосредственно касаются их жизнедеятельности, это темы, с которыми им приходится сталкиваться в повседневной жизни, в отличие, например, от вопросов про устройство государства, внешнюю политику. Как было отмечено выше, результаты исследования свидетельствуют о низком уровне политической активности молодежи. Кроме этого, это подтверждается и низкой заинтересованностью в телепередачах и

публикациях в СМИ, посвященных политике. Немногие респонденты обсуждают эти темы со своим окружением: родственниками или друзьями.

В ходе анализа рациональности мнений по результатам опроса, проведенного в ноябре 2007 г., выяснилось, что наиболее близки представления респондентов к программам политических партий и наиболее согласованны между собой у электоратов «правых» партий. В этом случае и по критерию непротиворечивости мнений были получены низкие показатели.

### Выводы

Изучение электоральных предпочтений возможно с использованием различных методов анализа. Наиболее часто используемые – это методы дескриптивной статистики (построение одномерных и двумерных распределений), формирование индексов и рейтингов фиксируют «поверхностный срез» мнений и настроений респондентов. Для более глубокого их изучения целесообразно использовать многомерные методы, к числу которых относится и ДСМ-метод. Этот логико-комбинаторный метод в сочетании с традиционными способами анализа электоральных предпочтений может занять свою нишу в арсенале средств познавательной деятельности социолога для анализа не только электоральных предпочтений.

### Примечания

- 1 См.: *Лапкин В.В.* Опыт количественного описания трансформаций электорального пространства России в электоральном цикле 1999–2000 гг. // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2000. № 6.
- 2 См., напр.: *Лапкин В.В.* Указ. соч.
- 3 См.: *Бурдые П.* Общественное мнение не существует. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 159–179.
- 4 *Данилова Е.Н., Михеенкова М.А., Климова С.Г.* Возможности применения логико-комбинаторных методов для анализа социальной информации // Социология. М. 1999. № 1.
- 5 См.: *Данилова Е.Н., Михеенкова М.А., Московский С.С., Финн В.К.* Об одной модели детерминации социального поведения // Интеллектуальные системы и общество. М.: РГГУ, 2000. С. 263–272.
- 6 *Бурковская Ж.И., Михеенкова М.А., Финн В.К.* О логических принципах анализа электорального поведения // НТИ. Сер. 2. 2004. № 8. С. 18–22.

А.В. Кученкова

- 7 *Давыдов Ю.Н.* «Картина мира» и типы рациональности // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. С. 621.
- 8 *Вебер М.* Основные социологические понятия // Там же. С. 454.
- 9 *Вебер М.* Указ. соч. С. 455.
- 10 *Давыдов Ю.Н.* М. Вебер и проблема интерпретации рациональности // Вопросы социологии. 1996. Вып. 6. С. 71–77.
- 11 *Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. С. 457.
- 12 *Кальченко А.Г.* О некоторых подходах к анализу электорального поведения: проблема рационализации выбора // Вызовы современности и философия: Материалы «круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО / Под общ. ред. И.И. Ивановой. Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский университет, 2004. С. 244–252.
- 13 *Кальченко А.Г.* Указ. соч.
- 14 *Бурковская Ж.И., Михеенкова М.А., Финн В.К.* О логических принципах анализа электорального поведения // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2004. № 8. С.18–22.
- 15 *Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». М., 2004.
- 16 Авторское исследование «Электоральные предпочтения студентов РГГУ». Руководитель – канд. соц. наук, доц. А.В. Стрельникова. Анкетный опрос студентов 4–5 курсов. Число участников опроса – 267 респондентов, ноябрь 2007 г.
- 17 *Финн В.К., Михеенкова М.А.* О логических средствах концептуализации анализа мнений // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2002. № 6. С. 4–22.
- 18 Психологические характеристики были выбраны на основе концепции «авторитарной личности» Адорно. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности / Под общ. ред. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001.
- 19 См., напр.: *Левада Ю.* Парадоксы и смыслы «рейтингов». Попытка понимания // Вестник общественного мнения. 2005. № 4 (78); Социология власти.
- 20 Исследование «Электоральные предпочтения студентов РГГУ». Руководитель – Р.И. Анисимов. Анкетный опрос студентов 4–5 курсов, ноябрь 2003 г.

Е.В. Гадарь

## СОБЫТИЙНАЯ СТРУКТУРА ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Данная статья посвящена анализу моделей восприятия ключевых событий в биографиях представителей разных поколений. Автор анализирует различные теоретико-методологические подходы к изучению событийной структуры памяти поколений и делает попытку сравнить модели восприятия значимых событий жизни у представителей разных поколений. Автор подчеркивает, что при анализе событийной структуры памяти различных поколений необходимо учитывать ряд факторов, в частности возможное влияние ближайшего окружения.

*Ключевые слова:* биографический метод, события жизни, межпоколенческие отношения, поколение, память.

Проблемы межпоколенческих отношений всегда занимали приоритетное место в гуманитарных исследованиях. Анализ жизненных историй представителей разных поколений позволяет взглянуть другими глазами на многие общественно-политические события. Не менее важным является и микроуровень переживаний различных событий каждым человеком. Сегодняшняя ситуация в России дает большие возможности для исследования данной проблемы. Ценности, которыми жило советское поколение, сейчас «...утратили свой смысл и практическое значение, и ... не могут быть унаследованы “детьми”, поскольку не пригодны им ни для настоящей, ни для будущей жизни»<sup>1</sup>.

В структуре воспоминаний людей существуют разные точки отсчета, от которых выстраивается картина жизни. При этом у представителей разных поколений существуют различия в социальном опыте, в окружении и, следовательно, различия в описаниях воспоминаний, что влияет на восприятие социальной реальности, а так-

Е.В. Гадарь

же на отношения между различными поколениями. То есть в некоторых случаях оно провоцирует конфликты либо служит для поддержания хороших отношений.

На сегодняшний день существует массивная теоретическая база по данной проблеме. Можно выделить работы таких авторов, как Н.Н. Козлова, В.Б. Голофаст, В.В. Семенова, Б. Дубин, Ю. Левада, П. Рикер, П. Нора. В данной статье мы рассмотрим событийную структуру памяти у представителей разных поколений: «молодых» (респонденты в возрасте от 17 до 30 лет) и «старших» (респонденты в возрасте от 60 до 75 лет).

Нашей целью является анализ моделей восприятия и выявление ключевых событий в биографиях представителей разных поколений. Нам важно понять, почему респондент описывает определенное событие, почему именно оно несет для него особую ценность и как это связано с его жизненными позициями и отношением к жизненным принципам своего и других поколений.

В основу нашего исследования легло авторское исследование 2006–2008 гг. (24 интервью с представителями разных возрастных групп, анализ личных документов и рукописей), а также вторичный анализ материалов исследования Н.Н. Козловой «Сцены из частной жизни периода “застоя”: семейная переписка» (1999 г.), материалов проекта «Народный архив»: семейная переписка 1970–1980 гг. (1200 писем, открыток, телеграмм с 1972 по 1990 г.)<sup>2</sup>.

### Форма и структура воспоминаний у представителей разных поколений

Достаточно интересным оказался тот факт, что большая часть респондентов самое яркое событие своей жизни связывает с путешествиями, переездами, сменой обстановки и т. п. Это относится как к представителям младшего поколения, так и к представителям старшего. И те и другие обязательно упоминают о событиях такого рода как об одних из самых интересных, ярких и запоминающихся. Также важно, что нередко самые яркие воспоминания респонденты связывают с личными отношениями: *«ну, наверное, когда мы с моей женой в Египте валялись ночью на берегу моря, прямо на песке, смотрели в небо, пили из красивых бокалов шампанское, вокруг больше никого не было...»* (муж., 24 г.). На структурирование памяти оказывает влияние и окружающая обстановка, от которой зависит яркость эмоций респондента на момент описываемого события. Если обстановка меняется и является непостоянной для респондента, то это только усиливает его впечатления о пережитом.



Но важно отметить, что описываются путешествия представителями старшего и младшего поколений по-разному. У представителей младшего поколения путешествия ассоциируются с общением с друзьями, весельем, спортом, клубами, новыми ощущениями и т. п. Представители же старшего поколения, напротив, видят в путешествиях отдых, достопримечательности, а главное, что они отмечают: путешествия для них – это поддержка и внимание их детей, так как в основном именно дети отправляют их на отдых. Путешествие для представителей старшего поколения – некий символ заботы и любви их детей, некий знак, указывающий на их близкие отношения с детьми, способ показать, что они почитаются в семье и пользуются уважением.

Под влиянием окружения и в силу определенного возраста у представителей разных поколений формируется специфический ритм жизни, из чего вытекают различия в форме и структуре воспоминаний. И если для одних приоритетное значение в досуге имеет общение с друзьями (в том числе через Интернет) и шумные вечеринки, то другие живут воспоминаниями об ушедшем, вновь и вновь восстанавливая события в своей памяти. Представители старшего поколения пытаются приспособиться к нынешнему укладу, но им тяжело принимать современные тенденции и идти в ногу со временем, и выходом для них оказывается ограничение досуговых практик, уменьшение социальной активности и размеренный образ жизни.

#### Ключевые события в биографиях в контексте изменения социальных ролей

Важно понимать, что социальные роли, исполняемые на том или ином этапе жизни, имеют огромное значение в отдаче приоритетов тем или иным пережитым событиям. Другими словами, респондент, «играющий роль» бабушки, уделяет внимание своим детям и внукам, а респондент, играющий роль дочери, непременно отводит в своих воспоминаниях место для родителей: *«Ну вот например недавно у меня был День рождения, 19 апреля, и у меня как раз 18 приехала мама. Естественно мне хотелось с мамой провести День рождения... Вот и я считаю, что всё-таки такие ну праздники как Дни рождения, Новый год – это семейные вечера»* (жен., 21 г.) (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация респондентов. – Авт.). Что касается представителей старшего поколения, то в их повествовании постоянно уделяется внимание детям, внукам и семье: *«Конечно, на первом месте – моя дочь и мои внуки. Старшая внуч-*

Е.В. Гадарь

*ка вышла замуж, но учится ещё в университете, скоро закончит – через год. Младшая – в колледже учится второй год, дочка работает. Работает с утра до позднего вечера»* (жен., 71 г.). В контексте изменения социальных ролей в течение жизни меняются и воспоминания, меняется отношение к тем или иным событиям. Следовательно, на смену одним ключевым событиям приходят другие, и отношение к участникам этих событий тоже меняется.

Относительно же представителей старшего поколения можно отметить, что наибольшую ценность для них, судя по эмоциональным состояниям, которые изменялись в ходе интервью, представляют семья и отношения в ней. Большую роль также играет внимание, уделяемое членами семьи респондентам старшего поколения: *«...с дочкой прекрасные теплые отношения...ходим друг к другу в гости постоянно, по телефону общаемся, помогаем друг другу, в магазин часто ходим вместе, моя дочка заботится обо мне...»* (жен., 71 г.). На наш взгляд, это связано с разными жизненными ценностями респондентов и их различным социальным опытом. У представителей разных возрастных групп мы видим подробнейшие описания мелочей, но, по сути, эти мелочи существенно различаются и по-своему важны для представителей разных поколений.

#### Специфика поколенческих различий в социальном опыте, полученном в молодости

На наш взгляд, разница в социальном опыте у представителей разных поколений очевидна, и тому есть масса примеров. Надо начать с того, что у представителей разных поколений совершенно разные статусы и социальные роли. Соответственно, существует разница и в социальном опыте, о чем говорят и истории жизней, которые мы получили, задавая респондентам вопрос об их жизненном пути, и окружение, которое изменялось в течение их жизни. Таким образом, нынешняя молодежь и представители старшего поколения, будучи в «молодежном» (17–30 лет) возрасте, имеют различный социальный опыт, а следовательно, и воспоминания. Если для сегодняшней молодежи яркими являются те воспоминания, в которых мы наблюдаем наличие друзей, вечеринок, алкоголя и клубов, то для молодежи времен 1960-х годов веселье представлялось совсем иначе. Одна из респонденток описала картину жизни своей семьи и близких ей людей в 1960-е годы. Во времена, о которых она повествует, она проживала в Краснодаре и, позже, Майкопе. В те времена ей было около 20 лет, в ее жизни начинался новый этап, она получает образование, выходит замуж. В ее рассказе раскрыва-

ются особенности сосуществования разных поколений и отношений между ними, а именно отношения «отцов и детей», которые были очень теплыми.

Через ее рассказ мы можем проанализировать не только ее жизнь в этот период, но также и жизнь ее семьи, члены которой спешили домой, чтобы провести время с близкими: *«Работали родители дотемна, а после работы бабушка и мама плели кружева, вышивали, что-то перекрашивали, перешивали. Я по их просьбе читала вслух “Угрюм-реку” Шишкова, “Казачков” Толстого, “Графа Монте-Кристо” и другие книги. Системы не было, читали все и постоянно. Делились книгами самыми разными, давали друг другу почитать на одну – две ночи. “Евгения Онегина” я по собственному почину учила наизусть просто потому, что завораживали стихи. Толстого читали всем классом, но в “Войне и мире” частенько пропустили “войну”, а уж “мир” читали самым внимательным образом. Зачитывались Чеховым, Достоевским, Диккенсом, а чуть позже Джек Лондон, Хемингуэй», «...в нашей семье много музицировали. Старшая сестра прекрасно играла на филармонии и на аккордеоне, мама – на гитаре, а два моих дядюшки – на всех струнных и клавишных инструментах. В праздничные дни собирались у нас в квартире все родственники, заходили соседи, пели романсы, танцевали под патефонные пластинки. На майские праздники выезжали на мавки в лес взрослые и дети в автобусах» (жен., 73 г.).* Благодаря этому рассказу мы можем увидеть, какие настроения и эмоции были характерны людям того времени. Шестидесятнику – все по плечу, за что бы он ни взялся – во всем гениален: в живописи, скульптуре, литературе, философии. В живописных полотнах, в фильмах и песнях дует вольный ветер, развеваются платки, волосы и юбки – весело шагающих, сбегаящих с лестниц и избегающих по ним, просто бегущих, поднимающихся на кранах, плывущих на пароходах по рекам и морям, мчащихся на поездах и в грузовиках комсомолок; мелькают версты, полустанки, перелески, гудят поезда, пароходы, клаксоны автомобилей, от пароводных и паровозных труб вздымаются дымы. Мускулистые, чубастые и вихрастые загорелые парни всех национальностей страны в заношенных гимнастерках, майках, телогрейках пилят, строгают, пашут, кладут кирпичи, водят самосвалы и экскаваторы, сплавляют лес, пасут табуны оленей и колхозные стада, плещутся в реках, протекающих через субконтинент СССР, в омывающих его морях, спят вповалку в теплушках, палатках, стогах, пляшут на комсомольских свадьбах и новосельях, веселятся на презентациях новых промышленных объектов<sup>3</sup>.

В 1960-е формируется особое в советской истории поколение. Преимущественно это люди, не захваченные войной, т. е. родивши-

еся в конце 20 – начале 40-х годов, именно поэтому нам интересен респондент данной возрастной категории (жен., 73 г.). В связи с осуществлением в стране перевода рабочих и служащих на 7-и 6-часовой рабочий день, с постепенным переходом с 1964 г. на 5-дневную рабочую неделю, т. е. с установлением двух выходных дней в неделю, советские люди получают больше времени для культурного отдыха. Упомянутый нарратив напрямую связан с институтом досуга и проблематикой досуговых практик и позволяет нам увидеть настроения 60-х годов, которые очень ярко выражены в рассказе. Возможно, это связано с тем, что поколение 60-х – «именное» поколение, т. е. поколение «свидетелей» некоего перелома, срыва некоторых рутинных механизмов социального порядка, систем его поддержания и воспроизводства – и социальных, и культурных<sup>4</sup>. Ее рассказ пропитан духом активности, энтузиазма и перемен: *«Жгли костры и устраивали пляски вокруг», «Жизнь была ключом», «В нашей семье много музицировали», «...мы организовали литературные вечера. Поручали всем участникам по очереди изучать творчество поэтов и просвещать остальных. Старались узнать побольше о тех поэтах, которых не печатали... кто-то привозил запрещенные книги из заграницы, стихи переписывали и передавали друг другу»* (жен., 73 г.).

В описываемый период формируется первое в советской истории поколение, свободное от массового страха. Это так называемое поколение «дважды рожденных» личностей<sup>5</sup>. Речь здесь идет о людях, которые в зрелом возрасте обращаются к новой системе мировосприятия, т. е. заново переживают процесс аккультурации. Ю. Левада пишет, что в российском XX в. таких переломов было два: после 1917 г. и в 60-х годах<sup>6</sup>. Весь рассказ пронизан демонстрацией попыток как-то повлиять на возвращение страны в утраченное цивилизационное русло: *«...мы после занятий спешили домой, учили уроки, а вечером – все на волейбольную площадку и до темна», «В городе было два “главных” кинотеатра – “Гигант” и “Ударник” и не было ни одного нового фильма, который бы мы не смотрели: “Два бойца”, “Сердца четырех”, “Близнецы”, “Георгий Саакадзе” и многие другие»* (жен., 73 г.) – в 50–60-е годы отечественное кино переживало новый этап своего развития (распространилось цветное кино).

После XX съезда КПСС началось оживление культуры. Увидели свет роман В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым», поэма А.Т. Твардовского «Теркин на том свете», повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Атмосферу тех лет назвали «оттепелью». Общество пыталось освободиться от прежней покорности и страха перед властью. Поэты-барды – Александр Галич, Владимир Высоцкий, Булат Окуджава и другие соединили стихи с

музыкой, их голоса стали звучать в домах постоянно, несмотря на все несовершенство советских магнитофонов. Тысячи людей, и прежде всего молодежь, были захвачены этой новой поэтической волной: «...увлекались пением стихов под гитару, переписывали на магнитофоны и пели все, не всегда зная, кто автор. Позднее то же произошло и с В. Высоцким. И как мы мечтали попасть в Политехнический на встречи с поэтами! Это было массовое увлечение поэзией, все знали имена поэтов и зачитывались стихами» (жен., 73 г.). Мы видим мечты молодежи 60-х: это не мечты о карьере, не мечты о семье, это мечты о... встречах с поэтами.

Таким образом, отдельные, индивидуальные мотивации с течением времени складываются в некую структуру событий, важность которых индивид считает бесспорной. Согласимся с мнением С.Ю. Неклюдова: «С близкого расстояния индивидуальные мотивации, случайные обстоятельства обуславливают ...неповторимые конфигурации каждого момента реальной жизни и драмы человеческих характеров... однако на некотором отдалении, по прошествии времени в них обнажается то, что можно назвать “центральной идеей” или “основной траекторией”»<sup>7</sup>.

#### Документальные свидетельства о прошлом: фотография как субститут значимых людей и событий

Классификации, которым подвергают фотографию, носят по сути эмпирический характер (профессиональное фото / любительское фото), риторический (фото пейзажей, натюрморты, портреты, нагая натура) или эстетический (реалистическая фотография / художественная фотография), во всех случаях внешний своему предмету, не имеющий отношения к его сущности, которая является не чем иным, как тем «новым, которое пришло вместе с ней»<sup>8</sup>. «Новое» – это тот смысл, который вкладывает в фото человек, разглядывающий его, т. е. spectator. «Новое» – это те чувства и эмоции, которые фотография дает поверх изображения, это то, что скрыто за ее границами, то сокровенное для spectator'a, что не будет видно никому больше, кроме него самого. Человеку очень важно иметь материальное воплощение своих чувств и переживаний, этим материальным воплощением и становятся фотографии, памятные подарки, сувениры, предметы интерьера, которыми человек населяет свою квартиру и которые напоминают ему о близких людях и радостных моментах в жизни.

Анализируя нарративы о фотографиях, нам хотелось бы раскрыть следующие функции фотографии:

Е.В. Гадарь

– фотография как документальное свидетельство (фото является своего рода документом, подтверждающим то, что событие действительно имело место в жизни человека);

– фотография как рычаг, потянув за который можно пережить представленное на фото событие вновь (фотография позволяет испытать те же эмоции, чувства, погрузиться во время, которое изображает фотография);

– фотография как «заменитель людей» (фотография позволяет в любой момент оживить в памяти черты человека).

Для анализа мы выбрали нарративы Л. Г., пенсионерки 1927 г.р., у которой хранится внушительное количество семейных альбомов и фотографий. Некоторые фотографии совсем новые, а некоторым около ста лет. Несколько фотоснимков Л. Г. держит на прикроватном столике и регулярно их пересматривает.

Для Л. Г. бартовское Новое, хотя уже и пережитое, заключается всего в трех фотографиях. Эти фотографии она выбрала как самые яркие, самые волнующие ее душу. Волнение ее от того, что из всех присутствующих на фотографиях она одна осталась в живых, и, глядя на родные лица, она радуется и вспоминает тепло детства, тепло близких ей людей. Сейчас Л. Г. 71 год, а на одной из фотографий ей всего 4. Фотография умеет до бесконечности воспроизводить тот миг, который имел место всего однажды. Фотографии Л. Г. являют собой случайность, сингулярность, которую с их помощью можно пережить вновь. Для Л. Г. это выход, это побег от одиночества, это возможность повидаться с родными людьми. Фотографии, выбранные Л. Г., удостоверяют то, что видимое ею действительно было. То, что она видит на фотографиях, является для нее реальностью в ее прошлом состоянии, одновременно прошлой и действительной. Фотография – это само утверждение подлинности.

Л. Г. одновременно является *spectator*'ом и *spectrum*'ом (зритель и участник) по отношению к выбранным ею снимкам. Она является связующей нитью между фотографией и *spectator*'ом, и это еще больше обостряет ее воспоминания, именно это имеет непосредственное влияние на выбор данных фотографий. В этих снимках для Л. Г. заключается настоящее и прошлое. Эти фотографии притягательны для нее по «принципу приключения»<sup>9</sup>, некой особенной притягательности. Эта притягательность, в свою очередь, позволяет существовать этим трем фотографиям, эта притягательность – одушевление. Одушевление не фотографии, но Л. Г.

Фотография позволяет Л. Г. задумываться, она не торопит ее и дает ей достаточно времени, чтобы увидеть, вспомнить, почувствовать, заметить, рассмотреть и поразмыслить. Это отличительная черта фотографии от кино, где, для того чтобы вспоминать, рассма-

тривать и размышлять, просто нет времени. Кино побуждает к постоянной прожорливости; оно обладает множеством других добродетелей, задумчивость не из их числа<sup>10</sup>.

В описаниях фотографий Л. Г. часто использует настоящее время, она описывает родителей, бабушку, мужа в настоящем времени. Она все еще ощущает свою вовлеченность в их жизни, будто эти жизни продолжаются. Л. Г. не в силах отделить свое существование от существования своих близких, она не может смотреть на них как на историю, историю своей семьи. А ведь история конституируется при условии, что на нее смотрят – а чтобы на нее посмотреть, надо быть из нее исключенным. Тем не менее каждый раз, пересматривая снимки, Л. Г. оказывается рядом со своими близкими. Неподвижность фото представляет собой результат смешения двух понятий: Реального и Живого; удостоверив, что предмет был живым, она подспудно побуждает верить, что он еще жив<sup>11</sup>.

Л. Г. выбрала и описала три фотографии:

1. Семейная фотография. Изображение черно-белое, фотобумага обветшала. Снимок сделан 23–24 июня 1941 г. Дата составляет часть фото, вычисляя шансы жизни, смерти, неумолимость вымирания целых поколений. На фотографии изображена семья Л. Г. накануне ухода ее папы на фронт. Она часто рассматривает эту фотографию и вспоминает тот день, когда родители решили сфотографироваться, ведь им не было известно, увидятся ли они после войны и все ли уцелеют. Именно поэтому на фотографии запечатлен именно этот момент жизни их семьи.

На фото изображены бабушка, Прасковья Федоровна, мать мамы Л. Г. (она отмечает, что Прасковья Федоровна была мамой и для отца), сестра Л. Г. Талечка, которой тогда было 10 лет, мама и папа Л. Г., а также она сама. Л. Г. пишет, что их семья была очень дружной, все очень переживали друг за друга и помогали во всем. Бабушки со стороны матери и отца очень дружили, ездили друг к другу в гости.

Несмотря на то что Л. Г. было всего 4 года, когда был сделан снимок, ее воспоминания очень яркие. Она пишет, что до мелочей помнит все детали и особенно подавленное состояние взрослых. Л. Г. отмечает, что папа и мама старались держаться бодро, а вот бабушка на фотографии мало похожа на себя, ее губы поджаты, а глаза очень грустные.

2. Фотография мужа с дочкой. Фото любительское. На нем изображен В. А., муж Л. Г. с дочкой Галочкой. Л. Г. объясняет, что они только что вернулись из школы 1-го сентября. Галочка пошла в первый класс, а Л. Г. и ее муж провожали ее. Галочке очень хотелось в школу, она была нарядной и веселой. Вернувшись из школы она ус-

тавшей и измученной, что нам и показывает фотография. Галочке поручили в школе трезвонить 1-й звонок, она так нервничала, что дома рядом с В. А. осталась очень напряженной, хотя обычно рядом с папой чувствовала себя спокойно и ничего не боялась. Л. Г. пишет о том, как любит смотреть на эту фотографию и вспоминает то прекрасное время, когда они с мужем были молоды, жили в Прибалтике, много работали, много развлекались вместе с детьми и друзьями. Она вспоминает о том, как вечерами они ходили к морю, а по воскресеньям в лес, как жгли костры, пекли картошку. Эта фотография напоминает Л. Г. о той жизни, вызывает те светлые чувства и заставляет ее переживать те же ощущения, что были в те времена.

3. Фотография бабушки Марии Ивановны. Фотография чернобелая, в картонной рамке. Мария Ивановна – мать отца Л. Г. По ее словам, это была добрая и мудрая женщина. Она овдовела в 31 год, осталась с пятью сыновьями (младшему был 1 год, старшему – 11 лет). Все сыновья получили образование, были удивительно доброжелательными, уважаемыми людьми и очень дружили между собой.

Л. Г. очень тепло отзывается о фотографии и пишет о том, как, всматриваясь в лицо бабушки, она видит некоторую тревогу в глазах и в то же время уверенность в себе. Л. Г. восхищается бабушкиной жизнеспособностью и верой в себя и свою семью. Она отмечает, что, глядя на фото, она набирается мудрости. Она пишет, что выросла рядом с другой бабушкой, которая очень дружила с Марией Ивановной, что бабушки помогали друг другу выживать в трудные годы словом и делом.

Подводя итоги вышесказанному, мы можем сделать вывод, что фотография является неотъемлемой частью жизни человека сегодня. Фотография – это сочетание материального и духовного, она несет важнейшие функции как «фото для людей», являясь одновременно и картинкой, и воспоминанием, и документом, и рычагом, и стимулом. Фотоснимок несет в себе эмоции и переживания, он – история, он – место встречи. Нам удалось увидеть детали и проанализировать каждую из проблематизированных нами функций, анализ нарративов Л. Г. показал нам значимость каждой из них.

### Заключение

В нашей статье были проанализированы модели восприятия у представителей разных поколений, а также установлена связь между описываемыми событиями и происходящими на данный момент процессами. Были выявлены некие закономерности, которые поз-



волили сопоставлять описываемые события, людей и место этих событий в жизни респондентов.

1. Поступками человека управляет «жизненный мир» человека в целом, как результат всего предыдущего опыта. Следовательно, каждое действие человека должно рассматриваться в контексте всей биографической ситуации субъекта.

2. Рассказчики обращаются со своим прошлым как с неким текстом, который они каждый раз переписывают заново, вспоминая все новые и новые детали. Наличие или отсутствие этих деталей зависит от места и времени, в котором происходит повествование.

3. Используя такие индексальные выражения, как «здесь», «это», «естественно» и т. д., рассказчик стремится приобщить участников разговора к описываемым событиям, тем самым демонстрируя значимость этих событий.

4. Под влиянием окружения и в силу определенного возраста у представителей разных поколений формируется специфический ритм жизни, из чего вытекают различия в форме и структуре воспоминаний. И если для одних приоритетное значение в досуге имеет общение с друзьями и вечеринки, то другие живут воспоминаниями об ушедшем и заботами о детях и внуках. Для всех респондентов огромное значение имеет поддержка их семьи и поддержание теплых и близких семейных отношений.

5. Фотография является одним из важнейших личных документов, неотъемлемой частью жизни человека сегодня, являясь одновременно и картинкой, и воспоминанием, и стимулом, и документом жизни. Фото – это рычаг, потянув за который можно пережить представленное на снимке событие вновь; фотография – это замена людей и событий. Она позволяет задумываться, не торопит и дает время на то, чтобы увидеть, вспомнить, почувствовать, посмотреть и поразмыслить.

#### Примечания

- 1 Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 15.
- 2 Центр документации «Народный архив» (ЦДНА). Ф. 424.
- 3 Сальников В. В 60-х в СССР // Художественный журнал. 2003. № 51/52.
- 4 Левада Ю. Заметки о «проблеме поколений» // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2 (58). С. 19–25.
- 5 Понятие «дважды рожденных» (twice-born) личностей было введено в книге У. Джемса «Многообразие религиозного опыта».

- 6 *Левада Ю.* Поколения 20 века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2 (58). С. 38–46.
- 7 *Неклюдов С.Ю.* Стереотипы действительности и повествовательные клише // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тезисы конференции, М., 1995. С. 79.
- 8 *Барт Р.* Camera lucida / Пер. с фр., послесловие и комм. М. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Там же.

## ABSTRACTS

A.D. Astashkin

### EVOLUTION OF IDEAS ABOUT FORMS AND MECHANISMS OF THE SOCIAL REPRODUCTION

The main subject of the study is the phenomenon of social reproduction as the basic mechanism of public renovation. The purpose of the article is to show the evolution of ideas of the social reproduction and to examine the most conceptual scientific theories of different historical time. In the article is shown the genesis of the public understanding of the mechanisms of functioning of the social peace and corresponding to this knowledge the level of social development. The evolution of ideas about forms and mechanisms of the social reproduction shows the historical progress of societies in the variety of approaches and methods to the study of the phenomenon that is being investigated.

*Keywords:* social reproduction, the mechanism of social reproduction, public renovation, conceptual ideas, social theory.

A.N. Babayan

### COMMERCIAL BANK AS A SPECIFIC BUSINESS ORGANIZATION

Today, it is impossible to imagine modern economy, organization's activities and social groups without banks. Bank is a very compound organization. The description of bank, using organization theory, is dictated by necessity of studying different processes, which can be taken there, for example – career. Understanding of business functions and business processes, state of external and internal environments, structure of bank organization, let us define and analyze in detail its role in the making and progressing the subject's activity.

*Keywords:* business organization, bank system, commercial bank, the functions of organization, organization's points, business functions, business processes, external environment of organization, internal environment of organization, organization structure.

D.N. Barinov

#### SOCIAL BEING CONSTANTS AS A FACTOR OF OCCURRENCE OF SOCIAL ANXIETY

Some constants of man's life in a society, which appear to be a factor of occurrence of social anxiety, are considered in the article. The family, age, gender, residence concern their number. Any action of these factors is capable of creating an uncertainty situation, as becomes the prerequisite of occurrence of social fears in a rather stable society.

*Key words:* fears, anxieties, social mood, emotional atmosphere of a society, social general condition of society, anxiety factors, socio-philosophical analysis, sociology.

M.B. Bulanova

#### HIGH EDUCATION FOR RUSSIAN EMIGRATION

This article is devoted to the information about system of high education for Russian emigration in 1920–1930 years. Author considers evaluations of this system for example university educations of France and Czechoslovakia. This article focuses on the creative problems, which determined the formation of independent «Russian educations institutes» in this countries. Author analyses the successive Russian and Western high education models.

*Keywords:* Russian emigration, high education model, education institutes and education organizations.

V.V. Chernov

#### THE POSSIBILITY OF «NEW RECLAMATION» OF SIBERIA AND THE FAR EAST: SOSIOLOGICAL

The article analyses socio-demographical situation in Siberia and the Far East, considers the main causes and motives which influence migration of the population from Eastern districts of Russia.

The article deals with socio-political grounds and main trends of the project of «new reclamation» of Siberia and Far East of Russia.

*Keywords:* modernization, social security, demography, migration, «new reclamation».

N.V. Demjanenko

SOCIOLOGY OF HERBERT SPENCER IN ESTABLISHING  
OF RUSSIA «SUBJECTIVE» SCHOOL  
OF THE XIX CENTURY

The paper considers an influence of H. Spencer's sociological ideas on the prerevolutionary Russian sociological thought. Depending of the features of this influence, early Russian sociology was considered as specific scientific direction in the history of the world sociology. The article deals with formation the first Russian national sociological school. Subsequently the school was named «subjective» school. Its representatives L.E. Obolensky, N.I. Kareev, N.K. Mikhajlovski, suggested own unique the methods of scientific research using in social sciences. The methods were to study the internal psychological peace of the man without being limited to its external manifestations. The article is dedicated to H. Spencer's historical works and famous scientific works prerevolutionary Russian sociologists.

*Keywords:* the positivism of Spencer, the Russian sociology, the organic theory, the subjective approach, the methods of the study, the public phenomena, the social forces.

A.V. Kuchenkova

STUDY OF ELECTORAL PREFERENCES USING  
JSM-METHOD

The article examines potentialities of studying electoral preferences by JSM-method. Theoretical background and methodological specificity of JSM-method are considered. The results of using JSM-method for studying students' electoral preferences are discussed.

*Keywords:* electoral preferences, JSM-method, rationality of electoral preferences, consistency of opinion, ideal opinion.

F.V. Dimaeva

#### ABOUT THE TRADITIONAL AND MODERN CHECHEN CULTURE

In the article there is discussed the national traditions of the family education in the context of modern situation in the Chechen society. The difficult processes of this society is connected with the turning-points of its cultural development. The author does not contradict traditional and modern culture but shows them in interaction in crucial moments of history, draws attention both to institutional changes in cultural system and value grounds of definite changes.

*Key words:* Chechen society, traditional culture, family education, interaction of cultures.

M. Djamaldayeva

#### THE ROLE OF UNIVERSITY INTELLECTUALS IN RECONSTITUTING OF EDUCATIONAL SYSTEM IN CHECHEN REPUBLIC

The article based on the data of expert interview deals with system changes in educational sphere in Chechen Republic during the last 20 years, the condition of education system at present time, problems and specific of educational policy in the republic and the role of university intellectuals in reconstituting of educational potential of this subject of the Russian Federation.

*Keywords:* educational system, Chechen Republic, intellectuals, educational policy.

E.V. Gadar

#### EVENT STRUCTURE OF THE GENERATION MEMORY: THE COMPARATIVE ANALYSIS

In this article author compares the biographies of different generations and analyzes the patterns of perception key events in the biographies. Author examines various theoretical and methodological approaches to study event structure of the generation memory, and makes an attempt to compare the perception models of significant life events among different generations. The author stresses that the analysis of event-memory structure of different generations should take into account several factors, including the possible influence of the nearest environment (family).

*Keywords:* biographical method, the events of life, intergenerational relationships, memory of the generations.

A.A. Goloseyeva

POLEMIC AROUND THE CONCEPT «SUBJECTIVE METHOD»  
IN SOCIOLOGY IN RUSSIAN SOCIAL IDEAS IN THE SECOND  
HALF OF THE XIX-TH CENTURY

The article discovers the essence of the term «subjective method» and nuances of its interpretation of different representatives of Russian ethical-subjective school: P.L. Lavrov, N.K. Mikhaylovsky, S.N. Yudjakhov. The polemic of the subjectivists with other methodological schools is shown, in particular with Marxists and representatives of religious-idealistic school.

*Keywords:* history of sociology, subjective method in sociology, P.L. Lavrov, N.K. Mikhaylovsky, S.N. Yudjakhov.

V. Gorbatcheva, D. Maltseva

METHODOLOGICAL GROUNDS OF THEORETICAL  
FATHERHOOD STUDYING

This article discusses the theoretical and methodological approaches to the current fatherhood analyze in the foreign and our country's sociological science. Fatherhood can be understood as a complex social phenomenon and is studied as a social institute (fatherhood) and as an everyday practices realized by modern men with reference to children (fathering). Typology of fathering was conducted in this research. Complexity and versatile of fatherhood and fathering concepts lead to researchers emphasize fatherhood variation and dependence of social and cultural components.

*Keywords:* fatherhood, fathering, father involvement and father responsibility, social construction of fatherhood, structural model of fatherhood.

O.V. Kitaitzeva

THE SPECIFIC OF THE SYMBOLIC CONSUMPTION  
IN THE CONDITIONS OF SYSTEM CRISIS IN MODERN  
RUSSIA THROUGH A PRISM OF SOCIAL-CULTURAL  
PARADIGM OF A.P. SOROKIN

During the last 20–30 years transformation processes in Russian society have changed the consumption sphere dramatically. Based on social-cultural paradigm of A.P. Sorokin the author comes to the con-

clusion that sensual hedonistic culture of the West have the dominant influence on the modern Russian society. The most striking demonstration of this western culture is the transformation of consumer behavior in simulation, which is the consumption of «simulacras». All these processes now have led to manipulation by signs. Today the «simulacra of the West» have the major influence and shape values and models of consumer behavior of Russians. And this is the main reason of the system crisis, which continues to develop in Russia today. Russia can come to a new social-cultural system by overcoming the influence of dominating «simulacra of the West». This system will be based on humanization of human relations where sensual and ideological values will be combined.

*Keywords:* social-cultural dynamics, symbolic consumption, «simulacra», hedonistic culture.

E.A. Kolosova

#### THE DYNAMICS OF REPRODUCTION OF TRADITIONAL AND DISTRIBUTION OF INNOVATIVE PRACTICES OF CHILD READING

The article presents the first results of pilot study «Young Reader 2010» held at the Russian State Children's Library. The study tasks were to identify the genre and thematic preferences of modern Moscow pupils, consideration of channels and ways to get information about books for children. Attempt to identify the dynamics of innovation practices of reading (in this case children), such as reading on-line, reading from the screen, reading from the special devices.

The study gave some view on what today is a junior student reading, whether it is a school program or for pleasure, whether today's children are recording books read, how well they know the preferences of their parents in childhood and so on.

*Keywords:* school education, child reading.

U. Krivenkova

#### INNOVATIONS OF PRESCHOOL EDUCATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

In the article the analysis of innovation processes taking place in early childhood education, identified and systematized the main factors that made the most impact on its development over the past 15 years.



Recruited 10 educational programs that highlighted the innovative components. Considered innovative transformation in the system of preschool education and identified the reasons that hindered the process. Selected the following major and additional conditions for successful innovation in preschool education.

*Keywords:* kindergarten, the innovation process, the family, variability, pre-primary education, innovative changes.

D.O. Paramonov

#### LANGUAGE'S POLICY AND DEMOCRACY IN CONDITIONS OF THE ACHIEVEMENT COMPLICATIONS. MODELS OF THE REFLECTIVE SOCIOLOGY

The main aim of the article – statement of a problem of language as a very important factor of the modern policy. There discussions about moderns democratic societies are not enough without consideration so-called «Language's policy». Author of this article attempts innovatory to consider the common being that taking into account language and it influence on the policy. Language's policy are researched poorly within modern social sciences, the application it hush upping, the role and meaning in the modern policy underestimated. Though police, which provides the selection and domination certain language, block another language, active applies in country of Central and East Europe, Baltic region. To understand more fullness and exactly meaning of the language in political ontology, author proposes to return toward other countries, in which just language was an important content within public policy and human being. India is a perfect model for this. Comparison Indian's language's policy and language's policy of the country of Europe, revelation of common and distinguishing features among sanscritization, hinduisation, balkanization, ukrainization etc. be able only within fundamental comparative philosophy and reflective sociology. There models and paradigms of reflective sociology elaborates now simultaneously within of the traditions and schools Indians and Europeans philosophy and sociology. Philosophical fundamentals of the reflective sociology and language's policy is the main object of authors analysis.

*Keywords:* language's policy, reflective sociology, political philosophy, philosophy of language, culture of India and Europe, comparative research, ritual research, sanscritization, hinduisation, representation of experience, system of formalization, globalization, rational and irrational in the policy.

N.V. Romanovsky  
HISTORY OF SOCIOLOGY – CONSTRUCTIONIST  
PERSPECTIVE

History of sociology is scrutinized – both in Russia and world over – with the purpose of extracting from the past experience maximal effect for contemporary «homo sociologicus». As a result fifteen component determinants are singled out – including five positioned outside of sociology proper – and resultant propositions are formulated and discussed.

*Keywords:* history of sociology, historical sociology, sociology of science, factors and determinants of sociology development, constructivism.

I.O. Shevchenko  
SIGNIFICANCE OF FATHER IN ADULT CHILDREN  
CONCEPTIONS

Father's role in upbringing the children is described as reconstructed from reminiscences of adult children. The family roles, parents' social positions, the relations between parents and children, functions and significance of father's contribution to child's socialization are analyzed in the review.

*Keywords:* father, father's authority, father's role in children socialization, father's family functions.

N.V. Shilov  
THE INFLUENCE OF MASS MEDIA ON ETHNOPOLITICAL  
PROCESS (ON THE MATERIAL OF REPUBLIC  
OF MORDOVIA)

The article is focused on development of the Mass Media of Republic of Mordovia and its connection with dynamic of social-political life of the region. Undoubted positive value of mass media in life of modern society goes together with definite destructive element. The situation around mass media in Mordovia reflects all-Russia tendencies in the sphere of socio-cultural communication. From the end of the 1980-s in Republic is observed the rise of ethnical consciousness of ethnic groups and appearance of national nongovernmental organizations. This process was accompanied by the rise of role of regional mass media in ethno political and ethno confessional process. Classification of printed media in Republic of Mordovia is given.

*Keywords:* mass media, national NGO, ethno political process.

R.A. Shushukalova

#### PHILOSOPHICAL PREHISTORY OF THE STABLE DEVELOPMENT

The aim of the article is to examine the philosophical prehistory of the conception of the stable development. It is recommended to adjust previous statements about the stable development to modern conceptions of the stable development. The philosophical concept of «welfare» (in spite of the fact that it has a lot of meanings) is the direct but «naïve» precursor of the conception of the stable development. The use of the philosophical concept «welfare», the outcome orientator for understanding the intellectual legacy of previous ages, gives an opportunity to turn on direct.

*Keywords:* the history philosophy, stable development, welfare.

A.V. Strelnikova

#### CHARACTERISTICS OF SURVEY TECHNIQUES IN URBAN STUDIES

The questionnaires and interviews are the most common methods in sociology. This is due to the fact that direct contact with an individual or group makes it possible to obtain both objective (facts) and subjective (motives) of information. This article analyzes the characteristics of survey techniques in research methodologies, lying in the field of urban sociology. Author describes the various types of questions: basic, projective, incomplete proposals; and search for secondary data. Author provides the examples of questionnaire tools for each type of issues, as well as fragments of the data interpretation from recent research projects.

*Keywords:* urban sociology, methodology and methods, survey techniques, types of questions.

L.N. Vdovichenko

#### POSITIONING OF DREAM AS THE FORM OF IDEAL

The article considers mechanisms of forming social and individual ideals, realized by individuals and social communities as dreams. It determines differences in dreams of Soviet and post-Soviet periods; social causes and grounds for evolution of social ideals and wishful images are discovered. Special attention is based to contemporary projects of Russian future.

*Keywords:* dream, ideal, social perceptions, values, elite, a vision of the future.

## Сведения об авторах

*Асташкин Артем* – аспирант Института социологии РАН, e-mail: astashkin@mail.ru.

*Бабаян Альберт Нелсонович* – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, e-mail: batman85@list.ru.

*Баринев Дмитрий Николаевич* – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии Смоленского государственного университета, e-mail: centre@novalenso.com; mail@novalenso.com.

*Буланова Марина Борисовна* – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории социологии РГГУ.

*Вдовиченко Лариса Николаевна* – доктор соц. наук, профессор кафедры политической социологии социологического факультета РГГУ, e-mail: vdlarissa45@yandex.ru.

*Гадарь Екатерина Викторовна* – аспирант социологического факультета РГГУ.

*Голосеева Анна Анатольевна* – канд. истор. наук, старший преподаватель кафедры политической социологии социологического факультета РГГУ, e-mail: goloseyeva@gmail.com.

*Горбачева Валентина Ивановна* – канд. соц. наук, доцент кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, e-mail: v.gorbacheva@mail.ru.

*Демьяненко Николай Валерьевич* – кандидат соц. наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН (г. Санкт-Петербург), e-mail: demyanenko1@rambler.ru.

*Джамалдаева Мадина* – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ.

*Димаева Фатима Вахаевна* – канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института РАН (г. Грозный), e-mail: dimaeva@bk.ru.

*Китайцева Ольга Вячеславовна* – старший преподаватель кафедры прикладной социологии РГГУ, e-mail: velik69@mail.ru.

- Колосова Елена Андреевна* – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, e-mail: the\_shmiga@mail.ru.
- Кривенкова Юлия Евгеньевна* – соискатель социологического факультета РГГУ, e-mail: iulia16@mail.ru.
- Кученкова Анна Владимировна* – ассистент преподавателя кафедры прикладной социологии РГГУ, e-mail: a.kuchenkova@rggu.ru.
- Мальцева Дарья Васильевна* – социологический факультет РГГУ, e-mail: velik69@mail.ru.
- Парамонов Денис Олегович* – канд. филос. наук, сотрудник Института «Справедливый Мир», e-mail: denparamonov@yandex.ru.
- Романовский Николай Валентинович* – докт. истор. наук, профессор кафедры теории и истории социологии РГГУ, e-mail: velik69@mail.ru.
- Стрельникова Анна Владимировна* – канд. соц. наук, доцент кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ.
- Чернов Виталий Вениаминович* – канд. истор. наук, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ.
- Чучукалова Римма Александровна* – аспирант кафедры социально-политических теорий Сибирского федерального университета (г. Красноярск), e-mail: ra3509@mail.ru.
- Шевченко Ирина Олеговна* – канд. истор. наук, доцент кафедры теории и истории социологии РГГУ, e-mail: sheviren@yandex.ru.
- Шилов Николай Владимирович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии социологического факультета РГГУ, e-mail: shilov13@mail.ru.

## General data about the authors

*Astashkin Artem* – post-graduate student, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: astashkin@mail.ru.

*Babayan Albert* – post-graduate student, department of Social Engineering, Russian State University for the Humanities, e-mail: batman85@list.ru.

*Barinov Dmitry* – PhD in Philosophy, associated professor of Sociology department, Smolensk State University, e-mail: centre@novalenso.com; mail@novalenso.com.

*Bulanova Marina* – PhD in Philosophy, associated professor, department of History and Theory of Sociology, Russian State University for the Humanities.

*Chernov Vitaliy* – PhD in History, associated professor, department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities.

*Demyanenko Nikolay* – PhD in Sociology, senior research scientist, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), e-mail: demyanenko1@rambler.ru.

*Dimaeva Fatima* – PhD in Philosophy, leading researcher of Complex Institute for scientific research of the Russian Academy of Sciences (Grozniy), e-mail: dimaeva@bk.ru.

*Djamaldayeva Madina* – post-graduate student, department of Social Engineering, Russian State University for the Humanities, e-mail: djamaldaeva@mail.ru.

*Gadar Ekaterina* – post-graduate student, department of Sociology, Russian State University for the Humanities, e-mail: katrin\_ne@mail.ru.

*Goloseyeva Anna* – PhD in History, department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, e-mail: goloseyeva@gmail.com.

*Gorbacheva Valentina* – PhD in Sociology, associated professor, department of Social Engineering, Russian State University for the Humanities, e-mail: v.gorbacheva@mail.ru.

*Kitaitzeva Olga* – senior lecturer, department of Social Engineering, Russian State University for the Humanities, e-mail: velik69@mail.ru.

- Kolosova Elena* – post-graduate student, department of Social Engineering, Russian State University for the Humanities, e-mail: the\_shmiga@mail.ru.
- Krivenkova Yulia* – competitor of sociological faculty of Russian State University for the Humanities, e-mail: iulia16@mail.ru.
- Kuchenkova Anna* – Assistant of professor, department of Social Engineering, Russian State University for the Humanities, e-mail: a.kuchenkova@rggu.ru.
- Maltzeva Darya* – department of Sociology, Russian State University for the Humanities, e-mail: velik69@mail.ru.
- Paramonov Denis* – PhD in Philosophy, «A Just World» Institute, e-mail: den-paramonov@yandex.ru.
- Romanovsky Nikolay* – Doctor of History, professor, department of History and Theory of Sociology, Russian State University for the Humanities, e-mail: velik69@mail.ru.
- Shevchenko Irina* – PhD in History, associated professor, department of History and Theory of Sociology, Russian State University for the Humanities, e-mail: sheviren@yandex.ru.
- Shilov Nikolay* – PhD in History, associated professor, department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, e-mail: shilov13@mail.ru.
- Shushukalova Rimma Alekcandrovna* – post-graduate student, department of Social-political Theory, Siberian Federal University (Krasnoyarsk), e-mail: ra3509@mail.ru.
- Strelnikova Anna* – PhD in Sociology, associated professor of department of Social Engineering, Russian State University for the Humanities.
- Vdovichenko Larisa* – Doctor of Sociology, Professor of department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, e-mail: vdlaris-sa45@yandex.ru.





Заведующая редакцией *Е.Е. Жигарина*

Корректор *Л.П. Буцева*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90<sup>1/16</sup>.  
Усл. печ. л. 16,25. Уч.-изд. л. 17,0.  
Тираж 1050 экз. Заказ № 21.

Издательский центр  
Российского государственного  
гуманитарного университета  
125993, Москва, Мнусская пл., 6  
[www.rggi.ru](http://www.rggi.ru)  
[www.knigirggi.ru](http://www.knigirggi.ru)